

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2022**

4

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнардов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryshchenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2022-4

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (216) 2022 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 4 (216) 2022*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Гончарова Е. Н.** Формирование образа женской святости в раннехристианской антропологии 4
Иванов В.Н. Проблема актуальности культурфилософского исследования феномена военной культуры 11
Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Республиканские нации и нациестроительство: причинное объяснение и политический проект 16
Попченко Е.С. Влияние синергетики на трансформацию методологии исследования общественной организации 30

- Goncharova E. N.** Formation of the Image of Female Holiness in Early Christian Anthropology 4
Ivanov V.N. The Problem of the Relevance of Cultural Philosophical Research of the Military Culture Phenomenon 11
Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Republican Nations and Nation-Building: Causal Explanation and Political Project 16
Popchenko E.S. The Influence of Synergetics on the Transformation of the Methodology of Public Organization Research 30

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

- Волошин Д.А.** Крушение Римской империи в метафорах и образных сравнениях 35
Горбик К.А. Основные мероприятия Государственного банка по кредитованию угольной промышленности Области войска Донского 43
Иванов А.Г. К вопросу о происхождении политики невмешательства в Испании в 1936 году (по материалам архива Форин оффис) 49
Медведев М.В. История польской армии В. Андерса в СССР в 1941–1942 годах: особенности формирования и проблемы сотрудничества 59
Паламарчук Е. А. Коллаборационистская газета «Новый путь» (бобруйское издание) как инструмент пропагандистского обеспечения оккупационной политики нацистской Германии на территории Белоруссии 65

- Voloschin D.A.** The Collapse of the Roman Empire in Metaphors and Figurative Comparisons ... 35
Gorbik K.A. The Main Activities of the State Bank on Lending to the Coal Industry of the Province of the Don Cossack Host 43
Ivanov A.G. To the Question of Origin of the Policy of Non-Intervention in Spain in 1936 (On Materials of the Foreign Office's Archives) 49
Medvedev M.V. The History of the Polish Army of V. Anders in the USSR in 1941-1942: Features of Formation and Problems of Cooperation 59
Palamarchuk E.A. Collaborationist Newspaper "Novy Put" (Bobruisk Edition) as an Instrument of Propaganda Support for the Occupation Policy of Nazi Germany on the Territory of Belarus 65

Умаров Дж. В. Феномен мирных горцев в ходе Кавказской войны	75
Шадрина А.В. Старообрядчество в Ростовской области в 1944–1960-е годы	82

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Zhang Chong. Analysis of Coupling Relationship between E-Commerce and Regional Economic Development of China	91
---	----

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Екатерина Гавриловна Гежа (к юбилею коллеги)	98
Кислицын С.А. В.Ф. Ларин – видный донской революционер, председатель Азово-Черноморского крайисполкома Советов	99

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дмитрова А.В., Осипова Т.О. «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы»: Шолоховские чтения – 2022 (ст. Вешенская, 7–9 сентября 2022 г.) ...	106
Сень Д.В., Швайба Н.И. Международная научно-практическая конференция «Казачество на службе Отечеству» (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2022 г.)	109
Сухов Р.И. Итоги проведения V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса: российский и зарубежный опыт» (Ростов-на-Дону, 7–8 апреля 2022 г.)	113

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Венков А.В. Юбилей университета и проблемы высшего образования на Юге России. <i>Карамурзов Б.С., Мамсиров Х.Б.</i> КБГУ – 90: основание, становление, развитие Кабардино-Балкарского государственного университета (основные вехи). М.: Российский новый университет, 2022. 502 с.	117
---	-----

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2022 г.	122
---	-----

Umarov Dzh.V. The Phenomenon of Peaceful Mountaineers During the Caucasian War	75
Shadrina A.V. Old Belief in Rostov Oblast in 1944-1960	82

ECONOMIC SCIENCE

Zhang Chong. Analysis of Coupling Relationship between E-Commerce and Regional Economic Development of China	91
---	----

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Ekaterina Gavrilovna Gezha (for the Anniversary of a Colleague)	98
Kislitsyn S.A. V.F. Larin – prominent Don revolutionary, Chairman of the Azov-Black Sea Regional Executive Committee of Soviets	99

SCIENTIFIC LIFE

Dmitrova A.V., Osipova T.O. “The study of M.A. Sholokhov’s creativity at the present stage: problems, concepts, approaches”: Sholokhov Readings - 2022 (Veshenskaya, September 7-9, 2022)	106
Sen’ D.V., Shvaiba N.I. International Scientific and Practical Conference “Cossacks in the service of the Fatherland” (Rostov-on-Don, November 28, 2022) ...	109
Sukhov R.I. Results of the V International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists “Modern problems and technologies in the sphere of tourism, hotel business, service: Russian and foreign experience” (Rostov-on-Don, April 7-8, 2022)	113

BOOK REVIEWS

Venkov A.V. Anniversary of the University and problems of higher education in the South of Russia. <i>Karamurzov B.S., Mamsirov H.B.</i> KBSU - 90: foundation, formation, development of the Kabardino-Balkarian State University (main milestones). Moscow: Russian New University Press; 2022. 502 p.	117
--	-----

Index of Materials, published in the Journal “Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science” in 2022	122
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 27

doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-4-10

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Елена Николаевна Гончарова

Курский государственный университет, Курск, Россия

elena1200012@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается формирование представлений о женской святости в раннем христианстве. Понятие святости является одним из важнейших элементов христианской религии. Концепция женской святости в раннем христианстве позволяет составить представление о тех принципах, на которых строился образ святой женщины в последующие периоды христианской истории.

Целью данного исследования является изучение феномена святости в ветхозаветном и новозаветном понимании, в частности раскрытие формирования образа женской святости в раннем христианстве.

Задачи: проанализировать особенности используемых исторических источников; исследовать факторы, повлиявшие на формирование образа женской святости в раннехристианский период и в последующие периоды истории христианской Церкви; рассмотреть взаимосвязь канонических образцов и описание их практической реализации.

Методология. В процессе работы над исследованием использовался принцип историзма, т.е. образ женской святости в исторической перспективе, а также общенаучные (анализ и синтез, аналогия) и частные методы (сравнительно-исторический, герменевтический, хронологический).

Результаты исследования могут использоваться в ходе осуществления учебного процесса при рассмотрении вопросов в рамках различных курсов по антропологии, истории философии, истории древнего мира, этики, разделов социогендерной идентичности и пр.

Вывод. Новозаветное представление о святости отличается от ветхозаветного. В христианстве первыми святыми становятся те, кто мученически пострадал за Христа. Наряду с мужчинами-мучениками, пострадавшими за христианскую веру, встречается немало женщин, добровольно принявших страдания и мученическую кончину. Вместе с мученичеством в первые века среди христиан было широко распространены добровольное девство и аскетизм. Таким образом, женщины являлись не только активными распространительницами нового учения, но и наравне с мужчинами могли достичь святости.

Ключевые слова: святость, обожение, женщина, Ветхий Завет, Новый Завет, раннее христианство, мученичество, девство, аскетизм, агиография

Для цитирования: Гончарова Е. Н. Формирование образа женской святости в раннехристианской антропологии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 4–10.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

© Гончарова Е. Н., 2022

FORMATION OF THE IMAGE OF FEMALE HOLINESS IN EARLY CHRISTIAN ANTHROPOLOGY

Elena N. Goncharova

Kursk State University, Kursk, Russia
elena1200012@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of ideas about female holiness in early Christianity. The relevance of the problem stated in the article is due to the fact that the concept of holiness is one of the most important elements of Christian religion. The concept of female holiness in early Christianity allows us to get an idea of the principles on which the image of a holy woman was built in subsequent periods of Christian history.

The purpose of this study is to study the phenomenon of holiness in the Old Testament and New Testament understanding, in particular, to reveal the formation of the image of female holiness in early Christianity.

Tasks: to analyze the features of the historical sources used; consider the factors that influenced the formation of the image of female holiness in the early Christian period and in subsequent periods in the history of the Christian Church; consider the relationship of canonical images and a description of their practical implementation.

Methodology. In the process of working on the study, the principle of historicism was used, i.e. the image of female holiness was considered mainly in a historical perspective. Also, both general scientific methods (analysis and synthesis, analogy) and private ones (comparative historical method, hermeneutic method, chronological method) were used.

The results of the research can be used in the course of the educational process when considering issues within the framework of various courses in anthropology, the history of philosophy, the history of the ancient world, ethics, sections of sociogender identity, etc.

Conclusion. The New Testament concept of holiness is different from the Old Testament. In Christianity, the first saints are those who suffered martyrdom for Christ. Along with male martyrs who suffered for the Christian faith, there are quite a few women who voluntarily accepted suffering and martyrdom. Together with martyrdom in the first centuries, voluntary virginity and asceticism were widespread among Christians. Thus, women were not only active disseminators of the new teaching, but they could achieve holiness on an equal footing with men.

Keywords: holiness, deification, woman, Old Testament, New Testament, early Christianity, martyrdom, virginity, asceticism, hagiography

For citation: Goncharova E. N. Formation of the Image of Female Holiness in Early Christian Anthropology. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):4-10. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

На наш взгляд, трудно сформировать полное представление о любой изучаемой религии не зная, какое место занимает человек в иерархии религиозных ценностей или как выстраиваются в ней отношения между человеком и Богом. Изучение феномена святости в контексте культуры позволяет понять систему ценностей, нравственно-моральные ориентиры и духовные запросы общества в определенные исторические периоды [1, с. 3].

В христианстве отношения между Богом и человеком определяются Откровением в Священном Писании об образе и подобию человека Богу и учением Церкви о Христе как истинном Боге и Человеке. В христианской антропологии человек может достигнуть святости через соблюдение заповедей и причастности Христу в таинствах, раскрывая в полной мере в себе образ Божий и уподобляясь Богу. К основным аспектам святости можно отнести борьбу с грехами и совершенную любовь к Богу и ближним. По словам святителя Григория Богослова, «человек делается сыном Божиим только когда становится святым» [2, с. 109]. Источником, основой и содержанием святости является Бог. Митрополит Макарий Булгаков писал: «Называя Бога святым, мы исповедуем, что Он совершенно чист от всякого греха, даже не может согрешить, и во всех Своих

действиях совершенно верен нравственному закону, а потому ненавидит зло и любит одно только добро и во всех Своих тварях» [3, с. 132].

Идее святости в христианстве посвящено много исследований как зарубежных, так и отечественных. Среди зарубежных особое место занимают труды К. Крумбахера [4] и Х. Г. Бека [5]. Периоды гонений на христианство и возникновение мученичества за веру в ранней Церкви описаны Э. Гиббоном [6], В. Дюрантом [7], А. Дониини [8], Э. Ренаном [9], У. Х. К. Френдом [10]. К дореволюционным фундаментальным исследованиям по истории христианской Церкви, отражающим некоторые аспекты святости в раннем христианстве, относятся труды В.В. Болотова [11], А. Карташева [12], М.Э. Поснова [13] и др. В советский период проблемой мученичества и женской святости в первые века христианства занимались И.С. Свенцицкая [14], Ю.К. Колосовская [15], В.А. Федосик [16]. Аскетизм и появление монашества в восточном христианстве изучали А. И. Осипов [17] и А. И. Сидоров [18]. Агиографии как самостоятельному жанру христианской литературы были посвящены труды Д.С. Лихачева [19], С. В. Поляковой [20], Т. В. Поповой [21]. Таким образом, источниковая база исследования достаточно обширна, но факторы, повлиявшие на формирование образа женской святости в раннем христианстве, пока недостаточно исследованы в научной литературе.

Термин «святость» сформировался еще в ветхозаветные времена, поэтому христианская идея святости тесно связана с иудейскими представлениями о святом. Понятие святости подробно раскрывается в книгах Ветхого Завета, и в первую очередь святым называется Бог (напр., Исх. 15:11; Нав. 24:19; 1 Цар. 6:20; Иов 6:10; Пс. 21:3), так как святость является одним из атрибутов Господа. Основная идея святости раскрывается в Пятикнижии в контексте непостижимой святости Бога и греховности человека. «Кто, как Ты, величествен святостью, досточтим хвалами, Творец чудес?» (Исх. 15:11). Святость Бога обусловлена непостижимостью и непричастностью его к греху, а также милосердием и любовью. Святость Бога распространяется и на Его имя. Согласно ветхозаветному представлению, существует теснейшая связь между именем и его носителем, отсюда запрет на произнесение имени Бога напрасно: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20:7). Человек становится святым в том случае, если Бог освящает его. В книге Левит сказано: «Итак, будьте святы, потому что Я свят» (Лев. 11:45), т.е. «любое творение свято (освящено) ровно настолько, насколько оно причастно Божественной реальности (Ис 6:3; Ин 15:5). Стало быть, процесс освящения человека есть не что иное, как его уподобление Всевышнему, построение теснейшей связи с Ним» [22, с. 16]. Именуя Бога святым, Библия провозглашает абсолютное превосходство Всевышнего над всем творением.

С возникновением христианства представление о святости существенно изменилось. В Новом Завете трансцендентный Бог стал Человеком, облекся плотью, во Христе «обитает вся полнота Божества телесно», – говорит апостол Павел (Кол. 2:9). Бог во Христе открывает человечеству то, о чем не могли представить люди дохристианской эпохи: воплощение Бога, явление миру Богочеловека. В контексте христианской антропологии и христианского понимания святости возникает новое представление о человеке как об образе и подобии Божию. Практически все христианские богословы обращались к теме образа и подобия Божьего в человеке, поскольку эта тема является исключительно библейской. Но в Новом Завете возможность святости человека открывается в полной мере. В апостольские времена идея святости не была четко сформулирована и «святыми» называли «всех членов Церкви, что соответствовало духу раннего христианства» [23, с. 278]. Об этом факте свидетельствуют послания апостола Павла: «Всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым» (Рим. 1:7); «всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах» (Флп. 1:1); «находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе» (Еф. 1:1) и т.д.

Е. О. Калмыкова пишет: «По мере развития в христианстве собственных культовых элементов и доктрины этим термином начали обозначать не всех христиан, но только тех, кто совершил предельное действие, подвиг: мученически умер за веру. Само почитание мучеников и их останков отметило коренное отличие христианских представлений о святости от ветхозаветных» [23, с. 278].

Мученики становятся первыми святыми в христианстве. Мученичество за веру в христианстве появилось на самой ранней стадии формирования этой религии. Уже в Деяниях святых апостолов описывается самосуд над диаконом Стефаном. Разъяренная толпа забила его камнями за христианскую проповедь в Иерусалиме. (Деян. 6: 12; 7: 1–60). По раннехристианской традиции многие из апостолов приняли мученическую смерть за веру (Петр, Павел, Андрей, Филипп, Варфоломей, Фома). Тем самым христианство расширило границы святости, святым мог стать любой человек, «пострадавший за Христа», независимо от пола, возраста и принадлежности к определенному народу.

Среди первых христиан, которые пострадали за Христа, было и много женщин. В период гонений на христианство у женщин-христианок появился еще один путь получения особого статуса, в котором они смогли сравниться с мужчинами – обретение ореола мучениц или исповедниц. Женщины играли немаловажную роль в жизни раннехристианских общин, но их деятельность, как и в евангельское время, скорее всего, была связана с практической помощью апостолам, которая и подразумевалась под словом «труды». Некоторые могли участвовать в распространении нового учения, но в ограниченных рамках, не занимаясь самостоятельной общественной проповедью [24, с. 229]. Но следует отметить и тот факт, что в особых случаях Церковь признавала некоторых женщин равноапостольными, когда шла речь об их особой роли в распространении христианства в масштабах целых государств.

Говоря об образе святой женщины в раннем христианстве, следует отметить, что в библейском понимании образ женщины весьма противоречив, о чем свидетельствует апостол Павел: «И не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление» (1 Тим. 2:14), а с другой стороны, «семя жены сотрет главу змия» (Быт. 3:14). Если в период античности мужчине отводилась сфера общественной, публичной жизни, а женщине – частная, т.е. роль жены и матери, то христианство дало женщине возможность сыграть новые роли: проповедницы, пророчицы, девственницы, вдовицы, диаконисы и т.д. С появлением христианства женщина получила возможность социального служения. Это связано с тем, что женщины часто играли важную роль в распространении христианской религии, поэтому христианство оказалось наиболее привлекательным для них.

По словам И. С. Свенцицкой, «вероучительным обоснованием принятия женщин в христианские общины была идея об единении всех верующих во Христе, независимо от этнических, социальных и половых различий» [25, с. 161], т.е. христианство позволило женщинам покинуть традиционно женскую сферу и переместиться в мужскую публичную сферу. Но их деятельность была связана с практической помощью апостолам, и по мере распространения новой христианской религии патриархальное общество заставило христианскую церковь приспособиться под социальные шаблоны окружающего мира. Тем не менее многие женщины-христианки мученически пострадали за веру. Вслед за первым мучеником архидиаконом Стефаном подвиг мученичества совершила св. Фекла. В Церковной истории Евсевий Памфил среди многочисленных мучеников выделяет Клименту, жену консулария Флавия, которая была сожжена за свою веру в 95 году. А в своих сочинениях святитель Игнатий Брянчанинов приводит пример подвига св. мученицы Фелицитаты, которая за исповедание христианской веры, будучи беременной, была заключена в темницу. Во времена правления императора Адриана пострадали Вера, Надежда и Любовь и их мать София. Мученичество в первые века христианства было массовым явлением, но в разных провинциях Римской империи преследования христиан производились с различной интенсивностью.

Помимо подвига мученичества в первые века христианства было широко распространено добровольное девство и аскетизм, что характерно отличало раннехристианское представление о святости от ветхозаветного, так как в Ветхом Завете не одобрялось безбрачие. Довольно много внимания в трудах отцов и учителей Церкви отводится восхвалению непорочного, целомудренного образа жизни. Важнейшей и значимой фигурой в Священном Писании, которая отождествляется со святостью девства является Дева Мария. В истории женской святости культу Богородицы придается особое значение. Развитие этого культа было одной из важнейших посылок для апологии женщины и достижения ею святости, «так как Богородица символизировала искупление греха, совершенного Евой, и, таким образом, своеобразно реабилитировала женщину в способности

достигнуть высшей степени совершенства – святости» [1, с. 16]. На библейском идеале непорочности и целомудрия строились принципы женского монашества. Монашество и мученичество периода античного христианства для женщин представляли собой формы поиска наиболее эффективного служения в стремлении к спасению души.

В первые века христианства основной список почитаемых святых включал в себя имена мучеников. Со II века в церковных источниках наряду с днями празднования, связанными с воспоминанием некоторых евангельских событий, уже существовали дни памяти святых.

Таким образом, ветхозаветная модель взаимоотношений человека с Богом напрямую связана с трактовкой святости. Согласно ветхозаветным представлениям, понятие святости творения неразрывно связано со святостью Творца. Ветхозаветное понятие святости раскрывается в Пятикнижии. «Заложённый в Ветхом Завете божественный закон был усвоен богоизбранным народом не сразу и не в полном объеме, это касается и понимания святости. Нравственная чистота, обрядовые указания и внешняя часть богообщения утратила связь с внутренней первопричиной и конечной целью обожения» [26, с. 17]. Новозаветное представление о святости отличается от ветхозаветного. Святость в Новом Завете достигается благодаря Христу. «Библейские образы женщин, идеи Отцов Церкви и культ Богородицы оказали существенное влияние на представление византийцев об идеалах женского поведения, которые вмещали две основные модели положительного женского поведения: девы-монахини и жены-матери» [1, с. 13]. И хотя христианство не дало женщинам социального равенства, не привело к реальному изменению их правового положения в обществе, но оно заложило основы духовного равноправия, признав равенство женщины и мужчины, дав ей равные шансы на спасение. Это обеспечило большое число женщин – сторонниц христианства и в первоначальный период его развития, и на последующих этапах становления церковной организации.

Список источников

1. *Охлупина И.С.* Образы святых женщин в Византии VIII – XII вв.: становление, эволюция, типология : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 26 с.
2. Творения иже во святого отца нашего Григория Нисского, епископа. М., 1862. Ч. IV. 398 с.
3. *Макарий (Булгаков)*, митрополит. Православно-догматическое Богословие. М.: Паломник, 1999. Т. 1. 598 с.
4. *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches 527-1453. München, 1897.
5. *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959.
6. *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. СПб.: Наука; Ювента, 1997.
7. *Дюрант В.* Цезарь и Христос / пер. с англ. В. В. Федорина. М.: КРОН-пресс, 1995. 735 с.
8. *Донини А.* У истоков христианской религии / пер. с ит. И. И. Кравченко. М.: Политиздат, 1989. 364 с.
9. *Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М.: Терра, 1991. 347 с.
10. *Frend W. H. C.* Martyrdom and Persecution in the Early Church. A Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus. Oxford, 1965.
11. *Болотов В. В.* История Церкви в период Вселенских соборов // Лекции по истории древней церкви. Минск: Белорусская православная церковь, 2011. Т. 3–4. 768 с.
12. *Карташев А.* Вселенские соборы. СПб.: Библиополис, 2002. 560 с.
13. *Поснов М.Э.* История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). Киев: Христиан. благотворит.-просвет. ассоциация «Путь к истине», 1991. 614 с.
14. *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1987. 335 с.
15. *Коловская Ю. К.* Агиографические сочинения как исторический источник // ВДИ. 1992. № 4. С. 222–229.
16. *Федосик В. А., Яновская В. В., Яновский О. А.* Мученичество в раннем христианстве. Очерк исторического восприятия. Минск: Белорусская православная церковь, 2011. 255 с.
17. *Осипов А. И.* Святость человека в православной аскетической традиции // Православное учение о человеке : избр. ст. М.: Христианская жизнь, 2004. С. 138–153.

18. Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М.: Православный паломник, 1988. 526 с.
19. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Ленингр. отделение), 1958. 186 с.
20. Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды. М.; Л.: Наука, 1972. С. 245–273.
21. Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 218–266.
22. Юров М. А., свящ. Ветхозаветная концепция святости: милосердие как путь освящения человека в Ветхом Завете // Вестн. Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 4 (32). С. 13–28.
23. Калмыкова Е. О. Гендерный аспект идеи святости в православии и католицизме // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2007. № 3. С. 278–281.
24. Постернак А. В. Женская проповедь в христианских общинах античности и раннего средневековья // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 227–233.
25. Свенцицкая И. С. Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире. М.: Наука, 1995. С. 156–167.
26. Ларин А. И. Понятие «святости» по Пятикнижию // Ипатьевский вестн. 2020. № 4. С. 11–18.

References

1. Okhlupina I.S. *Images of holy women in Byzantium in the 8-12th centuries: formation, evolution, typology*. Dissertation Thesis. Yekaterinburg, 2011. 26 p. (In Russ.).
2. *Creations like in our holy father Gregory of Nyssa, bishop*. Moscow, 1862;IV. 398 p. (In Russ.).
3. Macarius (Bulgakov), Metropolitan. *Orthodox dogmatic theology*. Moscow: Palomnik Publ.; 1999;1. 598 p. (In Russ.).
4. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches*. Munich, 1897:527-1453.
5. Beck H.-G. *Kirche und theologische Literaturim Byzantinischen Reich*. Munich, 1959.
6. Gibbon E. *The history of the decline and destruction of the Roman Empire*. St. Petersburg: Nauka; Yuventa Publ.; 1997. (In Russ.).
7. Durant W. *Caesar and Christ*. Tr. from English by V. V. Fedorin. Moscow: KRON-Press; 1995. 735 p. (In Russ.).
8. Donini A. *At the origins of the Christian religion*. Tr. by Italian I. Kravchenko. Moscow: Politizdat Publ.; 1989. 364 p. (In Russ.).
9. Renan E. *Marcus Aurelius and the end of the ancient world*. Moscow: Terra Publ.; 1991. 347 p. (In Russ.).
10. Friend W. H. C. *Martyrdom and Persecution in the Early Church. A Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus*. Oxford, 1965.
11. Bolotov V.V. History of the Church during the Ecumenical Councils. *Lectures on the history of the ancient church*. Minsk: Belarusian Orthodox Church Press; 2011;3-4. 768 p. (In Russ.).
12. Kartashev A. *Ecumenical Councils*. St. Petersburg: Bibliopolis Publ.; 2002. 560 p. (In Russ.).
13. Posnov M.E. *History of the Christian Church (before the separation of the churches - 1054)*. Kiev: Christian Charity and Educational Association "Path to Truth" Press; 1991. 614 p. (In Russ.).
14. Svetsitskaya I.S. *Early Christianity: pages of history*. Moscow: Politizdat Publ.; 1987. 335 p. (In Russ.).
15. Kolosovskaya Yu. K. Hagiographic works as a historical source. *VDI = Journal of Ancient History*. 1992;(4):222-229. (In Russ.).
16. Fedosik V. A., Yanovskaya V. V., Yanovsky O. A. *Martyrdom in early Christianity. Essay on historical perception*. Minsk: Belarusian Orthodox Church Press; 2011. 255 p. (In Russ.).
17. Osipov A.I. Sanctity of man in the Orthodox ascetic tradition. *Orthodox teaching about man. Selected articles*. Moscow: Khristianskaya zhizn' Publ.; 2004:138-153. (In Russ.).
18. Sidorov A.I. *Ancient Christian asceticism and the birth of monasticism*. Moscow: Pravoslavnyi palomnik Publ.; 1988. 526 p. (In Russ.).
19. Likhachev D. S. *Man in the Literature of Ancient Russ*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press (Leningrad branch); 1958. 186 p. (In Russ.).

20. Polyakova S. V. Byzantine legends as a literary phenomenon. *Byzantine legends*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ.; 1972:245-273. (in Russ.).
21. Popova T.V. Antique biography and Byzantine hagiography. *Antiquity and Byzantium*. Moscow: Nauka Publ.; 1975:218-266. (In Russ.).
22. Yurov M. A., Priest. The Old Testament concept of holiness: mercy as a way of sanctifying a person in the Old Testament. *Vestn. Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*. 2020;(4):13-28. (In Russ.).
23. Kalmykova E.O. Gender aspect of the idea of holiness in Orthodoxy and Catholicism. *Vestn. Sankt-Petersburgskogo un-ta = Bulletin of St. Petersburg University*. 2007;(3):278-281. (In Russ.).
24. Posternak A. V. Women's preaching in the Christian communities of antiquity and the early Middle Ages. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*. 2018;(1):227-233. (In Russ.).
25. Svetsitskaya I.S. Woman in early Christianity. *Woman in the ancient world*. Moscow: Nauka Publ.; 1995:156-167. (In Russ.).
26. Larin A.I. The concept of “holiness” according to the Pentateuch. *Ipat'evskii vestn. = Ipatiev Bulletin*. 2020;(4):11-18. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Н. Гончарова – соискатель.

Information about the author

E. N. Goncharova – Applicant.

Статья поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-11-15

ПРОБЛЕМА АКТУАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Владимир Николаевич Иванов

Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооружённых Сил Российской Федерации», Москва, Россия
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия
philosophia@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается проблема актуальности изучения явления военной культуры в современной отечественной философии культуры. Указывается, что понятие «военная культура» на сегодняшний день не получило статусную определённую в культурфилософском знании и называются причины этого. Отмечается недостаточная разработанность сущностного наполнения понятия «военная культура» – проблема, выступающая определяющей в изучении соответствующего явления, выявляются причины, по которым его изучение представляется актуальным для современной отечественной философии культуры. Делается вывод, что актуальность изучения явления военной культуры (денотата) и его смысла (концепта) в культурфилософии определяется несколькими обстоятельствами: неопределённостью в философии культуры смыслового наполнения этого концепта; текущей внешнеполитической ситуацией, вызванной противостоянием России и так называемого «коллективного Запада»; процессами социокультурного перехода, идущими в современном российском обществе. В заключение намечаются перспективы изучения предмета исследования.

Ключевые слова: военная культура, философия культуры, социокультурный переход, кризис культуры, социокультурная трансформация

Для цитирования: Иванов В.Н. Проблема актуальности культурфилософского исследования феномена военной культуры // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 11–15.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE PROBLEM OF THE RELEVANCE OF CULTURAL PHILOSOPHICAL RESEARCH OF THE MILITARY CULTURE PHENOMENON

Vladimir N. Ivanov

Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces “Combined Arms Order of Zhukov Academy of the Armed Forces of the Russian Federation”, Moscow, Russia
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia
philosophia@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the relevance of studying the phenomenon of military culture in modern Russian philosophy of culture. The paper shows that the concept of “military culture” to date has not received a status certainty in cultural and philosophical knowledge, the reasons for that are indicated. Based on the results of the analysis of the studied literature, the author draws attention, firstly, to the insufficient development of the essential content of the concept of “military culture” - a problem that is decisive in the study of the corresponding phenomenon, and, secondly, directly reveals the reasons why its study seems relevant for

---

© Иванов В.Н., 2022

modern national philosophy of culture. It is concluded that the relevance of studying the phenomenon of military culture (denotation) and its meaning (concept) in cultural philosophy is determined by several circumstances: the uncertainty in the philosophy of culture of the semantic content of this concept; the current foreign policy situation caused by the confrontation between Russia and the so-called "collective West"; processes of socio-cultural transition going on in modern Russian society. In the conclusion of the scientific article, the prospects for studying the subject of research are outlined.

Keywords: military culture, philosophy of culture, socio-cultural transition, crisis of culture, socio-cultural transformation

For citation: Ivanov V.N. The Problem of the Relevance of Cultural Philosophical Research of the Military Culture Phenomenon. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(4):11-15. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Конструкт «военная культура» вызывает неоднозначную оценку как среди культурологов, так и философов. Понятие «культура» всегда имело положительную коннотацию, ассоциируясь с созидательно-преобразовательной деятельностью в духовной и материальной сферах и априорно имеющее позитивную оценку. С другой стороны, понятие «война» ассоциируется с деструктивными проявлениями и, например, «Новая философская энциклопедия» определяет его как «организованную вооружённую борьбу между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемую специальным социальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств» [1, с. 425]. В результате оказывается, что, используя конструкт «военная культура», мы вроде бы пытаемся ввести алогичный оборот.

Достаточно последовательно подобную позицию отстаивает Г.П. Белоконев, подчёркивающий антикультурный (антиобщественный) характер войны, а потому некорректность этого оборота [2, с. 17]. При этом большая часть философов и культурологов, обращавшихся к анализу концепта «военная культура», не поддерживают позицию об ошибочности введения и, соответственно, употреблении этого конструкта. Они утверждают, что военная культура и как явление окружающей действительности, и как теоретическая конструкция имеют право на существование, а потому и подробный анализ, в том числе философский.

Мы в нашей работе будем исходить из позиции солидарности со второй группой исследователей, принимающих данное понятие и заявляющих о необходимости его всестороннего анализа в аспектах сущностного наполнения, а также выяснения его статусной определённости в науке.

В научной литературе (статьи, монографии, защищённые диссертации) нам удалось выявить около десятка определений понятия «военная культура» [3–9]. Несомненно, все они имеют много общего, например, выявляют структурные элементы военной культуры. При этом наиболее полное определение, от которого оттолкнёмся и мы в нашей работе, представлено у А.В. Коротенко: «Это созданная и функционирующая внутри военного коллектива совокупность формальной и неформальной культур, каждая из которых складывается из материальной и духовной составляющих, включающих ценностно-нормативные, духовно-идеологические и знаково-символические элементы, обеспечивающая мотивацию и регуляцию военной деятельности» [10, с. 20]. На наш взгляд, представленное определение и взятое нами за основу, безусловно, требует уточнения в ходе дальнейшей работы, а потому на современном этапе исследования мы будем придерживаться его в качестве ориентира, который в дальнейшем будет уточняться и, соответственно, изменяться.

Итак, актуальность культурфилософского исследования понятия «военная культура» определяется несколькими обстоятельствами.

Первое связано с вариативностью трактовок, даваемых рассматриваемому концепту. Любая множественность подходов к определению базового концепта порождает спекуляции относительно его использования в той или иной отрасли научного знания. Выше мы уже отметили, что около десятка различных толкований, как правило, фокусируют внимание на каком-то одном аспекте изучаемого явления. Это создало почву для рассмотрения военной культуры не только с

позиции философского и культурологического знания, но и, например, исторического, социологического, политологического и психолого-педагогического. В результате формируется пространство смысловой неопределённости базового концепта.

Сложность в определении сущности военной культуры обусловлена ещё и тем, что, в отличие от большинства употребляемых в философии культуры понятий, «военная культура» не имеет изначальной базовой академической коннотации, от которой можно было бы оттолкнуться при её рассмотрении в различных отраслях научного знания. Если многие категории и понятия философского и культурологического дискурса имеют статусную определённость в науке, которая может быть взята за основу, то «военная культура» – концепт, не имеющий строго определяемых культурфилософских атрибутов. Наш анализ литературы показывает, что достаточно часто исследователи в соответствующей отрасли научного знания за основу берут субъективное видение о сущностном наполнении рассматриваемого концепта. Это обстоятельство многократно актуализирует необходимость культурфилософского анализа концепта «военная культура».

Кроме того, подчеркнём, философия культуры, понимаемая как отрасль научного знания, занимающаяся философским осмыслением проблем и сущности культуры, находится на стадии становления, а потому и категории, понятия, определяемые через культурфилософскую призму, на сегодня пребывают на стадии экспликации. В этой связи концепт «военная культура» не является исключением из представленной закономерности. Более того, анализ литературы по проблеме показывает, что не только попытка разобраться в сущности данного понятия, но и его употребление в науке есть результат последнего четвертьвекового периода. Первые систематические работы, в которых данное понятие употребляется, относятся к концу 1990-х гг.

Второе обстоятельство, актуализирующее необходимость культурфилософского исследования сущности военной культуры, связано с текущей геополитической ситуацией. Эту ситуацию характеризует переход от однополярного мира к многополярному. Первостепенная роль Российской Федерации в этих условиях неоспорима. С другой стороны, так называемый «коллективный Запад» в значительной степени сам оказался виноват в смене геополитической парадигмы, поскольку в странах евроатлантической цивилизации сегодня идут процессы социокультурной трансформации, детерминирующие изменения в международной расстановке сил [11–13].

Свершающаяся геополитическая трансформация осуществляется в том числе силовыми методами, в которых роль армии оказывается принципиальной, а потому актуализируется необходимость комплексного анализа духовно-мировоззренческих основ военной службы в условиях происходящих изменений, каковые выступают, например, основой воспитательного процесса в педагогике [14, с. 28]. К числу таких основ относится военная культура. Более того, по нашему убеждению, она выступает стержнем этих основ. В этой связи важно проанализировать, какие изменения происходят в структуре военной культуры, как меняется содержательное наполнение элементов её образующих, или же оно и в этих трансформационных процессах остаётся константным.

Наконец, третье обстоятельство, заставляющее обратиться к культурфилософскому анализу сущности военной культуры, связано с процессами, идущими в современном российском обществе. В целом эти сложные процессы могут быть охарактеризованы как плюрализация и релятивизация общественного сознания [15, с. 5]. Многие социокультурные явления, которые в советское время считались недопустимыми, общественно презираемыми, с 1990-х гг. стали оцениваться как норма, как «новая нормальность» (для того времени). Ценностная трансформация затронула все стороны жизни российского общества. Выходом к процессам демократизации характеризовались и изменения, идущие в армии. Затронули эти процессы и мировоззренческо-идеологические основы военной службы. Бесспорным является факт существенного различия между идеологическими условиями военной службы в советское время и сегодня. Чрезвычайно актуальным представляется анализ тех изменений, которые произошли в понимании сущности военной культуры собственно в военной сфере.

Таким образом, актуальность изучения явления военной культуры в культурфилософии определяется: неопределённостью в философии культуры смыслового наполнения этого концепта;

текущей внешнеполитической ситуацией, вызванной противостоянием России и «коллективного Запада»; процессами социокультурного перехода, идущими в современном российском обществе.

Список источников

1. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т. 1. 721 с.
2. Белоконев Г.П. О культуре и культуре преподавания культуры // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 1999. № 8. С. 15–20.
3. Абрамов А.П. Военная метакультура и её особенности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 6-1 (12). С. 10–13.
4. Бажуков В.И. Антропологический подход к исследованию военной культуры: возможности и пределы // *Вопросы культурологии*. 2009. № 1. С. 28–32.
5. Горбунова Л.Ю. Составляющие элементы военной культуры // *Актуальные проблемы военно-научных исследований*. 2019. № 2 (2). С. 395–400.
6. Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества : дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2009. 307 с.
7. Ларкин Л.Г. Символика военной культуры в социуме // *Вестн. Тамбовского ун-та. Гуманитарные науки*. 2014. № 9 (137). С. 27–31.
8. Унру С.А. Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2021. № 2 (42). С. 111–118.
9. Шабатура Л.Н., Тарасова О.В. К вопросу об изучении военной культуры в современных условиях // *Наука, образование, культура : межвуз. сб. науч. ст. Екатеринбург, 2021. С. 335–339.*
10. Коротенко А.В. Понятие военной культуры: сущностные характеристики и итоговая дефиниция // *Вестн. Поволжской академии гос. службы*. 2013. № 6 (39). С. 15–20.
11. Козай Е.А. Проективная философия Н.Ф. Фёдорова и стратегическое планирование // *Научное наследие и развитие идей К.Э. Циолковского : материалы 54-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского*. Калуга, 2019. С. 168–171.
12. Ромах О.В. От научного редактора // *Аналитика культурологии*. 2005. № 2 (4). С. 5.
13. Тарасов А.Н., Брежнев Д.А., Седлецкий Д.С. Трансформация понятия «гендер» в современной культуре // *Современные исследования социальных проблем*. 2022. Т. 14, № 1–2. С. 14–18.
14. Кретов Д.В. Методические аспекты использования воспитательного потенциала метода взаимного оценивания при обучении студентов вуза иностранным языкам // *Риски и уязвимости современной социокультурной трансформации : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Липецк, 2022. С. 28–32.*
15. Тарасов А.Н. Социокультурная трансформация как феномен динамики европейской культуры: философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Курск, 2021. 379 с.

References

1. *New philosophical encyclopedia*. Moscow: Mysl' Publ.; 2000;1. 721 p. (In Russ.).
2. Belokonev G.P. On the culture and culture of teaching culture. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma Mater (High School Bulletin)*. 1999;(8):15-20. (In Russ.).
3. Abramov A.P. Military metaculture and its features. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*. 2011;(6-1):10-13. (In Russ.).
4. Bazhukov V.I. Anthropological approach to the study of military culture: possibilities and limits. *Voprosy kul'turologii = Issues of Culturology*. 2009;(1):28-32. (In Russ.).
5. Gorbunova L.Yu. The constituent elements of military culture. *Aktual'nye problemy voenno-nauchnykh issledovaniy = Actual Problems of Military Scientific Research*. 2019;(2):395-400. (In Russ.).
6. Grebenkov V.N. *Military culture of Russian society*. Dissertation. Stavropol, 2009. 307 p. (In Russ.).
7. Larkin L.G. Symbolism of military culture in society. *Vestn. Tambovskogo un-ta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2014;(9):27-31. (In Russ.).

8. Unru S.A. Military culture in the heroic legends of the peoples of Siberia and the Far East. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri = Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia*. 2021;(2):111-118. (In Russ.).
9. Shabatura L.N., Tarasova O.V. To the question of the study of military culture in modern conditions. *Science, education, culture. Interuniversity collection of scientific articles*. Yekaterinburg, 2021:335-339. (In Russ.).
10. Korotenko A.V. The concept of military culture: essential characteristics and final definition. *Vestn. Povolzhskoi akademii gos. sluzhby = Bulletin of the Volga Academy of Public Administration*. 2013;(6):15-20. (In Russ.).
11. Kogay E.A. Projective philosophy of N.F. Fedorov and strategic planning. *Scientific legacy and development of K.E. Tsiolkovsky. Proceedings of 54th scientific readings in memory of K.E. Tsiolkovsky*. Kaluga; 2019:168-171. (In Russ.).
12. Romakh O.V. From the scientific editor. *Analitika kul'turologii = Analytics of Cultural Studies*. 2005;(2):5. (In Russ.).
13. Tarasov A.N., Brezhnev D.A., Sedletsky D.S. Transformation of the concept of “gender” in modern culture. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Problems*. 2022;14(1-2):14-18. (In Russ.).
14. Kretov D.V. Methodical aspects of using the educational potential of the method of mutual evaluation in teaching university students foreign languages. *Risks and vulnerabilities of modern socio-cultural transformation. Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference*. Lipetsk, 2022:28-32. (In Russ.).
15. Tarasov A.N. *Socio-cultural transformation as a phenomenon of European culture dynamics: philosophical analysis*. Dissertation. Kursk, 2021. 379 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Н. Иванов – преподаватель, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая орден Жукова академия Вооружённых Сил Российской Федерации»; соискатель, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Information about the author

V.N. Ivanov – Lecturer, Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces “Combined Arms Order of Zhukov Academy of the Armed Forces of the Russian Federation”; Applicant, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 101.1:316
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-16-29

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ НАЦИИ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО: ПРИЧИННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Константин Геннадьевич Мальцев^{1✉}, Артем Левушович Алавердян²

¹ Белгородский технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

² Белгородский техникум промышленности и сферы услуг, Белгород, Россия

¹ pavic69@mail.ru ✉

² arti-medwed@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются разнородные дискурсы нации, производимые в современной дисциплинарно организованной науке, они выстраиваются в горизонте *представления* нации, *нормативно* заданном новоевропейской «управленческой парадигмой», в перспективе которой разрешаются *двусмысленности*, всегда сопутствующие *рассказам* о национальной идентичности: расхождение в определении *начала* и описании *истории* европейских наций; определении ее как политического сообщества и социальной общности; способов, каким социальной категории, т. е. аналитическому *инструменту* объективного научного социологического познания, приписывается *действительность*; различение между республиканскими и этническими нациями и правомерность *оценки* в ценностно-нейтральном научном познании. Рассказ, т. е. *нарратив*, имеет свою *логику* и свой способ связи с *действительностью*; нарратив нации выстраивается *от лица государства* и в разные исторические периоды *акцентирует* различные элементы содержания и *принципы* его организации в представлении нации.

Выявляются две конфигурации нарратива нации, опосредованные изменением природы социального, сути политического (политика как *управление интересами*) и государственного интереса (от *революции* к *мобилизации*). Делается вывод о том, что «неповторимая констелляция исторических обстоятельств», приведшая к *появлению* новоевропейских наций и *исключительности* национальной политической формы в новоевропейском государстве-нации, в *современности* утрачивает *действительность*. Указывается на *альтернативу*: всемирная республиканская нация универсального и глобального политического порядка (либеральный проект республиканской нации) и безнациональное существование *населения*, – имеющую *открытый* характер.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, республиканская нация, экономическая парадигма политического, государство-нация, нарратив

Для цитирования: Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Республиканские нации и нациестроительство: причинное объяснение и политический проект // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 16–29.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

REPUBLICAN NATIONS AND NATION-BUILDING: CAUSAL EXPLANATION AND POLITICAL PROJECT

Konstantin G. Maltsev^{1✉}, Artem L. Alaverdyan²

¹ Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

² Belgorod Technical School of Industry and Services, Belgorod, Russia

¹ pavic69@mail.ru ✉

² arti-medwed@mail.ru

Abstract. The heterogeneous discourses of the nation produced in modern disciplinarily organized science are considered, they built in the horizon of the representation of the nation, normatively set by the New European “managerial paradigm”. In this perspective of which resolves the *ambiguities*, always accompanying stories

about national identity: the discrepancy in the definition of the beginning and description of the history of European nations; the definition of it as a political community and social community; the ways in which the social category. That is, the analytical tool of objective scientific sociological cognition, is attributed to reality; the distinction between republican and ethnic nations and the validity of evaluation in value-neutral scientific cognition. The story, that is, the narrative, has its own logic and its own way of connecting with reality. The narrative of the nation is built *on behalf of the state* and in different historical periods emphasizes various elements of content and the principles of its organization in the representation of the nation.

The article identifies two configurations of the narrative of the nation, mediated by changes in the nature of the social, the essence of the political (politics as the *management of interests*) and the state interest (from *revolution* to *mobilization*). The conclusion is made that the “unique constellation of historical circumstances” that led to the emergence of the New European nations and the exclusivity of the national political form in the New European nation-state is losing its validity in modern times. The alternative is indicated: the world republican nation of a universal and global political order (the liberal project of the republican nation) and the non-national existence of the population, which has an open character.

Keywords: nation, national identity, republican nation, economic paradigm of the political, state-nation, narrative

For citation: Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Republican Nations and Nation-Building: Causal Explanation and Political Project. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(4):16-29. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение: постановка проблемы

Социологи и историки, объясняя появление европейских наций, указывают либо на так называемые действующие причины (в этом же ряду – специфический случай «каузального сведения» М. Вебера [1]), либо на попытки «подведения под закон». Позитивистская традиция, определяющая методологию современных социальных наук *по сути*, требует *перетолкования* «телеологической причинности» в «действующую» (фон Вригт [2]: «догмы позитивизма»). Однако существенным требованием либеральной идеологии (укорененным в основоположениях «либеральной метафизики»: К. Шмитт [3]) является *представлять* европейские нации как *республиканские*, как *гражданские ассоциации* на основе *свободного выбора* индивида, руководствующегося своими *интересами*, – т. е. причинное объяснение нуждается в этой связи в специфическом *перетолковании* в заданной перспективе. Таким образом *философское истолкование*, пусть всегда «на заднем плане», как «горизонт», задание, императив, но «вступает в игру».

Если относительно *сущности* «республиканских наций» отсутствуют разногласия (здесь *принцип* – индивид как «неразложимый локус социальности»: Калхун [4] объявляется способным к *свободному выбору*, разумеется, с учетом имеющихся *обусловленностей* социологического и исторического плана), то *материал* и *конструкция* являются предметом оживленной полемики в западном общественном знании последние минимум пятьдесят лет. В результате не *понятие* нации, но ее *дискурс*, а главное – ее *представление*, – даже в горизонте *принципиального согласия* на основе либеральной метафизики, различаются настолько, что это различие нуждается, в свою очередь, и в *объяснении*, и в *истолковании*. Для примера: дискурс относительно европейских наций М. Манна [5–7], мало того что отличается от дисциплинарно «однородного» с ним *социологического* дискурса Геллнера [8] (или Андерсона [9]), что можно интерпретировать как научный спор, но и от рассуждений о происхождении европейских наций Л. Гринфельд [10], не говоря уже о дискурсе нации как «этического/морального сообщества» Б. Яка [11], или от «мифа нации» К. Хюбнера [12]. «Упаковать» такого рода различия в концепт «научного спора» (естественной научной полемики) невозможно; ничего не объясняет также и научная *дисциплинарность* и связанные с ней различия в методах тематизации объекта в предмет исследования.

Задача нашей статьи – обнаружить и *назвать* «основание» указанной *несовместимости* представлений и научных дискурсов нации, выстраиваемых в *одной перспективе*: либеральной метафизики и идеологии.

Методология исследования

Сопоставительный анализ *разнородных* дискурсов предполагает выявление *основания* для сравнимости. Одновременно, поскольку речь идет о *представлении* нации, должен быть назван *принцип*, конституирующий его (представления) единство. То есть *методология* исследования предполагает *выход* за рамки, определяющие *разграниченность* дискурсов в дисциплинарно организованной науке; анализ нацелен не на *объяснение*, а на *понимание*, инструментом которого является *философское истолкование смысла*. Э. Балибар утверждает, что «история нации есть рассказ» [13]. Таким образом, методологическое значение имеет *понятие* «нарратива», как его определяет Ф.Р. Анкерсмит [14]: нация *представлена нарративно* и ее *действительность* является действительностью исторического и политического (в процессе изложения выясняется *значение* их синтеза) *нарративов*.

Социологические и политологический дискурсы о нации

И. Валлерстайну принадлежит классическое различие и определение нации, расы и этноса: под расой можно разуметь «генетически непрерывную группу», под нацией – «историческую социально-политическую группу», под этносом «культурную группу», – и утверждает, что это именно «социальные категории» [13, с. 93].

Как любая социальная группа нация *появляется в определенное* историческое и социальное время и ее возникновение причинно *обусловлено*. М. Манн [5] утверждает, например, что особенности экономических и политических обстоятельств, в первую очередь – необходимость *мобилизаций*, в которых оказались европейские государства в последней трети XIX в., определили их раздельное и конкурентное развитие и таким образом появилось то, что он назвал «клеткой», «ячейки» которой предопределили появление (в числе прочего) того, что получило название нации: они по сути есть форма государственной мобилизации, *ответ на уникальную* констелляцию исторических и социальных обстоятельств [15].

Ответ для того *момента* оказался настолько удачным, что национальная форма *заимствовалась* в других, существенно отличных от Европы *местах* (с разным успехом), а в политической и социальной теории (которые также были существенно *европейскими*) «нация» получила статус своеобразной *универсалии*, т. е., если воспользоваться определением Валлерстайна [13], стала именно «социальной категорией». Андерсон писал о воображаемых сообществах, о конструировании наций как способе мобилизации в национально-освободительной борьбе [9].

Если отвлечься от нерелевантных для нашей задачи различий в описании исторического происхождения европейских наций, то в качестве характерного можно взять классическую «модернистскую» социологическую теорию нации Э. Геллнера. Он описывает появление европейских наций как современный социальный процесс (национализм как явление «связан с определенным рядом социальных условий, и эти условия, как оказалось, стали условиями нашего времени» [8, с. 259]), имеющий культурное значение, обусловленный в конечном счете экономическими трансформациями, вызванными промышленной революцией. Он утверждает: «Корни национализма – в определенном типе разделения труда, очень сложном и к тому же бесконечно, беспредельно изменчивом» [8, с. 67]; современная нация есть продукт индустриального общества, которое «по самой природе своей производственной деятельности ... является огромным, анонимным, мобильным» [8, с. 14].

Нация определяется Геллнером через «различие в культуре». Политической она является по необходимости из-за «критической связи с государством», тогда национализм как необходимая рефлексия «принадлежности нации» есть «принцип односторонности культурных единиц как основ политической жизни и обязательного культурного единства правителей и подданных» [8, с. 258]. По Геллнеру, «определение наций может отталкиваться только от реальностей эпохи национализма» [8, с. 34]. Нации «случайны» в смысле исторически сложившейся единичной констелляции социальных обстоятельств [8, с. 34], а нация не есть «естественный способ классификации людей» [8, с. 114], хотя нельзя считать его произвольным, но «уходящим корнями в своеобразные культурные требования индустриального общества» и является «внешним проявлением глубинного процесса урегулирования отношений между государством и культурой, которое совершенно неизбежно» [8, с. 88].

Геллнер подчеркивает, что определяющее значение для нации имеет идентификация как личная (осознанная принадлежность к нации), так и категориальная (нация определяется через разделение с другими нациями). Мотивом для индивидуальной идентификации он считает интерес, связанный, например, с «конкуренцией на рынке труда» (противопоставление «местных» и «пришлых»), акцент последних на национальной общности как способе противостоять давлению «автохтонов»), т. е. рассчитывается в конечном счете как баланс «выгод/издержек». «Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества – какими бы они ни были, – которые отделяют эту группу от всех, стоящих вне ее» [8, с. 35]. «Исходя из этих условий – хотя только из этих условий, – нации действительно могут определяться на основании как доброй воли, так и культуры» [8, с. 126]; «однородность, грамотность и анонимность – вот ключевые черты таких сообществ» [8, с. 280].

Таким образом, мы имеем одно из представлений нации как социальной группы, конституируемой одновременно на основе *интересов* входящих в данную группу индивидов и *культурной* специфики, которая непременно должна быть *осознана*: принадлежность к нации *рефлексивна*, т. е. в любом случае необходимо является следствием *осознанного* индивидуального решения. Этим нация очевидно отличается от иных социальных общностей, выделяемых посредством «объективного» социального анализа. Не менее интересным является вопрос о том, каким образом утверждается *действительность* того, что Валлерстайн назвал социальной категорией. Пока заметим только, что подобное представление нации подозрительно напоминает марксистское определение *классов* в том, что касается проблемы *классового сознания* (например: «класс в себе» и «для себя» у Д. Лукача [16], впрочем, и у Ленина тоже [17]) и агента, который это сознание манифестирует.

Однако есть еще одно, не менее влиятельное в литературе представление нации: речь идет о нации как *политической форме* (и одновременно – о *части*) народа. Дж. Агамбен обращает внимание на по меньшей мере «двузначность» слова «народ»: с одной стороны, оно означает чернь, с другой – политический *субъект*, к которому в новое время все чаще апеллируют как к носителю суверенитета и учредительной власти [18]. В последнем значении «народ» с определенного времени (окончательно – с французской революции) называется «нацией», что понимается как «политическая форма» народа, вернее, той его части, которой приписывается политическая субъектность.

Х. Арендт в связи с анализом французской и американской революций утверждает, что политически активное меньшинство народа противостоит (в результате совершающихся революционных преобразований) консервативной массе народа. Причем к *социальному* (как она его определяют) следует относить именно эту «инертную», а затем и «реакционную» *массу* [19]. Социологический анализ формирования европейских наций, предпринятый М. Манном [5–7], показывает *неравномерность*, с которой «народ» *включается* в «нацию» в процессе *мобилизации*.

Итак, выявляется *цесура* между социальным и политическим [20] в отношении к нации, которая первоначально может быть представлена как различие между природой сознательного, принадлежащего социальному и политическому, причем в отношении политического всегда предполагается (поскольку оно связывается с целенаправленной деятельностью) больше сознания (или чаще – его *качественно* иная природа) в сравнении с социальным. Можно в определенном значении говорить о естественности социального и, напротив, рефлексивности политического, – и нация в этом отношении никак не может считаться естественной (или только естественной). Однако этнический материал, который всегда тем или иным способом *вынужденно* признается если не субстратом, то существенным элементом, действительных наций имеет безусловно естественную *природу* (и никогда не является сконструированным). Оставляя пока в стороне вопрос о *действительности* наций, следует зафиксировать: как *социальная категория* она является сложным конструктом, объединяющим естественное и произведенное некоторым способом, – именно *принцип* объединения, а затем и условия его *возможности* являются предметом нашего исследования, которое в этом вопросе должно последовательно удерживать различие *реального* (понятия) и *действительного*.

В 1944 г. Кон [21] ввел различие среди европейских наций, которому с этого времени придавалось существенное значение: этническим нациям были противопоставлены республиканские (или гражданские). Различие имело *явно* ценностный характер: первым приписывались отрицательные качества (связанные с тоталитаризмом: хотя само слово получило популярность в политологической литературе позже, но комплекс свойств этнических наций характеризуется таким образом максимально точно, особенно, если иметь в виду намерения самого Кона, которые он не скрывал); гражданские нации, напротив, прочно увязывались с демократией. Таким образом, суть названного различия определяется из различия между демократией и тоталитаризмом, а сами нации представляются как структуры соответствующих различающихся политических режимов.

Историческая перспектива возникновения европейских наций также выстраивается из горизонта названного противопоставления; осуществляется то, что Хайдеггер называл «историографическим перерасчетом прошлого» [22, с. 215], – процедура, ставшая *основополагающей* в процессе *концептуализации* нации как социальной категории в западном общественном знании и остающаяся таковой до настоящего времени. Л. Гринфельд [10] в начале 90-х гг. XX в. детально разработала идею Кона: была сконструирована своеобразная шкала, по которой европейские нации ранжировались от демократических (США и Англия, соответственно образцово республиканская американская нация и либеральная английская) и смешанных (в разных пропорциях и, главное, по разному *принципу* собранных французской – более демократической, и немецкой – более этнической наций). До этнической русской нации, всецело деспотической (в одном месте даже определенной как «звериный зоологизм») [23]. Суть, если иметь в виду *саму нацию*, в том, насколько этническая составляющая *определяет* нацию (в американской нации, по Гринфельд, этническая составляющая отсутствует изначально) или *преобразована* в соответствии с «либеральными ценностями». Наконец, Р. Брубейкер [24] в работе уже начала XXI в. утверждает, что никаких *эмпирических подтверждений* это различие *не имеет*, но и не нуждается в них: различие должно сохраняться именно как *нормативное* и как *оценочное*, – в практической политической деятельности по *нациестроительству* [25].

Представление нации в современной либеральной экономической управленческой парадигме

Таким образом, изначальное *представление* нации в либеральном западном общественном знании *императивно* определяется следующими *основоположениями* (которые, в свою очередь, являются *догмами/аксиомами* того, что К. Шмитт называет либеральной метафизикой [3]). Первое – индивид, как мы уже сказали, сославшись на Калхуна [4], есть «неразложимый локус социальности». Второе – нация должна быть представлена в этой связи как *гражданская ассоциация*. Третье – как «политическая форма» (и *политический актер*, если имеется в виду *действительность*) она есть то, что называется *республиканской нацией*. В общем мы имеем формулу, также в свое время известную из советского марксистского общественного знания: нация есть социальная категория, которая – национальная по форме и либеральная по содержанию (так определялись новая историческая общность людей – советский народ и его многонациональная культура, – разумеется, содержание там было социалистическим).

Относительно этого *либерального проекта* республиканской нации следует задать два вопроса. Во-первых, каким образом сконструированная в указанном горизонте социальная категория может быть *непротиворечивой* – это вопрос о понимании человека/индивида как *новоевропейского субъекта*. Во-вторых, каким образом может пониматься *действительность* того, что обозначается этой категорией. Дж. Агамбен видит *принципиальное* изменение в *онтологии*: сформировавшееся к новому времени новое понимание *бытия* как *деятельности*, т. е. *воли*. Мы утверждаем, что (формулировка дается в отношении к предмету нашего исследования) это – вопрос о действительности, представленной в «экономической парадигме» (термин Дж. Агамбена [26]) в ее современной и безраздельно господствующей либеральной версии.

Первым вопросом, исходя из сказанного, может быть: что *значит* человек как новоевропейский субъект? Мы можем опустить подробности рассуждений М. Хайдеггера (или того же Дж. Агамбена) на этот счет, хотя именно они служат *основанием* для нашего исследования. Нас

интересует только один аспект: каким образом этот субъект мыслится как «носитель своих свойств» и как *актор*, вступающий в *ассоциации* и преследующий свои *интересы*. Новоевропейский субъект – волящий и представляющий *разумный*, по Канту [27], индивид. В этом отношении утверждается *тождество* (неразумные, несовершеннолетние, а также и «направившие волю ко злу», возможность чего также признается Кантом [28]), – это гражданин века Просвещения, и это *суть*. Остальные свойства есть *особенности* (исторически, или социологически, определенные), которые *принципиально* являются результатом *самоопределения* свободной воли.

Достаточно сделать следующие выводы: во-первых, все внешние ограничения свободной воли и свободного выбора являются *незаконными* (с точки зрения разума), в том числе и те, которые предопределены историческими обстоятельствами и *местом* в социальной структуре; во-вторых, как это сделал Д. Лал [29], *ценности* разделяются на «материальные», которые суть связаны с разумом, и «космологические», которые именно *случайны* и в этом качестве «терпимы» до того момента, когда они *препятствуют* или ограничивают «разумные ценности». Чтобы индивид мог быть представлен через *интересы*: разумная индивидуальность разрешается в интересах *без остатка*, что должно стать *действительностью*. Место, в котором достигается согласование разумных интересов, называется *рынком*; рынок и есть «суд разума»: основоположение либеральной метафизики и *центр/смысловое ядро* действительности, представленной в либеральной экономической парадигме.

Модернистские (и конструктивистские) теоретики нации настойчивы и бескомпромиссны в утверждении, что *этнос* «бессубстанциален», но является «феноменом культуры и истории», а нация, как утверждает Геллнер [8], «не является природным феноменом» ни в каком отношении. Культура же есть именно «одна из особенностей» (и Хайдеггер раньше и яснее других показал, что это значит [30]), которая, хотя и «застает индивида», – но не является его *существенным* определением ни как субъекта, ни как гражданина. Гражданская лояльность либеральному порядку (его принципам) в его (пока) государственной и национальной форме (европейское государство-нация) является содержанием *национального самосознания* республиканской нации, разумеется, с «оговоркой» о *норме* и исторически обусловленных *отклонениях* от нее. Отсюда следуют утверждения, например, Гринфельд [10], о том, что результатом становления республиканских наций является их слияние в *одну*, «мировую нацию» глобального либерального политического порядка.

Здесь мы имеем одну из «неразрешимостей» либерального представления: этнос и этнические нации могут быть препятствиями на пути становления республиканских наций и неохотно и не всеми признаются действительными. Вопрос о «совмещении» реального и действительного (решаемый, по Хайдеггеру [31], в новое время *в субъекте*), либо как о возможности «мифологического понятия» (по К. Шмитту [3]), либо как о *процессе* в либеральной экономической парадигме в указанной нами связи должен быть поставлен; здесь уместно еще раз припомнить о той напряженности, которая существует между *социальным* и *политическим* как категориями западного обществензнания. Обостренная формулировка данной проблемы принадлежит Х. Арендт [19]. Причем именно она в числе прочего сформулировала ее как различие между народом и нацией. Социальное представляется ей как природная стихия, которая в Новое время становится *тотальной* и грозит растворить в себе *политическое* без остатка. Политическое же, по ее мнению, есть именно *человеческое*, причем такое, что не может *ассимилироваться* социальным, что означало бы его (человеческого) уничтожение.

В этом отношении Арендт вовсе не «либеральна», более того, выступает как один из критиков либерализма с точки зрения свободы. В ее рассуждениях показывается двойственность между представлением нации как политического народа (меньшинство) и ее же представлением «социально» «по модели семьи» (в этом отношении может возникнуть «терминологическая невнятность»). Социальное природно, поскольку его сутью является *воспроизводство*. Социальное не имеет вне себя никакой другой цели: благополучие и безопасность в обеспечении благополучия являются *принципом* социального. Здесь нет места нередуцируемым (к материальным интересам) *различиям*, которые суть политического. Но отсутствие принципиальных различий постулируется либеральной метафизикой, например, как «разумные материальные ценности», кото-

рые именно универсальны. Их равновесие не является сутью политического процесса, но управления и рынка, к которой редуцирована политика в либеральной метафизике. Выход можно найти в отказе от концепта социального как области действительности. Эту возможность реализует Б. Латур [32] в своем представлении социального: не как *социальности*, но как акциденции/свойства вещей, объединенных специфической *социальной связью*.

Радикальным образом вопрос о социальности разрешается Дж. Агамбенем в его концепции экономической парадигмы политического и новой новоевропейской онтологии. Агамбен утверждает, что своеобразной моделью новоевропейской онтологии стала церковная литургия. «Тайна литургии» – «это тайна действительности»: практика литургии оказала «громадное влияние» «на способ, каким Новое время мыслило как свою онтологию, так и свою этику, как свою политику, так и свою экономику» [33, с. 14]. В литургии «Христос ведет к завершению тринитарную экономию; служение экономии, поскольку она является экономией спасения, свершается, будучи переведенным в литургическое таинство, где экономическая и политическая метафоры становятся тождественными» [33, с. 42]. Принципиальным в новой (отличной от греческой) онтологии полагается Агамбенем то, что «само бытие, о котором здесь речь, является искусственно сделанным [fattizio] и функциональным, то есть каждый раз отсылает к практике, которая его определяет и реализует» [33, с. 93].

Таким образом, «в литургии речь идет о новой онтолого-практической парадигме – действительности, в которой бытие и действие вступают на порог неразличимости» [33, с. 107]. «Сущностной чертой действительности является дельность», что означает то, что «бытие не просто есть, но “пускает себя в дело”, приводит в действие и осуществляет себя само» [33, с. 107]. В результате «energeia отныне означает не бытие в деле как полное пребывание в присутствии, но “оперативность”, в которой сами различения потенции и акта, операции и ее результата делаются неопределенными и утрачивают свой смысл. Opus является самой operatio, и дельной является божественная потенция (operatoria virtus Dei), которая прямо в самой своей виртуальности пускает себя в дело и осуществляется. В этом смысле дельность является реальной виртуальностью или виртуальной реальностью» [33, с. 107].

В онтологии, т. е. в учении о сущем (бытии) и в самом бытии, происходит радикальный сдвиг: «Если в вокабулярии античной онтологии бытие и субстанция рассматриваются независимо от эффектов следствий, которые они могут производить, то в действительности бытие неотделимо от своих эффектов, она именует бытие, поскольку оно действительно, поскольку оно производит определенные воздействия [effetti] и в то же самое время определяется ими» [33, с. 75]. Получается, что «действительность – это новое онтологическое измерение, которое утвердилось сначала в сфере литургии, чтобы позднее шаг за шагом распространиться – настолько, что в Новое время оно совпадет с бытием как таковым» [33, с. 75].

А значит, понимание значения «effectus в литургических текстах» дает возможность «осмыслить трансформацию в понимании бытия, которая затрагивает нас самым ближайшим образом. Ибо вполне возможно, что сегодня у нас нет другого представления о бытии, кроме действительности, и именно об этом измерении идет речь как в терминах вроде Wirklichkeit, realitas, «реальность», так и в определении Dasein в качестве того сущего, чья «“сущность” лежит [liegt] в его экзистенции в § 9 Бытия и времени» [33, с. 75].

Итак, произошло *основание* «онтологии effectus, в которой потенция и акт, бытие и действие одновременно и различаются, и артикулируются вместе на некоем пороге неразличимости» [33, с. 95]. Изменение «онтологической парадигмы» становится свершившимся фактом: «Бытие без остатка совпадает с действительностью в том смысле, что оно не просто есть, но должно быть приведено в действие и реализовано. Определяющим теперь является не изделие-произведение как устойчивое пребывание в присутствии, но дельность, понимаемая как порог, на котором бытие и действие, потенция и акт, операция и ее результат, эффективность и эффект, Wirkung и Wirklichkeit входят в обоюдное напряжение и в тенденции становятся неразрешимыми» [33, с. 84].

В этой парадигме «то, что человек делает, и то, чем человек является, входят в зону неразличимости, в которой бытие растворяется в своих практических эффектах, и в совершенном замкнутом круге оно есть то, что оно должно (быть), и должно (быть) то, что оно есть» [33, с. 15]. Завершение эта онтология получает у Канта, т. е., по утверждению Хайдеггера, «совмещение»

«реального и действительного» совершается принципиально *субъективно*: «У Канта достигается завершения в форме долга быть, – это онтология дельности, чьи базовые черты мы попытались реконструировать. В ней, как мы видели, бытие и действие взаимно утрачивают определенность и стягиваются друг в друга, и бытие становится чем-то, что не просто есть, но должно быть актуализировано» [33, с. 185].

Онтология дельности, ее природа и характеристики не могут быть поняты нами без понимания того, что она есть «в той же мере» «онтология приказа»: «Стяжение бытия и долга быть имеет форму приказа, оно сущностно и в буквальном смысле является «императивом». В этом отношении долг быть не является юридическим или религиозным понятием, которое добавлялось бы извне к бытию: он подразумевает и определяет онтологию, которая шаг за шагом утверждается и исторически устанавливает себя в качестве онтологии Нового времени» [33, с. 185]. «Онтология приказа и онтология дельности тесно связаны между собой: так же как и пуск в дело, приказ предполагает волю. Согласно формуле, выражающей приказ властителя (*sic volo, sic iubeo*), «воление» может означать только «приказание», а «приказание» с необходимостью подразумевает воление. Воля – это форма, которую бытие принимает в онтологии приказа и дельности. Если бытие не есть, но должно само себя реализовать, тогда оно по самой своей сути есть воля и приказ; и наоборот, если бытие есть воля, то оно не просто есть, но должно быть» [33, с. 199].

В связи со сказанным можно предположить, что фундаментальные изменения произошли и в социальной онтологии. М. Фуко ввел понятие диспозитива [34] для обозначения «схемы», или «каркаса», определенной конфигурации основоположений, определяющих значения и задающих возможность осмысленного говорения о социальном. Агамбен указывает, что диспозитивы Фуко пересекаются как с позитивностью молодого Гегеля, так и с «остовом, каркасом позднего Хайдеггера» [35, с. 24]. Агамбен приводит определение Фуко, которое важно для нашего исследования. Воспроизведем полностью: «То, что я пытаюсь отследить под этим именем, это, прежде всего, абсолютно гетерогенный комплекс, объединяющий дискурсы, учреждения, архитектурные построения, регламентирующие постановления, законы, административные меры, научные достижения, философские, нравственные и благотворительные рассуждения, в общем, сказанное, как и несказанное – таковы элементы диспозитива. Сам диспозитив – это сеть, устанавливаемая между данными элементами. Под диспозитивом я понимаю своего рода, формацию (*formation*), главной функцией которой является ответ на чрезвычайную ситуацию. Потому диспозитив обладает доминантной стратегической функцией... Я говорил, что диспозитив обладает преимущественно стратегической сутью, предполагающей, что речь идет об определенной манипуляции соотношений сил (*de rapports de force*), рационального и согласованного вмешательства в это соотношение, для придания им развития в определенном направлении, для их блокировки, стабилизации или использования. Итак, диспозитив всегда вписывается во властные манипуляции (*jeu de pouvoir*), но он же постоянно привязан к одному или многим пределам знания (*bornes de savoir*), рождающимся из них и, в той же степени, их обуславливающим. Это и есть диспозитив: стратегии соотношения сил (*de rapports de force*), поддерживающие типы знания и поддерживаемые ими» [35, с. 14].

Подытоживая сказанное Фуко, Агамбен заключает, что диспозитив «является сетью», образующейся между «гетерогенными элементами»: «дискурсы, институты, законы, полицейские меры, философские утверждения и т.д.», и «всегда обладает конкретной стратегической функцией и вписывается во властные отношения» [35, с. 15]. «Как таковой, он произведен пересечением отношений власти и отношений знания» [35, с. 15]. При этом Агамбен подчеркивает: «Я назвал бы диспозитивом любую вещь, обладающую способностью захватывать, ориентировать, определять, пресекать, моделировать, контролировать и гарантировать поведение, жестикуляцию, мнения и дискурсы живых людей» [35, с. 26]. Важнейшим и «самым древним» из диспозитивов является «сам язык, в ловушку которого тысячелетия и тысячелетия назад некто из приматов, не отдавая себе отчета в последствиях, имел неосторожность оказаться пойманным» [35, с. 26].

Принципом «экономической парадигмы политического» (т. е. современной либеральной социальной онтологии) является *экономизм* (что это значит – было описано еще К. Шмиттом как

либеральная метафизика), как одно из (важнейшее) *измерений* того, что Хайдеггер понимает под *техникой*. Хайдеггер, можно согласиться в этом утверждении с Агамбенем, «смог помыслить сущность техники как производство и распоряжение» [33, с. 102]. Именно поэтому «он не смог увидеть то, что стало совершенно очевидным сегодня, а именно то, что мы не поймем метафизическую сущность техники, пока будем мыслить ее исключительно в форме производства. В равной мере и в первую очередь она есть управление и *oikonomia*, которые в предельном случае могут даже на время выносить причиняющее производство за скобки ради более утонченных и диффузных форм управления людьми и вещами» [33, с. 103].

Оставляя в стороне вопрос о правомерности оценки Агамбеном Хайдеггера, удержим вывод: новоевропейская онтология как «онтология действительности» задает определенный «диспозитив социального» таким образом, что его *принципом* является *экономизм*, и «совокупность практик и институтов, власти и знания» представлены принципиально «соотнесенными с экономикой», что означает, в свою очередь, что *целью* «является правление, управление, контроль, ориентация в направлении, считающимся полезным» [35, с. 24]. Каждый диспозитив «включает в себя процесс субъективации, без которого он перестает быть диспозитивом управления, но превращается в простую практику насилия» [35, с. 32]. Современность характеризуется тем, что «в наши дни в жизни индивидуумов не осталось ни одного момента, который не был бы моделирован, заражен, контаминирован или контролируем каким-либо диспозитивом» [35, с. 27].

Данное отступление в область социальной теории было необходимо для *понимания* того, что и *каким образом* представляется в либеральном общественном знании как *нация*.

Первое, о чем следует сказать, Арндт [19], когда утверждала о «поглощении» социальным политическим, была права. В современности, представленной в экономической парадигме, нет места для политики как *различия*; политика представляется как *управление интересами*, т. е. как необходимая *коррекция* для *рыночного механизма* (Агамбен [26] задачей такого управления называет «возвращение к началу», что означает «восстановление первоначальной чистоты рынка»); социальное именно «тотально и универсально» воспроизводит себя, управление здесь называется «политикой безопасности» и «политикой благосостояния» – лексикон узнаваемый и безраздельно господствующий в публичном и научном современном политическом дискурсе.

Республиканская нация есть элемент «ансамбля» диспозитива экономической парадигмы. Политическим сообществом она является в специфическом смысле быть «формой» мобилизации масс *управлением*: как «представленный в наличие и готовый к использованию ресурс». Эта форма эволюционирует, по мере «снятия государственных границ» и становления глобального политического порядка, во «всемирную нацию» [10], ассоциацию индивидов, разрешенных без остатка в «разумные материальные ценности/интересы» [29], по сути «рыночное конкурентное либеральное сообщество».

Возможность этого должна быть *обеспечена* политически, «затруднения» должны быть *сняты*, в теории – «историографическим перерасчетом прошлого», т. е. *перетолкованием*, которое и есть *содержание* и *цель* как модернистских, так и конструктивистских, как социологических, политологических, исторических, т. е. дисциплинарно-научных объяснений/теорий, так и философских истолкований, направляемых вопросом «что есть нация?». Ряд «нормативных утверждений» относительно нации подготавливают и обеспечивают такое перетолкование; из них три важнейшие: нация не является природным феноменом, нация есть социальная группа и социальная категория и одновременно политический народ, нация определяется как культурная. Эти утверждения указывают на разрывы (и, соответственно, на «швы»), которые необходимо устранить в представлении нации, чтобы она могла быть представлена как республиканская.

Первое: этнос и этничность. Эти феномены максимально сдвигаются по шкале времени едва ли не в область предистории; во всяком случае, отрицается их *значение* для «исторического периода человеческого рода». Одновременно утверждение Л. Гумилева [36] об этносе как «природном феномене» (предмете географии) опровергается *без аргументов*, посредством, например, «политической дисквалификации». Этнос объявляется «социальным феноменом» (иногда – культурным или историческим, причем так, как будто эти «квалификации» *непосредственно совместимы*). Однако здесь есть и обратная сторона: этнические нации, противопоставленные гражданским, характеризуются иногда как «звериный зоологизм» (Гринфельд о «русской этнической

нации») с политической целью объявить их «противоестественной угрозой», которую необходимо *устранить*. В либеральной идеологии естественности этноса соответствует фундаменталистская идеология; причем ни то, ни другое не являются *действительными*. С. Жижек [37] утверждает, например, что фундаменталистская идеология есть не что иное, как современная разновидность «рессентимента» (внутреннее признание либерального порядка и ценностей (скорее – «образа жизни») при сознании невозможности его «получить» приводит к «джи-хаду/войне»), он не допускает мысли, что *вера* может быть «нередуцируемой» до «культурных особенностей».

Второе. Фуко писал, что «выход на сцену» европейских наций по времени совпадает и находится в связи с возникновением *новой управленческой парадигмы* [38]. Политическая нация заявляет претензию на *суверенитет* – так называется политически активная часть народа, революционный субъект. Аренд утверждала, что *современность* и *есть революция*. Таким образом, *мобилизация* (и «клетка государства» как способа новоевропейской организации власти М. Манн) должна захватывать все большую часть *населения*: «политически активное меньшинство» преобразуется в «народную нацию», чтобы стать «материей» государства-нации модерна. Одновременно, по Арендт, это преобразование означает, что нация утрачивает свою революционность и становится «консервативным социальным феноменом» (по мере того, как народ *становится* нацией, нация перестает быть политическим субъектом в «старом» смысле этого слова), но не перестает быть «политической»: в *новом значении*, заданном в либеральном «диспозитиве» «экономической парадигмы» – как «объект» управления. Здесь, «в промежутке» между «прежним» и «современностью», изменяется природа *политического* [39], и в связи с этим изменением *представление* нации долгое время удерживает противоречие.

Третье. Представление современности принимает законченную форму в новой «деятельностной онтологии» в горизонте либеральной экономической парадигмы; *принцип* представления задан основоположениями «либеральной метафизики». Нация представляется как «культурная общность» на основе свободного самоопределения автономных индивидов в соответствии с их *интересами*. Культура, по Хайдеггеру, есть новоевропейское явление («великие эпохи не имели культуры») [40, с. 341] и существует как *культурная политика*: «хорошо организованное снабжение переживаниями» [40, с. 547]. Безграничная возможность «историографического перерасчета» позволяет принимать в расчет «особенности» как, например, «этнографические факты»: «народная культура» *для туристов* (от «народных праздников», «народных промыслов» и т.п. и до «китайского ресторана», популярного среди обывателей западных мегаполисов). Хайдеггер, еще в 30-е гг. XX в. судил об этом так: «Все раскапывание раннего народного достояния, производимое с благими намерениями, вся мещанская забота об обычаях, всякое воспевание пейзажей и почвы, восхваление «крови» есть лишь фасад и предлог, необходимый, чтобы замаскировать то, что собственно только и есть, – безусловное господство рукотворности разрушения как законного самого по себе процесса, – дабы свободно осуществлять (а значит, скрывать от многих) собственное полное завершение своей сущности» [22, с. 441].

Либеральный проект республиканской нации «вписан в диспозитив» экономической парадигмы политического как современной социальной «онтологии» (как «реальное» понятие и действительность) и обоснован в «деятельностной парадигме» новоевропейской онтологии, – таковы его *гарантии*. Речь идет о том, что *поверх* «научной объективности» дисциплинарно организованной науки и что является *условием возможности* объективного научного исследования, предоставляет для него его *объекты*.

Заключение, выводы

Мы обнаружили *три* представления нации, каждое из которых вписано в *свой каркас*, и только здесь *имеет свое значение*; одновременно все три выделенных представления *относятся* к одной, либеральной «экономической парадигме»: она удерживает их в единстве, которое не может не быть «противоречивым» до тех пор, пока *современность* находится в *становлении*, – ее «ἀρχή» стало действительностью, однако ее сутью является то, что Агамбен определяет так: «Вопреки провозглашенному концу истории, мы, на самом деле, становимся свидетелями непре-

станно работающей вхолостую машины» [35, с. 36], а Хайдеггер, определяя ее как «завершающий период нового времени» и «эпоху нигилизма», писал, что она не может «закончиться/умереть», но только «непрерывно околеваает». Либеральный проект республиканской нации как «всемирной» осуществляется в *бесконечном процессе*; переплетение научных дискурсов, калейдоскоп форм этой «новой исторической общности», либеральной «по содержанию», но «культурной», «моральной» (нация как «моральное сообщество»: Б. Як) [41], даже «мифической» (К. Хюбнер полагал, что гражданской лояльности либеральному порядку мало для *действительности* общности, – необходим «миф нации», который, кстати, у него получился вполне «либеральным») есть способ, каким он необходимо представлен [42]. При всей *видимой противоречивости* дискурсов нации («между» многообразными дискурсами и «внутри» каждого из них), нет никаких сомнений в их *научной объективности*, которая, повторим, гарантируется парадигматически.

Механизм/схема представления нации в либеральном по сути западном общественном знании может быть описан; вопрос в том, возможно ли «другое представление» (и насколько оно нужно), – можно, по нашему мнению, обозначить только *горизонт для постановки* этого вопроса: Агамбен задает вопрос: «В какой мере мы сегодня не располагаем другим опытом бытия, кроме дельности?» [33, с. 95], и утверждает: «Проблема будущей философии – это проблема того, как помыслить онтологию по ту сторону дельности и приказа и как помыслить этику и политику, которые были бы полностью свободны от понятий долга и воли» [33, с. 199]. Сохранится ли при этом *место для «нации» и возможность «осмысленного говорения»* о ней нам неизвестно.

Список источников

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
2. Вригт Г. Х. фон Объяснение и понимание // Логико-философские исследования : избр. тр. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
3. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
4. Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
5. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 2, кн. 1 : Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. М.: Дело, 2018. 503 с.
6. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 2, кн. 2 : Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. М.: Дело, 2018. 507 с.
7. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3 : Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы. М.: Дело, 2018. 682 с.
8. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
10. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
11. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
12. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон +, 2001. 400 с.
13. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. 288 с.
14. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
15. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2020. № 4. С. 4–14.
16. Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
17. Ленин В.И. Великий почин // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 1–29.
18. Агамбен Дж. Ното сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
19. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.

20. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Социальное и политическое в экономической парадигме // Вестн. Московского гос. областного ун-та. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 123–134.
21. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt/M.: S. Fischer Verlag, 1962. 565 S.
22. Хайдеггер М. Размышления VII – XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 528 с.
23. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Гражданская нация и этническая идентичность: к вопросу о «сущности русской нации» // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 2. С. 131–139.
24. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
25. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юрид. журн. 2020. № 8. С. 43–434.
26. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара; факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
27. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 373–565.
28. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Соч. : в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–38.
29. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое изд-во, 2010. 364 с.
30. Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Современная культура как культурная политика: М. Хайдеггер о культуре как «феномене современности» // Евразийский юрид. журн. 2021. № 3. С. 464–470.
31. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.
32. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
33. Агамбен Дж. Opus Dei. Археология службы. М.; СПб: Изд-во Ин-та Гайдара; факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. 280 с.
34. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Ка-сталь, 1996. 448 с.
35. Агамбен Дж. Что современно? Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. 78 с.
36. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ: Астрель, 2006. 510 с.
37. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
38. Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
39. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Еще к истолкованию «децизионизма К. Шмитта» // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 216–229.
40. Хайдеггер М. Размышления II – VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 584 с.
41. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42–52.
42. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юрид. журн. 2020. № 10. С. 472–476.

References

1. Weber M. “Objectivity” of social-scientific and socio-political knowledge. *Selected works*. Moscow: Progress Publ.; 1990:345-415. (In Russ.).
2. Wrigt G. H. von. Explanation and understanding. *Logical and philosophical studies. Selected works*. Moscow: Progress Publ.; 1986. 600 p. (In Russ.).
3. Schmitt K. Spiritual and historical state of modern parliamentarism. *Concept of the political*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2016:93-170. (In Russ.).
4. Calhoun K. *Nationalism*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2006. 288 p. (In Russ.).
5. Mann M. *Sources of social power: in 4 vols. Vol. 2, book 1: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Moscow: Delo Publ.; 2018. 503 p. (In Russ.).
6. Mann M. *Sources of social power: in 4 vols. Vol. 2, book 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Moscow: Delo Publ.; 2018. 507 p. (In Russ.).

7. Mann M. *Sources of social power: in 4 vols. Vol. 3: Global empires and revolution, 1890-1945*. Moscow: Delo Publ.; 2018. 682 p. (In Russ.).
8. Gellner E. *Nations and nationalism*. Moscow: Progress Publ.; 1991. 320 p. (In Russ.).
9. Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole Publ.; 2001. 288 p. (In Russ.).
10. Grinfeld L. *Nationalism. Five paths to modernity*. Moscow: PER SE Publ.; 2012. 528 p. (In Russ.).
11. Yak B. *Nationalism and moral psychology of the community*. Moscow: Gaidar Institute Press; 2017. 520 p. (In Russ.).
12. Huebner K. *Nation: from oblivion to rebirth*. Moscow: Kanon + Publ.; 2001. 400 p. (In Russ.).
13. Balibar E., Wallerstein I. *Race, nation, class. Ambiguous identities*. Moscow: Logos Publ.; 2004. 288 p. (In Russ.).
14. Ankersmit F.R. *Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value*. Moscow: HSE University Press; 2014. 432 p. (In Russ.).
15. Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. Sociological and historical discourse of the nation: method and structure. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2020;(4):4-14. (In Russ.).
16. Lukacs D. *History and class consciousness. Studies in Marxist Dialectics*. Moscow: Logos-Altera Publ.; 2003. 416 p. (In Russ.).
17. Lenin V.I. Great initiative. *Full. coll. works*. 5th ed. Moscow: Politizdat Publ.; 1970;39:1-29. (In Russ.).
18. Agamben J. *Homo sacer. Sovereign power and bare life*. Moscow: Europa Publ.; 2011. 256 p. (In Russ.).
19. Arendt H. *About the revolution*. Moscow: Europa Publ.; 2011. 464 p. (In Russ.).
20. Maltsev K.G., Maltseva A.V. Social and political in the economic paradigm. *Vestn. Moskovskogo gos. oblastnogo un-ta. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2022;(3):123-134. (In Russ.).
21. Kohn H. *Die Idea des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution*. Frankfurt/M.: S. Fischer Verlag Publ.; 1962. 565 p.
22. Heidegger M. *Reflections VII - XI (Black Notebooks 1938-1939)*. Moscow: Gaidar Institute Press; 2018. 528 p. (In Russ.).
23. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Civil nation and ethnic identity: on the question of the “essence of the Russian nation”. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Socio-Political Sciences*. 2021;11(2):131-139. (In Russ.).
24. Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Moscow: HSE University Press; 2012. 408 p. (In Russ.).
25. Lomako L.L., Maltsev K.G. Constructivist paradigm in the study of the nation, nationalism, ethno-national conflict: some criticisms. *Evrasiiskii yurid. zhurnal = Eurasian Legal Magazine*. 2020;(8):430-434. (In Russ.).
26. Agamben J. *Kingdom and glory. To the theological genealogy of economics and management*. Moscow: St. Petersburg: Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University Press; 2019. 552 p. (In Russ.).
27. Kant I. Critique of practical reason. *Works: in 8 vols*. Moscow: Choro Publ.; 1994;4:373-565. (In Russ.).
28. Kant I. Answer to the question: What is education? *Works: in 8 vols*. Moscow: Choro Publ.; 1994;8:29-38. (In Russ.).
29. Lal D. *Praise for empire: globalization and order*. Moscow: New Publishing House; 2010. 364 p. (In Russ.).
30. Binkovskaya L.N., Maltsev K.G. Modern culture as a cultural policy: M. Heidegger on culture as a “phenomenon of modernity”. *Evrasiiskii yurid. zhurnal = Eurasian Legal Magazine*. 2021;(3):464-470. (In Russ.).
31. Heidegger M. *Basic problems of phenomenology*. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School Press; 2001. 456 p. (In Russ.).
32. Latour B. *Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. Moscow: HSE University Press; 2014. 384 p. (In Russ.).
33. Agamben J. *Opus Dei. Archeology service*. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University Press; 2022. 280 p. (In Russ.).
34. Foucault M. *Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years*. Moscow: Kastal Publ.; 1996. 448 p. (In Russ.).
35. Agamben J. *What is modern?* Kyiv: DUKH I LITERA Publ.; 2012. 78 p. (In Russ.).

36. Gumilyov L.N. *Ethnogenesis and biosphere of the Earth*. Moscow: AST: Astrel Publ.; 2006. 510 p. (In Russ.).
37. Zizek S. *About violence*. Moscow: Evropa Publ.; 2010. 184 p. (In Russ.).
38. Foucault M. *Security, territory, population: a course of lectures*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2011. 544 p. (In Russ.).
39. Maltsev K.G., Maltseva A.V. More on the interpretation of the “decisionism of K. Schmitt”. *Izv. Yugo-Zapadnogo gos. un-ta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Bulletin of Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2021;11(3):216-229. (In Russ.).
40. Heidegger M. *Reflections II - VI (Black Notebooks 1931-1938)*. Moscow: Gaidar Institute Press; 2016. 584 p. (In Russ.).
41. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanitarian and Social Sciences*. 2020;(6):42-52. (In Russ.).
42. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Contemporary political philosophy and the “myth of the nation” by K. Huebner. *Evraziiskii yurid. zhurnal = Eurasian Legal Magazine*. 2020;(10):472-476. (In Russ.).

Информация об авторах

К.Г. Мальцев – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки.

А.Л. Алавердян – кандидат философских наук.

Information about the authors

K.G. Maltsev – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science.

A.L. Alaverdyan – Candidate of Science (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 03.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 03.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК (091)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-30-34

ВЛИЯНИЕ СИНЕРГЕТИКИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Евгений Сергеевич Попченко

Курский государственный университет, Курск, Россия
eug.popchenko@yandex.ru

Аннотация. Анализируется влияние использования синергетики на трансформацию методологических концепций и подходов в процессе изучения проблем оптимизации государственного управления в отношении к развитию общественных организаций и определении места последних в системе государственно-управленческих отношений. Исследуются принципы методологической гибкости, которая способствует познанию многих явлений и процессов в государственном управлении и общественной практике, дает возможность проследить их происхождение, динамику развития, эффективность и т.д. На основании результатов анализа влияния синергетики на модификацию методологии изучения общественной организации как института гражданского общества в содержании государственно-управленческого взаимодействия с государством, выделены возможности перспективной вариативности методологической основы исследования. Модифицированные методы синергетики дадут более четкое представление о перспективах актуализации роли общественной организации в государственно-управленческих отношениях. Трудно говорить о некоем постоянном их построении, поскольку исследуемая проблема – динамичное явление и уязвима к любым изменениям, которые оказывают традиционное влияние на социально-политические отношения и процессы. Существует необходимость осмысления и применения современных социально-технологических моделей, которые должны быть направлены на оптимизацию всего спектра государственно-административных, социально-экономических, общественно-политических и других аспектов развития государства и гражданского общества.

Ключевые слова: синергетика, общество, государство, социальные науки, государственное управление, индивид, самоорганизация, самоуправление

Для цитирования: Попченко Е.С. Влияние синергетики на трансформацию методологии исследования общественной организации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 30–34.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE INFLUENCE OF SYNERGETICS ON THE TRANSFORMATION OF THE METHODOLOGY OF PUBLIC ORGANIZATION RESEARCH

Evgeny S. Popchenko

Kursk State University, Kursk, Russia
eug.popchenko@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is an analysis of the impact of the use of synergetics on the transformation of methodological concepts and approaches in the process of studying the problems of public administration optimization in relation to the development of public organizations and determining the place of the latter in the system of state-administrative relations. The study is based on the understanding of the principles of the possibility of methodological flexibility, which contributes to the knowledge of many phenomena and processes in public administration and public practice, makes it possible to analyze their origin, dynamics of

development, effectiveness, etc. Based on the results of the analysis of the influence of synergetics on the modification of the methodology of the study of public organization as an institution of civil society in the content of state-management interaction with the state, the possibilities of promising variability of the methodological basis of research are highlighted. The modified methods of synergetics highlighted in the article will give the clearer idea of promising possibilities of actualization of the role of public organization in state-management relations. It is difficult to talk about some kind of permanent their construction, because the problem under study is a dynamic phenomenon and vulnerable to any changes that have a traditional influence on socio-political relations, phenomena, processes. Therefore, it is quite logical that there is a need to comprehend and apply modern socio-technological models, which should be aimed at optimizing the whole spectrum of state-administrative, socio-economic, socio-political and other aspects of state and civil society development.

Keywords: synergetics, society, state, social sciences, public administration, individual, self-organization, self-government

For citation: Popchenko E.S. The Influence of Synergetics on the Transformation of the Methodology of Public Organization Research. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(4):30-34. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Перспективы развития современного государства напрямую зависят от его общественно-политического устройства. Поэтому важным в понимании наблюдаемых изменений публичного взаимодействия управленческого аппарата и населения страны является постоянное совершенствование методологии анализа социальных процессов. Частными вопросами подобного рода активно занимаются исследователи общественных наук, государственного управления, политологии, социологии и других научных сфер. Однако мы всё чаще приходим к необходимости сокращения дистанции между институтами государства и обычными людьми, что приводит к использованию в процессе познания междисциплинарных подходов в решении важных задач социальной жизни.

Разрабатываемые сегодня научно-практические направления настроены на получение определённого следственного эффекта, дающего конкретизированные ответы на интересующие вопросы, такие как зарождение, динамика, вариативность, эффективность, функциональность и результативность анализируемого публично-управленческого феномена. Такой подход, безусловно, способствует процессу оптимизации, совершенствованию, а также выявлению и внедрению лучших характерных признаков и прочих инновационно-управленческих особенностей позитивной эволюции социума и государства в целом. Однако нет никаких гарантий, успешных в данном направлении в будущем. Таким образом, стоит актуальная задача продолжения совершенствования методологии процесса исследования общественной организации для обеспечения наиболее эффективного развития публично-управленческих отношений.

Эти обстоятельства толкают на поиск нового методологического конструкта, позволяющего разработать более эластичные подходы к оптимизации государственной политики общественной организации с учетом полученного научно-практического опыта прошлых установок. Одним из современных методологических подходов, используемых в государственном управлении обществом, является синергетика с её знаниями о процессах самоорганизации.

Исследователь синергетики В.Г. Буданов анализировал становление методов исследования поведения открытых систем и сложного поведения их компонентов [1], а также процессы оптимизации систем государственного управления в условиях активного действия факторов социальной самоорганизации [2]. Сегодня мы всё чаще наблюдаем внедрение синтезирующих подходов к модернизации государственно-управленческих аспектов в развитии государства и общества. Постепенно синергетика укрепляет важность своей роли в целостном анализе общественно-политических процессов. Её концепции постепенно становятся стержневыми в понимании интеграционных институциональных процессов и формировании направлений совершенствования государственной политики, которая направлена на содействие развитию общественных организаций как социальных институтов.

Кроме того, актуальность применения в исследовании синергетического метода вызвана и использованием в ее содержании синтезируемых подходов, среди которых следует назвать системно-синергетический подход, который предметно направлен на описание и проектирование процессов социальной организации и социальной самоорганизации, а также синергетически-рефлексивную модель социальной самоорганизации и управления [3].

Исследование Е.Н. Князевой вопроса специфики социальной сложности показывает, что желаемый путь дальнейшего развития социальной организации выбирается именно в кризисный (нестабильный) период [4]. Подобные беспорядочные состояния бывают либо в точке бифуркации (разветвление путей развития), либо вблизи обострения (момент максимально возможного уровня развития сложной структуры). В любом случае во время кризиса общество становится неустойчивым даже к самым незначительным флуктуациям, что подтверждает тот факт, что любое человеческое воздействие способно образовать новую эволюционную организационную ступень, по которой продолжит свою жизнедеятельность общество и страна в целом. Такие подробности поведения человекомерных систем стали известны благодаря формированию ещё одного методологического ответвления как социосинергетика. С её помощью возможно познание мира с точки зрения познающего и действующего в нём человека и причины его конструирования как субъекта управления.

Социосинергетике удалось переосмыслить представление об открытых системах и определить их с общегуманитарных и социологических понятий. По мнению В.А. Аршинова, «“открытое общество” по Попперу – это своеобразный междисциплинарный симбиоз культурологического понятия “открытого общества” Бергсона и естественнонаучного “протосинергетического” понятия “открытой системы” Берталанфи. В основе этого симбиоза лежит диалогически-коммуникативный “круговой” процесс междисциплинарного осмысления идеи развития в современной цивилизации и культуре» [5].

Главным условием самоорганизации открытого общества является процесс неравновесного упорядочивания всей системы, за которым меняется и сама структура, стремясь к следующей точке бифуркации, что достигается благодаря воздействию на управляющие параметры и параметры порядка. Г. Хакеном понимался процесс самоорганизации как «... спонтанное образование высокоупорядоченных структур из зародышей или даже из хаоса» [6]. Это означает, что все структурные подсистемы путем синергичного взаимодействия превращают неупорядоченную систему в противоположную. Общественную организацию в таком случае можно понимать еще как процесс интеграции элементов системы общества. Интеграция играет роль необходимого условия для трансформационных процессов, проблемы управления общественной системой, которую нужно решить. Синергетический принцип управления сложными системами заключается в воздействии на параметры порядка для получения желаемого результата.

А.В. Зыряновым были рассмотрены концептуальные основания развития синергетической теории государствопонимания. С данного ракурса раскрывается новый метод познания вопросов государства как явления социальной действительности, в которой управляющий аппарат функционирует как сложная, открытая, нелинейная система политической организации общества [7]. Таким образом мы получаем мировоззренческую установку, на основе которой формируется методология, способная создать теоретическую модель социально-политического развития, где общество и государство – это два института одной целостности с присущей им детерминизмом и случайностями, устойчивыми и кризисными периодами развития, череда хаоса и порядка на микро- и макроуровнях.

Заметного успеха добилась М.Г. Федотова в модернизации методологии исследования транзитивного общества. Основной проблемой ее изучения стал анализ крайне динамичного момента перехода, в котором одновременно действуют системные закономерности старого этапа социального развития и зарождаются новые законы общественной системы. Подобное состояние образует «квазизаконмерности» – промежуточные установки, которые работают только в период трансформации. Сложность и непредсказуемость объекта в таком состоянии не даёт возможности применять существующие методологии анализа. Социосинергетика, по её мнению, – необходимый инструмент для точного описания транзитивного общества, позволяющий обозначить его принципы [8]. Более того, когда мы рассматриваем социум как совместное действие

взаимосвязанных индивидов, сознание которых во время перехода также трансформируется, то нельзя обойти вниманием уже имеющийся опыт в области феноменологической социологии. Её представители работают над микросоциологическим подходом к обществу. В нём объектом анализа является именно индивид, погружающийся в общество путем многочисленных взаимодействий.

Социосинергетика способна интегрировать аналитический (микроскопический) и холистический (макроскопический) подходы в единую систему, моделирующую происходящие в обществе процессы. В. Вайдлих проанализировал действие макрозаконов как общих закономерностей развития микроуровневых систем путем их коммуникационного взаимодействия. С такого ракурса трансформация общества является столкновением и взаимопроникновением микро- и макрозакономерностей, что придаёт уникальность данному процессу [9].

Применяя принципы синергетики, мы обращаем внимание на обусловленность изменений в обществе нерациональными факторами, видим взаимосвязи между управляющими параметрами и параметрами порядка в общественной организации во время динамической стабилизации, учитываем все возможные пути развития системы как одинаково реалистичные и важные в момент бифуркации. Благодаря микросоциологическому ответвлению синергетического подхода можно изучить принципы формирования новой посттранзитивной реальности, определив роль каждого индивида в рамках социальных преобразований.

Чтобы провести синергетический анализ, социолог должен выделить не более 1-2 десятков взаимосвязанных макропеременных в рассматриваемой социальной системе и сделать в своей построенной модели оценку взаимодействия этих переменных. Если у него есть вся необходимая информация или статистические данные, позволяющие ему производить оценку относительно порядка величины переменных и их взаимного влияния (что означает уже количественные оценки), то он может сделать выводы о динамическом поведении системы. Эту динамику можно интерпретировать в связи с изменениями переменных и изменениями силы их взаимного влияния (последние снова представляют собой оценки, касающиеся эволюции величин и степеней взаимодействий).

Словом, качественное моделирование неявно подразумевает оценки количественного характера или величины, силы или интенсивности соответствующих изменений. С другой стороны, объяснительный потенциал количественных (динамических) моделей был бы недооценен, если бы их ценность проявлялась только в простых выводах об изменении некоторых величин в каком-либо процессе. Напротив, наиболее важные вопросы, на которые дает ответ количественная модель, носят качественный характер.

Трансформация методологии моделирования процессов самоуправления и саморазвития общества в рамках синергетического подхода привела к формированию новой схемы управления. Её основная идея заключается в побуждении субъекта управления задействовать принципы самоорганизации индивида и социума. Стремясь к саморазвитию, люди совершенствуют свои связи и отношения в связках: личность – личность; личность – группа; личность – социальный институт и т.д. Синергетические принципы ведут общество от экстремальных условий трансформационного периода к гармонии, поиску своего места в мире и среди других социальных структур по пути самоуправления и саморазвития. Только так может иметься у человека возможность самостоятельного выбора в определении пути и характера реализации личных и коллективных сил. Нельзя не отметить серьёзный вклад исследователей в развитие региональных социальных систем, где изучается именно проблема социального саморазвития [10].

Итак, синергетика признана одним из наиболее востребованных методов познания социальных систем. Её влияние подвергло изменениям и слияниям уже существующие методологии анализа общественных организаций. Активно вносятся предложения по реорганизации некоторых структур государственного аппарата для более эффективного взаимодействия с обществом как самостоятельно развивающимся институтом. При этом возможность выбора – необходимый, но недостаточный признак свободы, требующий еще двух важных условий – автономности и осознания акта выбора.

Список источников

1. Буданов В.Г. Синергетическое моделирование сложных систем // *Философские науки*. 2007. № 4. С. 114–131.
2. Буданов В. Г. Постнеклассические основы управления будущим // *Научный результат. Серия: Социология и управление*. 2014. № 1. С. 72–78.
3. Рузавин И. Г. Синергетика и системный подход // *Философские науки*. 1985. № 5. С. 48–55.
4. Князева Е. Н. Социальная сложность: самоорганизация, тренды, инновации // *Общество, философия, история, культура*. 2013. № 1. С. 20–28.
5. Аршинов В.А. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 200 с.
6. Хакен Г. Самоорганизующееся общество // *Будущее России в зеркале синергетики*. М.: КомКнига, 2006. 207 с.
7. Зырянов А.В. Концептуальные основания синергетической теории государствовопонимания // *Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований*. 2018. С. 403–410.
8. Федотова М.Г. К вопросу о методологии исследования транзитивного общества // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 6. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-6-2013/philosophy/fedotova.pdf> (дата обращения: 04.11.2022).
9. Вайдлих В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках / пер. с англ. Ю.С. Попкова, А.Е. Семечкина. М.: Едиториал УРСС, 2005. 480 с.
10. Салохин Н. П. Единица самоорганизации и самоуправления общества трансформирующейся России. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. 400 с.

References

1. Budanov V.G. Synergetic modeling of complex systems. *Filosofskiye nauki = Philosophical Sciences*. 2007;(4):114-131. (In Russ.).
2. Budanov V.G. Post-non-classical foundations of managing the future. *Nauchnyi rezul'tat. Seriya: Sotsiologiya i upravlenie = Scientific Result. Series: Sociology and Management*. 2014;(1):72-78. (In Russ.).
3. Ruzavin I.G. Synergetics and systemic approach. *Filosofskiye nauki = Philosophical Sciences*. 1985;(5):48-55. (In Russ.).
4. Knyazeva E. N. Social complexity: self-organization, trends, innovations. *Obshchestvo, filosofiya, istoriya, kul'tura = Society, Philosophy, History, Culture*. 2013;(1):20-28. (In Russ.).
5. Arshinov V.A. *Synergetics as a phenomenon of post-non-classical science*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Press; 1999. 200 p. (In Russ.).
6. Haken G. Self-organizing society. *The future of Russia in the mirror of synergetics*. Moscow: KomKniga Publ.; 2006. 207 p. (In Russ.).
7. Zyryanov A.V. Conceptual Foundations of the Synergetic Theory of State Understanding. *Nauka, obrazovanie, innovatsii: aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy = Science, Education, Innovations: Approbation of Research Results*. 2018:403-410. (In Russ.).
8. Fedotova M.G. To the question of the methodology of the study of a transitive society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2013;(6). Available from: <http://www.teoria-practica.ru/-6-2013/philosophy/fedotova.pdf> [Accessed 4th November 2022]. (In Russ.).
9. Weidlich V. *Socio-dynamics: a systematic approach to mathematical modeling in the social sciences*. Tr. from the English by Yu.S. Popkov, A.E. Semechkin. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2005. 480 p. (In Russ.).
10. Salokhin N.P. *The unit of self-organization and self-government of the society of the transforming Russia*. Omsk: Omsk State University Press; 2019. 400 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.С. Попченко – аспирант кафедры философии.

Information about the author

E.S. Popchenko – Postgraduate Student, Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 930.23
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-35-42

КРУШЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В МЕТАФОРАХ И ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЯХ

Дмитрий Алексеевич Волошин

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия,
voloschindim@mail.ru

Аннотация. Проанализирован историографический массив, касающийся крушения Римской империи на предмет использования авторами словесных конструкций, относимых к образным сравнениям.

Классифицированы различные варианты образных сравнений, раскрыто их смысловое наполнение.

Образные сравнения и метафоры, к которым прибегают исследователи римской истории для обозначения процесса ее распада и ликвидации, типологизированы и приведены в систему. Данный аспект нашел свое наиболее последовательное изложение лишь в работе представителя немецкой историографии А. Демандта.

Обобщен историографический материал, относящийся к разным периодам; выявлено, что прием образного сравнения не утратил своей актуальности и сегодня. В качестве критериального показателя, которым обосновывается предпринятая в статье классификация различных «образов» Римской империи, заявлена степень оригинальности или, наоборот, универсальности. В координатах вышеуказанной градации дается обзор таких образных сравнений, как «здание» / «постройка» / «сооружение» (римской государственности), «корабль», «колосс», «государственный механизм», «государственный организм» и проч. Помимо достаточно распространенных образов, выделяются и описываются смысловые характеристики оригинальных образов падения Римской империи – таких как «Чеширский кот», «ослабленный старик», «переименование фирмы» и проч.

Замечено, что метафоричность в изложении отнюдь не всегда коррелирует с жанром повествования или объемом предпринятого исследования. Обозначены образные сравнения широкого историографического диапазона – от работ И. Ньютона и Я. Рубана до современных немецких и англоязычных изданий.

Ключевые слова: историческая наука, историография, падение Римской империи, образное сравнение, метафора

Для цитирования: Волошин Д.А. Крушение Римской империи в метафорах и образных сравнениях // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 35–42.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE COLLAPSE OF THE ROMAN EMPIRE IN METAPHORS AND FIGURATIVE COMPARISONS

Dmity A. Voloschin

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, voloschindim@mail.ru

Abstract. The article analyzes the historiographic array concerning the collapse of the Roman Empire in terms of the use of verbal constructions by the authors, related to figurative comparisons. As a research task, an attempt was defined not only to classify various options for figurative comparisons, but to reveal their semantic

content as well. Figurative comparisons and metaphors used by researchers of Roman history to indicate the process of its decay and liquidation are typologized and brought into the system. It is noted that this aspect found its most consistent presentation only in the work of A. Demandt, a representative of German historiography.

The article summarizes the historiographical material relating to different periods; it was revealed that the method of figurative comparison has not lost its relevance today. The degree of originality or, conversely, universality is declared as a criterion indicator, which substantiates the classification of various “images” of the Roman Empire undertaken in the article. In the coordinates of the above gradation, an overview is given of such figurative comparisons as “building” / “construction” / “structure” (of Roman statehood), “ship”, “colossus”, “state mechanism”, “state organism”, etc. In addition to the fairly common images, the article highlights and describes the semantic characteristics of the original images of the fall of the Roman Empire - such as “Cheshire cat”, “weakened old man”, “renaming of the company”, etc.

It has been noted that the metaphorical nature of the presentation does not always correlate with the genre of narration or the volume of the research undertaken. The article indicates figurative comparisons of a wide historiographical range - from I. Newton and J. Ruban to modern German and English-language publications.

Keywords: historical science, historiography, fall of the Roman Empire, figurative comparison, metaphor

For citation: Voloschin D.A. The Collapse of the Roman Empire in Metaphors and Figurative Comparisons. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):35-42. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Едва ли правомерно утверждать, что «римский рецепт» имперостроительства (в силу своей сверхуспешности) перерос сам себя, стал опытом на все времена, руководством к действию и изучению, а нарративы, ему посвященные, – обязательными к прочтению всеми.

Другое дело – процесс ее, Imperium Romanum, – демонтажа. Эта тема гальванизирует столь мощно, что порой складывается ощущение: факт случившегося полторы тысячи лет назад интригует людей все больше.

Историография проблемы без преувеличения – колоссальна; она изобилует множеством теорий «деклинации Рима» как традиционных, так и альтернативных. Тема «падения Римской империи» перешагнула собственные границы, стала рассматриваться как «хрестоматийный» образец, пригодный для любой переломной эпохи, когда старые формы уступают место новым. Из века в век историки, размышляя о гибели римского (а вместе с ним и античного) мира, «дали свое вечное и идеальное содержание понятию упадка» [1, р. 11]; даже более того, концепт «падения Рима» оказался конкретизирован и акцентирован множеством слов и словосочетаний (распад, крушение, декаданс, демонтаж, ликвидация, развал и др.) всякий раз с претензией его «правильного» замещения.

«Античный декаданс», в ходе которого / Свершилось преосуществление / Всемирной власти на земле: / Орлиная разжалась лапа, / И выпал мир... [2, с. 265], своим размахом и последствиями впечатлил если не всех, то очень многих – от столпов точных наук до поэтов. Естественно, при такой конкуренции на первый план выходит оригинальность подачи материала, когда, казалось бы, второстепенные нотки и нюансы приобретают особый вес и значение. В поисках выразительности, в попытках нащупать средства, способные оттенить собственную, авторскую позицию, повысить степень ее оригинальности, историки приходят (надо заметить, достаточно быстро, если не моментально) к приему образных сравнений.

Интерес к языку образов при изложении проблемы падения Римской империи представляется закономерным и совершенно неизбежным. Поиски сопряженных с предметом исследования новых «контуров» не всегда можно назвать целесообразными и уместными, однако редкий исторический нарратив обходится без тирады, в которой Imperium Romanum предстает «в Образе». Примечательно, но метафоричность в изложении отнюдь не всегда коррелирует с жанром повествования или объемом предпринятого исследования. Образные сравнения в изложении присутствует не только у итальянских гуманистов или французских просветителей XVIII в. – эта тенденция прослеживается постоянно и проявляется порой в самых неожиданных ракурсах. Но в конечном итоге

образность во всей ее вариативности преследует понятную цель – придать теме античности драматическую окраску, возбудив у реципиента эмоцию.

К настоящему моменту историография падения Римской империи изобилует столь обширным и разнохарактерным набором «образов», что они сами по себе уже нуждаются в разветвленной и многоуровневой классификации. В недавнем прошлом проблематика использования метафор падения Рима, на наш взгляд, нашла свое наиболее полное изложение в фундаментальном труде А. Демандта [3, S. 181–188]; ему же принадлежит и заслуга приведения их в определенный типологический порядок.

Если предпринять попытку группировки метафорических образов и сравнений Римской империи на основе четких критериев (сравнения с объектами живой природы или неодушевленными предметами, распадающимися на многочисленные «подуровни»), то вырисовывается крайне нестройная калейдоскопическая картина. Но если отойти от попыток решения в принципе невозможной задачи – учесть все актуальные образы, присутствующие на страницах соответствующих трудов, можно обратиться к подходу, при котором метафорические образы условно делятся по уровню их распространенности от предельно универсальных образов, которые историки активно используют в разных контекстах до совершенно «экзотических», нетипичных, представленных что называется в единичных случаях употребления.

Сравнение поздней Римской империи с *ветхим, рушащимся зданием* наиболее часто встречается на страницах исторических трудов. Образ здания применительно к характеристике государств вообще (и империй в особенности) столь распространен, что уже давно превратился в клише. При этом «имперский» вариант такого здания никак не вызывает ассоциаций с высокохудожественной ажурной постройкой – «здание имперской государственности» преисполнено монументальности и тяжеловесности. Хотя, надо признать, имеют место и противоположные трактовки: «*изящной постройкой*», «*правильным, стройным сооружением*» назвали в свое время Рим Ш. Бемон и Г. Моно [4, с. 15]. А для Ф. Ницше Империя была замечательнейшим художественным произведением великого стиля, чье «*строение* было рассчитано на тысячелетия» [5, с. 687].

Так или иначе, но особый акцент в образе «здания» всегда уделялся фундаменту – «*мощному*», «*покрытому трещинами*», «*шаткому*», «*сгнившему*» или «*просевшему*». Фундамент – это не только «основа здания», это уровень, к которому помимо своей воли устремляется государство в ситуации собственного краха. Некоторые исследователи в качестве праосновы такого образа рассматривают Саллюстия, писавшего: «Так умирают королевства и рушатся империи до основания, и нет на земле ничего прочного» [цит. по: 6, р. 60].

Следует остановиться на вариациях вышеобозначенного образа. О «*развалившемся от собственной тяжести громадном здании*» империи писал Э. Гиббон [7, с. 531]. Он подчеркивает: «...падение Рима было пагубно для провинций, которые были бы погребены под развалинами того величественного здания, которое было воздвигнуто мужеством и мудростью восьми столетий» [8, с. 186].

Примечательно, но тема руинирования «римских зданий» наличествует у Гиббона не только в контексте образа, но и как вполне осязаемый аспект римского декаданса. «*Разрушение, проникшее до самого фундамента*, совершалось медленно и без шума, в течение десяти столетий» [8, с. 78].

Если у Гиббона *имперское здание* поддерживалось «*подпорками*» (что, на наш взгляд, несколько ломает этот образ – ведь имперское здание, если чем-то и «подпирается», то непременно внушительной колоннадой); у Й. Ашбаха говорится о «*прогнившем*» здании Римской империи [9, S. 152]. Об «*одряхлевшем здании*» пишет К.Ф. Беккер [10, с. 400]; «*расшатавшемся здании*» – Л.М. Гартман [11, с. 25].

Сравнение Римской империи с «*колоссом на глиняных ногах*», безусловно, в силу собственной общеупотребительности, не является эксклюзивным образным сравнением крушения Рима. Во все времена «колосс на глиняных ногах» – это гигантский, самодовлеющий и малоэффективный бюрократический аппарат, это и многочисленная, но слабая и небоеспособная армия. Вообще следует учитывать, что слова «грандиозный», «колоссальный» и им подобные – неизменные пазлы в системе характеристик любой империи. Но, как известно, именно громоздкие имперские системы с их достаточно примитивной экономикой всегда проигрывают в своей жизнеспособности компактным государственным образцам. Римская империя как «колосс на глиняных ногах» – это отсылка к несоответствию

формы содержанию, качеств объекта предполагаемой функции и проч. («И так великий колосс, которого голова до небес досягала, а ноги утверждены были в пределах света, внутри молью изъеденный, а снаружи порывистым боем поколебанный, упал теперь с высоты своей постыдно, и с ним вместе блеск империи Римской покрылся прахом и пылью» [12, с. 137]).

Довольно часто на страницах исторических нарративов Римская империя предстает в образе *корабля, морского судна*, как правило, «разлетевшегося в щепки», либо «получившего фатальные пробоины». Образ корабля относится к числу тех, что напрашиваются сами собой: и «корабль», и «империя» правятся одинаково – твердой рукой капитана в первом случае и монарха – во втором.

К тому же образ корабля способен явственно перекликаться с другим образом – более высокопоставленного и умозрительного порядка. Речь идет о ковчеге. Римская империя как цивилизация вобрала все лучшее, что следовало пронести сквозь стихию вражеского окружения – во имя вселенского блага...

У Г. Буасье есть строки про «*машину*», что грозила полным разрушением [13, с. 1]. Система, которая пошла вразнос, государственный механизм, дающий сбои – все это также образы не эксклюзивные, но общеупотребительные. Когда исследователи прибегают к сравнению Римской империи с любым неодушевленным предметом, созданным из «железа» – будь то «корабль», «механизм» или «машина», речь практически всегда заходит о «коррозии» или покрытии «усталостными трещинами». То есть ситуация, когда даже «железо устает», напрямую перекликается с императивом о смертности и конечности любого, самого мощного государства.

К достаточно распространенным можно отнести примеры «одушевления» образа Римской империи, когда авторы преподносят великую мировую державу в облике *немогущего старца, раненого зверя* или иного *живого существа*. В этом случае мы сталкиваемся с вариантами разной степени конкретизации. На одном полюсе оказываются авторы, которые говорят либо о «*государственном организме*» (Л.М. Гартман, Г. Берве и др.), либо об «*агонии*», «*угасании*», «*гибели*» (напр. Х. Дитер и Р. Гюнтер), т.е. живописуют Империю с разной степенью сочувствия или презрения; на другом – представляют римское государство не жертвой, но хищным зверем. В IV главе своего сочинения И. Ньютон показывает, что Римскому государству в «видении Даниила» соответствует 4-й зверь: «Этот зверь чрезвычайно страшный и свирепый, с большими железными зубами, все пожиравший, и сокрушавший, и попиравший остатки ногами, – такова была Римская империя. Она была обширнее, сильнее, ужаснее и крепче, нежели какой-либо из предыдущих зверей...» [14, с. 43]).

Если вернуться к первой категории сравнений, то в качестве их прасновы исследователи усматривают или строки из Ф. Петрарки («Все родившееся распадается, все могущественное стареет, и Рим не составляет в этом исключения») или понятие «падения Римской империи». Оно смоделировалось на образе Иисуса, который, согласно Евангелию, покидает этот мир с «поникшей головой». То есть Рим *клонился* к упадку, подобно тому, как *склонилась* голова Иисуса...

Однако следует заметить, образ гибнущей Римской империи в значительной части своей далек от идеализации и эстетизации. Например, Г. Буасье называет империю *живым трупом*; в то же время он заявлял, что не может поверить, чтобы римское общество было «... так *расслаблено и дряхло*, что не могло избежать гибели» [13, с. 533]. Автору кажется, что «...оно могло бы еще жить, и что гибель его обуславливается несчастной случайностью. Во всяком случае, оно не совсем умерло...» [13, с. 533].

Все тот же мотив *одряхления*, но в кардинально ином применении, слышится у В. Вегнера, который писал об *одряхлевшем, отжившем организме*. Ф. Лот (Лю) видит в падении римского государства «*смерть старика, который задолго до этого уже был лишен всех своих органов*» [15, р. 214], а В. Зейферт – *угасание после длительной болезни*» [16, S. 506].

По Я.А. Рубану, Римская монархия представляла собой «*глубокой старостью изнуренное и обессиленное тело*», не чувствовавшее своих членов, «*неприятельским мечем уязвленных*» [12, с. 15].

Но не всегда образ одряхлевшего, ослабленного организма Римской империи подразумевал естественность данного процесса. О «*глубоких ранах*», нанесенных нерадивыми императорами, писал Гиббон [7, с. 533]. Империю в разное время сравнивали то с человеком, подвергшимся внезапному и преступному нападению, то с жертвой, на которую подобно голодным волкам набросились варвары, как только представилась удобная возможность.

Еще один вариант – падение как осознанное действие, как акт суицида. Я.А. Рубан утверждал, что «...погибель Рима есть самоубийство, а варвары только орудие, которым себя римляне умертвили» [12, с. 135].

Нельзя обойти стороной и целый ряд менее распространенных, но более оригинальных или просто интересных высказываний. Здесь и мнение В. Вегнера о том, что «Взятие Рима Аларихом привело к тому, что самый мир <...> был *вышиблен из колеи*» [17, с. 502]; или его же тирада о застойном Риме – так *гниет вода, лишённая движения*, хотя и пленяет поверхностного наблюдателя злокачественной тишиной [18, с. 398], или позиция Ю. Вольфа, согласно которой «нападением переселяющихся народов Римская империя была *разбита вдребезги*» [19, S. 273].

Ф. Ницше идет дальше и сравнивает великое дело римлян, да и саму империю с «*обильной*» и «*совершенной*» *жатвой*. Эта жатва была «отравлена за ночь» [20, с. 177] христианством, которое действовало разлагая, отравляя, угнетая, высасывая кровь.

А. Допш доказывает, что завоевание германцами провинций империи и образование ими государств было «*переименованием фирмы*, старое название которой уже давно не обозначало действительных руководителей» [21, S. 331]. Надо заметить, что тема «смена вывески» вообще типичная для обозначения «исторических переходов», если мы имеем дело с фактурой древнеримского материала. «Сменой вывески» был и переход от республиканского к имперскому типу госустройства и представляется более подходящим для указанного образного сравнения.

Жак Ле Гофф выдает образ наиболее драматичный, заявляя, что повсеместный упадок (от демографии до вкуса и нравов) привел к тому, что кровавая тень длинного меча – оружия завоевателей – надолго нависла над Западным миром. «Такова была *страшная прелюдия* к истории средневекового Запада» [22, с. 27]. К тому же «*под занавес*» на империю обрушились остготы [22, с. 30]. Надо признать, автор последователен, не склонен к смешению жанров и ситуаций: драма, театр, сцена... Занавес.

Дж. М. Робертс приводит совершенно уникальное сравнение: «Эта государственная структура, рухнувшая наконец под сокрушительными ударами, напоминала Чеширского кота. Она находилась в процессе постоянного увядания...» [23, с. 156]. Но можно ли отождествить «вечное увядание» Империи и свойство «постоянного исчезновения» обозначенного персонажа?

Чеширский кот, воплощая Римскую империю, символизирует исчезновение, после которого остается лишь вечная «улыбка». Но следует помнить, что типичный образ Чеширского кота ввиду острого диссонанса чрезмерно широкой острозубой улыбки и хитроватых глаз порождает чувство неискренности и даже настороженности у смотрящего на него.

Чеширский кот, как известно, обладал способностью быстрого появления и неожиданного исчезновения. Возможно, автор и читатели, которым симпатизирует данный образ, убеждены в том, что Римская империя прекратила свое существование внезапно... Или речь идет о том, что образ Римской империи и до сих пор не утратил своей способности возникать снова и снова в основном в качестве грозных предостережений. Фантом *Imperium Romanum* внезапно возникает в нашем сознании, рефлексии по поводу событий современности; подобно «Чеширскому коту» он исчезает хоть и неожиданно, но всегда в нужный момент, заставляя нас усомниться в своих догмах...

Таким образом, метафорические образы падения Рима актуальны, притягательны и для авторов, и для потенциальных реципиентов их научных усилий. Эти образы интригуют, намекая на возможность постижения не только прямого, но и скрытого смысла, а это в наше время гораздо привлекательнее. Образ «падающего Рима» – это всегда приглашение читателя к сотворчеству, ибо о смыслах, вкладываемых в образ, не спорят.

Образные сравнения вливаются в контекст историописания с разной степенью органичности и с разной частотой – ведь существуют авторы, что называется, одного образа, а есть историки, щедро пересыпающие метафорами собственные сентенции по столь важному вопросу. Плеяда образов «падающего Рима» разномастна, в ней есть настоящие старожилы, несущие неизменный смысл сквозь века, такие как «здание», «корабль», «организм» (и отчасти «механизм»); другие образные сравнения лишь однажды вспыхивают, не оставляя после себя никакого «постэффекта». Приживутся ли сравнения Римской империи с хорошо отлаженной системой, имеющей «защиту

от дурака», с цивилизацией, которая постоянно пыталась себя «перезагрузить» посредством провозглашения «Золотого века»; в конце концов – с акулой (напомним, и этот хищный вид, подобно империи, никогда не должен останавливаться – иначе гибель), покажет время.

В любом случае образные сравнения в исторических нарративах по проблеме не следует воспринимать лишь как панацею от монотонности изложения и тривиальности сюжетов. Они нагружены прямым, явным и массой косвенных смыслов, оставляют за реципиентом возможность широких и смелых трактовок. В итоге в осмыслении того или иного метафорического образа оказывается важен не только контекст его применения, но и смысловой подтекст, и он может различаться у автора и реципиента. Рим, предстающий в том или ином образном сравнении, сегодня, как и много веков назад, становится верным средством преодоления невосприимчивости читателя к очевидным доводам рационального порядка. Яркая и умело подобранная метафора всегда находится на изломе авторского замысла, реакции психики и реакции общества – ведь раздумья о судьбе Рима это совершенно особый процесс «ретравматизации»...

Список источников

1. *Mazzarino S.* La fine del mondo antico. Milano: Garzanti, 1959. 211 p.
2. *Волошин М.* Собр. соч. Т. 1 : Стихотворения и поэмы 1899–1926 гг. / сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак 2000, 2003. 608 с.
3. *Demandt A.* Der Fall Roms: die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. Munich: C. H. Beck, 1984. 694 S.
4. *Бемон Ш., Моно Г.* История Европы в средние века (395–1270) / пер. с нового фр. изд. окончивших Высш. жен. курсы В.Э. Валленбургер и А.И. Хоментовской; под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. Петроград: Об-во вспоможения окончившим курс наук на Петрогр. высш. жен. курсах, 1915. 440 с.
5. *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству / пер. В.А. Флёровой // Соч. : в 2 т. / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. С. 631–692.
6. *Courcelle P.* Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris: Études augustiniennes, 1964. 436 p.
7. *Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи / пер. с англ. В. Н. Неведомского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 704 с.
8. *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи: закат и падение Римской империи : в 7 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. Т. 4. 624 с.
9. *Aschbach J.* Geschichte der Westgoten. Frankfurt am Main: Bronner, 1827. 365 S.
10. *Беккер К.Ф.* История Древнего мира. Древний Рим. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 444 с.
11. *Гартман Л.М.* Падение античного мира. Шесть общедоступных лекций / пер. с нем. Л.Е. Гальперина. М.: Польза В. Антик и К°, 1913. 145 с.
12. *Рубан Я. А.* Разсуждение историческое о возмутительном и насильственном переселении в средних веках варварских северных народов в провинции Римской империи, пришедшей тогда в безсилie, и напоследок ими до основания разоренной; С присовокуплением перемен, возпоследовавших отсюда в народном духе, в нравах, в религии, в науках, в торговле и в образе правления, Сочиненное Императорскаго Московскаго университета студентом Яковом Рубаном. Для получения достоинства магистра философии и свободных наук. М.: Унив. тип., у А. Светушкина, 1789. 198 с.
13. *Буассье Г.* Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV веке / пер. с фр. под ред. и с предисл. М.С. Корелина. Изд-е К.Т. Солдатенкова. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892. 584 с.
14. *Ньютон И.* Толкования на пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна Богослова / пер. с англ., вступ. ст., коммент., дополн., послесл. В. Рохмирова. СПб.: Пальмира; Москва: Книга по требованию, 2018. 430 с.
15. *Lot F.* La fin du monde antique et le début du Moyen age. Paris: La Renaissance du livre, 1927. 513 p.
16. *Seyfarth W.* Römische Geschichte: Kaiserzeit. Bd. II. Berlin: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975. 582 S.
17. *Вегнер В.* Рим: История и культура рим. народа для любителей классич. древности и для самообразования // Соч. д-ра Вильгельма Вегнера; под ред. [и с предисл.] проф. В.И. Модестова. 4-е изд. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1912. Т. 2. 535 с.
18. *Вегнер В.* Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Минск: Харвест, 2002. Т. 2. 448 с.
19. *Wolf J.* Römische Geschichte. Zweite Hälfte: Die römische Kaiserzeit. (Geschichte der führenden Völker, Band vii.). Freiburg i. B.: Herder & Co., 1932. 286 S.

20. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству / пер. А.В. Михайлова // Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 6 : Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др.; науч. ред. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2009. С. 108–183.

21. Dopsch A. Wirtschaftliche und sociale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung: aus der zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen. Teil I. Wien: L. W. Seidel, 1923. 418 S.

22. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

23. Робертс Дж.М. Иллюстрированная история мира : в 10 т. Т. 3 : Рим и классический Запад / пер. с англ. А. Богомяковой, Ю. Лисовского. М.: БММ АО, 1999. 192 с.

References

1. Mazzarino S. *La fine del mondo antico*. Milano: Garzanti Publ.; 1959. 211 p.
2. Voloshin M. *Collected works. Vol. 1: Poems and poems 1899-1926*. Comp. and prepare. text by V.P. Kupchenko, A. V. Lavrova; Comment. V.P. Kupchenko. Moscow: Ellis Luk 2000 Publ.; 2003. 608 p. (In Russ.).
3. Demandt A. *Der Fall Roms: die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt*. Munich: C.H. Beck Publ.; 1984. 694 p.
4. Bemon Sh., Mono G. *History of Europe in the Middle Ages (395-1270)*. Tr. from the new French by V.E. Wallenburger and A.I. Khomentovskaya, ed. by O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya. Petrograd: Society of Remembrance for graduates of the course of Sciences at the Petrograd Higher Women 's Courses Press; 1915. 440 p. (In Russ.).
5. Nietzsche F. *Antichrist. Curse of Christianity*. Tr. by V.A. Flerova. *Works*: in 2 vols. Trans.; comp., ed. and ed. note K.A. Svasyan. Moscow: Mysl' Publ.; 1990:631-692. (In Russ.).
6. Courcelle P. *Histoire littéraire des grandes invasions germaniques*. Paris: Études augustinienes Publ.; 1964. 436 p.
7. Gibbon E. *The history of the decline and collapse of the Roman Empire*. Tr. from English by V. N. Nevedomsky. Moscow: OLMA-PRESS Publ.; 2001. 704 p. (In Russ.).
8. Gibbon E. *The history of the decline and destruction of the Great Roman Empire: The decline and fall of the Roman Empire*: in 7 vols. Moscow: Terra-Book Club Publ.; 2008;4. 624 p. (In Russ.).
9. Aschbach J. *Geschichte der Westgoten*. Frankfurt am Main: Bronner Publ.; 1827. 365 S.
10. Becker K.F. *Ancient world history. Ancient Rome*. Moscow: OLMA-PRESS Publ.; 2001. 444 p. (In Russ.).
11. Gartman L.M. *Fall of the ancient world. Six public lectures*. Tr. by German L.E. Galperin. Moscow: Pol'za V. Antik and Co. Publ.; 1913. 145 p. (In Russ.).
12. Ruban Ya. A. *Historical discourse on the outrageous and forced resettlement in the Middle Ages of the barbarian northern peoples in the province of the Roman Empire, which then came to powerlessness, and finally ruined by them to the ground; With the addition of changes that followed from there in the national spirit, in customs, in religion, in the sciences, in trade and in the form of government*. Composed by the Imperial Moscow University student Yakov Ruban. To obtain the dignity of a Master of Philosophy and Liberal Sciences. Moscow: University Printing House, A. Svetushkin; 1789. 198 p. (In Russ.).
13. Boissier G. *The fall of paganism. A Study of the Last Religious Struggle in the West in the 4th Century*. Tr. from French, ed. and preface by M.S. Korelin. Moscow: Printing House of E. Lissner and Yu. Roman; 1892. 584 p. (In Russ.).
14. Newton I. *Interpretations on the prophecies of Daniel and the Apocalypse of John the Theologian*. Tr. from English, intr. art., comment., suppl., afterw. by V. Rokhmistrov. St. Petersburg: Pal'mira Publ.; Moscow: Kniga po trebovaniyu Publ.; 2018. 430 p. (In Russ.).
15. Lot F. *La fin du monde antique et le début du Moyen age*. Paris: La Renaissance du livre Publ.; 1927. 513 p.
16. Seyfarth W. *Römische Geschichte: Kaiserzeit*. Bd. II. Berlin: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ.; 1975. 582 S.
17. Wegner W. *Rome: History and culture of Rome. people for lovers of classic. antiquity and for self-education. Works by Dr. Wilhelm Wegner*; ed. by V. I. Modestov. 4th ed. St. Petersburg; Moscow: Partnership of M.O. Wolf Press; 1912;2. 535 p. (In Russ.).
18. Wegner W. *Rome: The beginning, spread and fall of the Roman World Empire*. Minsk: Harvest Publ.; 2002;2. 448 p. (In Russ.).
19. Wolf J. *Römische Geschichte. Zweite Hälfte: Die römische Kaiserzeit*. (Geschichte der führenden Völker, Band vii.). Freiburg: Herder & Co. Publ.; 1932. 286 S.
20. Nietzsche F. *Antichrist. The curse of Christianity*. Tr. by A.V. Mikhailov. *Complete works*: in 13 vols. Vol. 6: *Twilight of idols. Antichrist. Esce homo. Dionysian praises. Nietzsche contra Wagner*. Tr. by Yu. M. Antonovsky, Ya.E. Golosovker et al.; scientific ed. I.A. Ebanoidze. Moscow: Kul'turnaya revolutsiya Publ.; 2009:108-183. (In Russ.).

21. Dopsch A. *Wirtschaftliche und sociale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung: aus der zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen*. Teil I. Wien: L. W. Seidel Publ.; 1923. 418 S.

22. Le Goff J. *Civilization of the Medieval West*. Tr. from French by ed. V.A. Babintsev; afterw. by A. Ya. Gurevich. Yekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; 2005. 560 p. (In Russ.).

23. Roberts J. M. *An Illustrated History of the World: in 10 vols. Vol. 3: Rome and the Classical West*. Tr. from English by A. Bogomyakova, Y. Lisovsky. Moscow: BMM AO Publ.; 1999. 192 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.А. Волошин – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории.

Information about the author

D.A. Voloschin – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of General and National History.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-43-48

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА ПО КРЕДИТОВАНИЮ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Константин Александрович Горбик

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
gorbik.konstantin@mail.ru

Аннотация. Неудачи в Крымской войне, кризисное состояние основных отраслей народного хозяйства и невысокие темпы экономических показателей могли лишить Россию статуса одной из европейских держав. Реформирование кредитно-финансовой системы являлось одним из факторов преодоления военно-технического и технологического отставания Российской империи от передовых стран в Европе. Модернизация отечественной экономики включала учреждение Государственного банка, который осуществлял поддержку торгово-промышленных кругов через производство учётно-ссудных операций. В Области войска Донского деятельность Ростовской конторы Государственного банка была направлена на кредитование местного населения. Экономическая конъюнктура Донского региона характеризовалась кредитно-финансовым обеспечением прежде всего сельского хозяйства и угольной промышленности.

Рассматривается коммерческая ссудная операция под уголь. Анализируются влияние Государственного банка на формирование кредитования угледобытчиков в пореформенный период, а также основные правительственные меры по организации кредитования шахтовладельцев в регионах добычи и потребления угля, в том числе и в Области войска Донского. Исследуются вопросы по учреждению угольных складов Государственным банком в пореформенный период и ссуды под антрацит и каменный уголь. Приводятся некоторые сведения о состоянии донской угольной отрасли перед Первой мировой войной.

Ключевые слова: Российская империя, Область войска Донского, Государственный банк, Ростовская контора, подтоварные ссуды, угольные складские помещения, минеральное топливо, антрацит, каменный уголь

Для цитирования: Горбик К.А. Основные мероприятия Государственного банка по кредитованию угольной промышленности Области войска Донского // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 43–48.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE MAIN ACTIVITIES OF THE STATE BANK ON LENDING TO THE COAL INDUSTRY OF THE PROVINCE OF THE DON COSSACK HOST

Konstantin A. Gorbik

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, gorbik.konstantin@mail.ru

Abstract. The failures in the Crimean War, the crisis state of the main sectors of the national economy and the low rates of economic indicators could deprive Russia of the status of one of the European powers. Reforming the credit and financial system was one of the factors in overcoming the military-technical and technological lag of the Russian Empire from the advanced countries in Europe. The modernization of the domestic economy included the establishment of the State Bank, which supported the commercial and industrial circles through the production of accounting and loan operations. In the Province of the Don Cossack Host, the activities of the Rostov office of the State Bank were aimed at lending to the local population. The economic situation in the Don region was characterized by credit and financial support primarily for agriculture and the coal industry. The article deals with the commercial loan operation for coal. The influence of the State Bank on the formation

---

© Горбик К.А., 2022

of lending to coal miners in the post-reform period is analyzed. The author takes into account the main government measures to organize lending to mine owners in the regions of coal production and consumption, including in the Province of the Don Cossack Host. The questions on the establishment of coal warehouses by the State Bank in the post-reform period are investigated. Anthracite and coal loans are analyzed. Some information about the state of the Don coal industry before the First World War is given.

Keywords: Russian Empire, Province of the Don Cossack Host, State Bank, Rostov office, sub-commodity loans, coal warehouses, mineral fuel, anthracite, coal

For citation: Gorbik K.A. The Main Activities of the State Bank on Lending to the Coal Industry of the Province of the Don Cossack Host. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(4):43-48. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Сложная экономическая ситуация в Российской империи после внешнеполитических и дипломатических поражений в Крымской войне требовала от её руководства скорейших решений по модернизации кредитно-финансовой системы, направленной на становление и развитие товарно-денежных связей. Помимо этого, капиталистические отношения были системообразующими элементами экономического режима, характерного для передовых европейских держав. Основой новых финансовых связей между торгово-промышленной средой и правительством стал Государственный банк.

Александр II учредил Государственный банк перед проведением Великих реформ, обращённых на усовершенствование хозяйственного уклада Российской империи. основополагающей теорией банковских отношений являлась идея о всеобъемлющей роли кредита в экономической структуре страны. Поэтому в пореформенный период это банковское учреждение пыталось усовершенствовать отечественную кредитно-финансовую систему, которая уже не отвечала формирующимся новым общественным явлениям [1, с. 160–161].

Государственный банк являлся центральным кредитно-финансовым учреждением в Российской империи с 1860-х гг. Эта банковская организация вместе со своими подразделениями осуществляла кредитные коммерческие операции. Она специализировалась на открытии торгово-промышленных кредитов в России. Государственный банк также являлся и акционером разных предприятий во многих губерниях Российской империи [2, с. 60].

Как и многие западноевропейские банковские заведения, главный банк империи контролировал обращение денежной массы в стране [3, с. 12].

Кредитование той или иной отрасли народного хозяйства обуславливалось экономической конъюнктурой конкретного региона России. Так, многие города Области войска Донского являлись важными торгово-промышленными центрами юга Российской империи. Например, из центральных областей ввозились в Ростов-на-Дону крупа, овёс, пшеница и другие сельскохозяйственные продукты. Рис, хлопок, льняное семя привозили на Донскую землю из Кавказского региона. Донские жители покупали хлебные изделия из Воронежской и Саратовской губерний [4, с. 75]. Собственный выращенный донской хлеб являлся предметом торговли на внутреннем и внешнем рынках. Например, в начале XX в. в ростовский порт прибывала пшеница по Юго-Восточной, Екатеринбургской и Владикавказской железным дорогам. А оттуда хлеб экспортировали в Германию, Италию и другие европейские страны [5, с. 235].

В южных административно-территориальных единицах Российской империи функционировало Донское общество вывозной торговли, специализировавшееся на перевозке и продаже сельскохозяйственных товаров. Также работали торговые дома, скупавшие пшеницу у местных обывателей, а затем сбывавшие её в экспортные фирмы, а те в свою очередь – в Европу.

Донские предприниматели и промышленники нуждались в дополнительных финансовых источниках для покупки оборудования и других технологий для расширения торговых оборотов. Подобные вопросы могли решить разные кредитно-финансовые структуры, в том числе и Ростовское подразделение Государственного банка.

В пореформенный период в основном деятельность Ростовской конторы Государственного банка характеризовалась производством коммерческих ссудных операций под залог золота и государственных бумаг [6, л. 10 об., 11]. Вексель являлся одновременно расчётной единицей в торгово-промышленной среде и предметом учёта в отечественной банковской системе [7, с. 160–161]. С целью увеличения масштабов торговли и улучшения состояния финансовой структуры этот банк производил операции по выдаче торгово-промышленных и иных коммерческих ссуд в довольно больших масштабах.

Одной из особенностей функционирования Ростовской конторы Государственного банка являлось то, что изначально в сферу её деятельности входило только кредитование торговцев. Затем она начала открывать кредиты и непосредственным производителям товаров (пшеница, ячмень, овечья шерсть, плуги, серпы). Кроме местных жителей в Ростовской конторе кредитовались и представители кубанской и ставропольской торгово-промышленной среды. Также эта банковская организация формировала основные капиталы ссудо-сберегательных и кредитных учреждений мелкого кредита.

Помимо отмеченных кредитных операций в сферу деятельности Государственного банка входила выдача ссуд под перевозившуюся на российских железных дорогах пшеницу. Выполнение такого рода функций банк осуществлял с 1888 г. [8, с. 26].

В последующие годы Ростовская контора при посреднической роли коммерческих банков занималась строительством элеваторных сооружений. Так, к началу Первой мировой войны функционировали 47 зернохранилищ [9, с. 147–148].

Позднее сфера его деятельности расширилась операциями по открытию кредита под залог минерального топлива.

На рубеже XIX – XX вв. одним из источников выработки тепла и энергии во многих отраслях экономики был уголь. Царское правительство вкладывало немало денежных средств в регионы страны по развитию угледобывающей промышленности, в том числе и в отрасли народного хозяйства Области войска Донского.

Первые правительственные мероприятия по стимулированию угледобычи относятся к началу 1880-х гг. [10, л. 4]. Так, министерство финансов и руководство главного отечественного банка решили строить складские помещения для размещения минерального топлива в городских центрах Области войска Донского. Стоит подчеркнуть, что государственные инициативы по этому вопросу объяснялись стремлением заменить дровяное отопление на угольное. В то же время российские чиновники отмечали, что цена на донецкий уголь весьма высока. При этом действовали и дорогие тарифы на его перемещение по железнодорожным магистралям. Возможность передислокации минерального топлива реализовывалась только при одновременной перевозке сельскохозяйственных продуктов.

В конце XIX в. многие угледобытчики испытывали трудности с подорожанием перевозки минерального топлива на склады железнодорожных станций из-за плохих природно-климатических условий. Поэтому министром государственных имуществ было принято решение о модернизации складских помещений для уменьшения цен на уголь и загруженности железных дорог. К тому же большинство угольных складов находились в неудовлетворительном состоянии, что также являлось причиной медленного перехода на угольное отопление [10, л. 6].

По этим причинам министры царского правительства заметно усилили участие Государственного банка и его филиалов в строительстве угольных складских помещений во многих торгово-промышленных центрах Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и других губерний Российской империи. В таких крупных городах Области войска Донского, как Ростов-на-Дону и Новочеркасск, угольное отопление вытеснило дровяное уже к концу XIX в. [10, л. 7].

Помимо отмеченных выше проблем существовали и иные трудности модернизации угледобывающей промышленности. Так, Донской учётный комитет Ростовской конторы Государственного банка обращал внимание на то, что кредитование указанной отрасли народного хозяйства может развиваться при условии должного количества железнодорожного транспорта для перевозки угля. Также, по мнению чиновников данного учреждения, в регионе присутствовало мало коммерсантов с большими капиталами для поиска и добычи полезных ископаемых и строительства шахт.

В целом властные структуры Области войска Донского рассматривали строительство новых железных дорог как важный фактор усиления кредитования донских промышленников. Так, существовали проекты соединения Донецкой дороги с Волго-Донской железнодорожной магистралью. В Поволжье уголь также рассматривался как альтернатива дровяного топлива [10, л. 10 об.].

Но положительный ответ на вопрос об операциях под залог минерального топлива был дан только в начале XX в. Совет Государственного банка позволил своим конторам и отделениям кредитовать угледобытчиков через выдачу ссуд под обеспечение антрацита или транспортных документов на него. Помимо прочего руководящие органы банка понимали, что плохая организация системы кредитования угольной промышленности может привести к избыточным и нереализованным запасам антрацитового топлива.

Анализируя циркуляр от 11 ноября 1910 г., можно констатировать расширение функционирования Ростовской конторы по оказанию финансовой помощи торгово-промышленной среде, которая регламентировалась следующими правилами:

- масса заложенного антрацита соответствовала объёмам добытого угля предприятия-залогодателя за один год;
- в качестве дополнительного обеспечения при выдаче ссуд под залог крупных и твёрдых сортов антрацита выступали соло-вексели заёмщиков;
- срок ссуд не превышал 6 месяцев;
- размер ссуд соответствовал 2/3 рыночной цены заложенного антрацита;
- проценты по этим ссудам, как при залоговых операциях под товары, взимались по 5,5 % в год.

Указанная ссудная операция действовала в течение апреля – сентября 1911 г. Ростовская контора Государственного банка выдала 2 ссуды под залог 721200 пудов антрацитного угля к концу ноября 1911 г. При этом срок данных кредитных операций неоднократно продлевался. Более того, подобными банковскими услугами заёмщики пользовались и во время Первой мировой войны [11, л. 15].

В 1912 г. добыча каменного угля осуществлялась на рудниках 36 акционерных компаний и составила 806 млн пудов. Из них на долю 25 приходилось около 70 % добычи всего минерального топлива Донецкого бассейна [12, с. 24].

Постоянные обращения донских предпринимателей в Министерство финансов Российской империи указывали на большое значение операций под обеспечение минерального топлива в Области войска Донского. Например, в начале XX в. местный углепромышленник Александр Петрович Куприянов ссылался на постоянные трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться при осуществлении своей профессиональной деятельности. Так, являясь собственником угольной шахты в Усть-Белокалитвинском районе, донской предпринимателей мог получить ссуду только в подразделениях Государственного банка Харьковской или Екатеринославской губерний. Несмотря на близкое расположение шахты к Ростовской конторе, данное структурное подразделение банка на тот момент подобные операции не осуществляло.

Кроме шахты А. П. Куприянова потенциальными клиентами Ростовской конторы Государственного банка могли стать Ольховско-Донецкое товарищество, акционерная компания Я.А. Васильева, Бугораевское акционерное общество, располагавшиеся на Восточно-Донецкой дороге Юго-Восточной железнодорожной магистрали. Отмеченные предприятия ежегодно пополняли запасы угля на несколько десятков миллионов пудов.

Также по мнению А.П. Куприянова, одной из выгод в кредитовании донской угольной промышленности являлась довольно развитая речная система. Открытие такой операции несомненно дало бы возможность добытчикам угля пережить период распутицы, используя водный путь как замену железнодорожных магистралей [11, л. 39 об.].

Поэтому в конце 1915 г. на основании решений отдела местных учреждений Государственного банка предприниматели и угледобытчики могли получать ссуды под залог каменного угля. Но в связи со сложностью организации движения на российских железных дорогах подобная практика кредитования носила непродолжительный характер. При этом основными получателями данной ссуды были только кредитоспособные клиенты. Отличительными особенностями этой операции являлись следующие:

- ссуды покрывали 75 % рыночной стоимости заложенного угля;
- качество каменного угля оценивали непосредственно члены учётного комитета Ростовской конторы;
- в качестве дополнительного обеспечения ссуды принимались соло-вексели от заёмщиков;
- срок ссуд не превышал 3 месяцев без дальнейших отсрочек;
- при выдаче ссуды, превышавшей 75 тыс. р., залог передавался на ответственное хранение специальной артели;
- заложенный уголь находился в специально оборудованных штабелях не выше сажени;
- взимались ежегодно 6,5 % и др.
- решение о выдаче ссуды в 100 тыс. р. являлось прерогативой центрального управления Государственного банка и др. [11, л. 38–40].

Таким образом, опираясь на циркулярные распоряжения, решения и точки зрения центральных властных структур Российской империи и местных органов власти и представителей торгово-промышленных слоёв Донского региона, можно прийти к выводу, что производство банковских операций под обеспечение антрацита и каменного угля являлось одним из решающих факторов развития всей угольной промышленности Области войска Донского. Обратим внимание, что осуществлявшиеся мероприятия не ограничивались только кредитованием, но также включали строительство новых железных дорог и складских помещений под минеральное топливо. Меры по расширению деятельности Ростовской конторы Государственного банка были направлены не только для улучшения хозяйственного и имущественного положения местных торговцев и промышленников, но и в целом на модернизацию народного хозяйства Области войска Донского.

Список источников

1. Ламанский Е.И. Избр. соч. / сост. А.В. Бугров. М.: Новости, 2005. 240 с.
2. Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Якорь, 1904. 250 с.
3. Вознесенский Е.П. Операции коммерческих банков. СПб.: Изд. М.В. Кечеджи-Шаповалова: Кн. склад товарищества Улей, 1914. 192 с.
4. Ильин А.М. История города Ростова-на-Дону: очерк с рисунками в тексте. Ростов н/Д.: Пар. тип. С.Я. Авакова, 1909. 153 с.
5. Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в.: очерки из истории Юга России. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1962. 331 с.
6. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 117. Оп. 1. Д. 26.
7. Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 614 с.
8. Отчёт Государственного банка по операции выдачи ссуд под хлеб и другие земледельческие продукты за 1894 г. СПб.: Тип. А. Бенке, 1895. 100 с.
9. Китанина Т.М. Хлебная торговля в 1875–1914 гг.: очерки правительственной политики. Л.: Наука, 1978. 287 с.
10. ГАРО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 104.
11. ГАРО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 625.
12. Зив В.С. Государственное банкротство и иностранные капиталы. Пг.: Копейка, 1918. С. 32.

References

1. Lamansky E.I. *Selected works*. Comp. A.V. Bugrov. Moscow: Novosti Publ.; 2005. 240 p. (In Russ.).
2. Guryev A.N. *Essay on the development of credit institutions in Russia*. St. Petersburg: Yakor' Publ.; 1904. 250 p. (In Russ.).
3. Voznesensky E.P. *Operations of commercial banks*. St. Petersburg: Warehouse of the partnership Ulei, M.V. Kechedzi-Shapovalov Publ.; 1914. 192 p. (In Russ.).
4. Ilyin A.M. *History of the city of Rostov-on-Don: essay with drawings in the text*. Rostov-on-Don: Publishing House of S.Ya. Avakov Publ.; 1909. 153 p. (In Russ.).
5. Khlystov I.P. *Don in the epoch of capitalism. 60s - mid-90s of the 19th century essays from the history of the South of Russia*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1962. 331 p. (In Russ.).
6. *State Archives of Rostov Region (SARR)*. Fund 117. In. 1. File 26. (In Russ.).
7. Morozan V.V. *Business life in the south of Russia in the 19th - early 20th century*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 2014. 614 p. (In Russ.).

8. *Report of the State Bank on the operation of issuing loans for bread and other agricultural products for 1894*. St. Petersburg: Publishing House of A. Behnke; 1895. 100 p. (In Russ.).
9. Kitanina T. M. *Bread trade in 1875-1914: essays on government policy*. Leningrad: Nauka Publ.; 1978. 287 p. (In Russ.).
10. *SARR*. Fund 117. In. 1. File 104. (In Russ.).
11. *SARR*. Fund 117. In. 1. File 625. (In Russ.).
12. Ziv V.S. *State Bankruptcy and Foreign Capital*. Petrograd: Kopeika Publ.; 1918. 32 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К.А. Горбик – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Отечества.

Information about the author

K.A. Gorbik – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Philosophy and National History.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022; одобрена после рецензирования 16.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 13.11.2022; approved after reviewing 16.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94(460) “1936”
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-49-58

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛИТИКИ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В ИСПАНИИ В 1936 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ФОРИН ОФФИС)

Александр Гаврилович Иванов

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, ivanov@kubsu.ru

Аннотация. Анализируется происхождение политики невмешательства в гражданскую войну в Испании в 1936 г. Архивные материалы фонда Форин оффис (Национальный архив, г. Лондон) позволяют заметно расширить представления о генезисе и характере данной политики, аргументировать версию о Великобритании как инициаторе невмешательства. На это повлияли многие факторы: интересы британских монополий, стратегические факторы и политические соображения, такие как антикоммунизм элиты британского общества, ее симпатии к мятежникам Франко, стремление официального Лондона не допустить усиления левых элементов в соседней с Испанией Франции. Невмешательство обернулось против Испанской республики, позволило Германии и Италии под его прикрытием осуществлять массированную интервенцию на стороне мятежников, что обеспечило победу Франко в гражданской войне. На основе ранее неизвестных архивных документов Форин оффис дается анализ сложной дипломатической борьбы держав в начале гражданской войны в Испании.

Ключевые слова: война, Испания, западные державы, политика невмешательства, армия, мятеж, интервенция

Для цитирования: Иванов А.Г. К вопросу о происхождении политики невмешательства в Испании в 1936 году (по материалам архива Форин оффис) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 49–58.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TO THE QUESTION OF ORIGIN OF THE POLICY OF NON-INTERVENTION IN SPAIN IN 1936 (ON MATERIALS OF THE FOREIGN OFFICE'S ARCHIVES)

Alexander G. Ivanov

Kuban State University, Krasnodar, Russia, ivanov@kubsu.ru

Abstract. The article presents an analysis of the origin of the policy of non-intervention in the civil war in Spain in 1936. The archival materials of the Foreign Office's fund (National Archives, London) make it possible to widen greatly our knowledge about genesis and character of that policy, to argue the version about Great Britain as an initiator of non-intervention. Many factors influenced this process: interests of British monopolies, strategic and political considerations, such as anti-Communism of the elite of British society, their sympathy towards the rebels of Franco, wish of official London to make it possible for the left parties in France, neighbouring to Spain, not to acquire stronger positions. Non-intervention turned against the Spanish Republic, made it easier for Germany and Italy under cover of it to carry massive intervention on side of the rebels which ensured Franco's victory in the civil war. On the basis of unknown documents of the Foreign Office the author gives an analysis of complicated diplomatic struggle of the Powers in the beginning of the civil war in Spain.

Keywords: war, Spain, Western powers, policy of non-intervention, army, revolt, intervention

For citation: Ivanov A.G. To the Question of Origin of the Policy of Non-Intervention in Spain in 1936 (On Materials of the Foreign Office's Archives). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):49-58. (In Russ.).

© Иванов А.Г., 2022

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Предыстория Второй мировой войны насыщена кризисами и конфликтами, и одним из них была гражданская война в Испании в 1936–1939 гг. 17 июля 1936 г. армия подняла мятеж против законного республиканского правительства и ввергла Испанию в один из самых кровопролитных вооруженных конфликтов в истории [1, 2]. Гражданская война практически с самого начала сопровождалась интервенцией Италии и Германии на стороне Ф. Франко. Западные державы – Великобритания и Франция – оказались перед сложной дилеммой: помогать какой-либо из воюющих сторон или придерживаться нейтралитета. Они предпочли политику невмешательства, которая обернулась против республиканского правительства. Эта тема получила освещение в исторической литературе [3–7], хотя документы из фонда Форин оффис Национального архива в Лондоне позволяют заметно расширить наши представления о генезисе и характере политики невмешательства.

Мятеж армии против законного республиканского правительства Испании не был неожиданным для западных держав. После победы Народного фронта на выборах в кортесы 16 февраля 1936 г. Испания пребывала в глубоком экономическом кризисе, вызванном в том числе саботажем мероприятий правительства предпринимателями и латифундистами. Правые, как и все противники Республики, пустили в ход и активно пропагандировали легенду о коммунистическом заговоре и угрозе коммунизма в Испании. Так, 7 февраля 1936 г., т.е. накануне выборов в кортесы, из Рима пришло сообщение в Лондон от английского посла Э. Друммонда о беседе с бывшим королем Испании Альфонсо XIII, свергнутым в ходе революции в 1931 г. и проживавшим в эмиграции в Италии, который высказал опасение, что в любом случае неизбежно коммунистическое восстание и переворот независимо от итогов выборов [8, p. 26].

В Лондоне были осведомлены о том, что армия готова на все, чтобы подавить левые силы в Испании. Так, 22 апреля 1936 г. английский посол в Мадриде Г. Чилтон сообщил министру иностранных дел А. Идену о содержании беседы со своим другом, который был тесно связан с фашистами. На вопрос посла, кто же возглавит мятеж и кто будет диктатором, информатор ответил – либо Франко, либо Годед. Вывод Чилтона был однозначным: переворот состоится рано или поздно [9, p. 115–116]. Наконец, 3 июля 1936 г., т.е. за две недели до мятежа, из Мадрида в Лондон пришло сообщение о массовых стачках и беспорядках в Испании и о готовящемся государственном перевороте правых, который состоится либо в июле, либо в сентябре [10, p. 154–156].

Интересную картину положения в Испании представили на рассмотрение кабинета руководители Западного департамента Форин оффис в меморандуме от 23 июня 1936 г. Его суть свелась к следующему:

1. Победа левых на выборах в кортесы была неожиданной.
2. Положение в Испании после выборов постоянно ухудшается.
3. Правительство под давлением левых приняло ряд законов, реализация которых привела к забастовкам и локаутам и фактически парализовала значительную часть бизнеса.
4. Правительство либо боится, либо неспособно поддерживать порядок.
5. Признаков улучшения ситуации не наблюдается. Циркулируют различные слухи: о коммунистическом восстании, военном перевороте и фашистском путче. Фашизм приобрел множество сторонников как результат беспорядков и антиклерикальных эксцессов. Армия представляет из себя неопределенную величину, поскольку левые настроения весьма сильны среди рядовых военнослужащих и пока еще не появился сильный армейский лидер [10, p. 106–108]. Уже вскоре после начала мятежа руководитель мятежников генерал Х. Санхурхо погиб в авиакатастрофе при странных обстоятельствах, и антиреспубликанские силы возглавил Франко.

Что касается Франции, то она не проявляла особого интереса к событиям в Испании, поглощенная собственными проблемами после победы Народного фронта на выборах в мае 1936 г. Премьер-министр и лидер французской социалистической партии Л. Блюм провозгласил политику невмешательства в Испании после визита в Лондон, где он и министр иностранных дел

Франции И. Дельбос встретились (негласно) с премьер-министром Великобритании С. Болдуином и министром иностранных дел А. Иденом. По мнению французской журналистки Ж. Табуи, известной своими скандальными разоблачениями, Болдуин предложил Блюму выступить с инициативой невмешательства в вооруженный конфликт в Испании [11, с. 335]. Их встреча состоялась 23 июля 1936 г., а два дня спустя во время дебатов в палате общин британского парламента Иден, ничтоже сумняшеся, отрицал связь с французским правительством в отношении Испании [12, р. 183]. Как же обстояло дело в действительности?

В силу ряда причин и обстоятельств Франция все больше попадала в стратегическую зависимость от Великобритании. Угроза со стороны Германии для Франции становилась все более ощутимой после введения Гитлером всеобщей воинской повинности и военной авиации в марте 1935 г. и ремилитаризации нацистами Рейнской области год спустя; отношения с Италией обострились после итало-эфиопской войны 1935–1936 гг.; позиции Франции на востоке Европы, в том числе в странах Малой Антанты, размывались под натиском Германии, которая осуществляла экономическую экспансию в регионе. Французское правительство рассчитывало на поддержку Великобритании, в том числе гарантию военной помощи Франции в случае необходимости. Однако такая гарантия не приветствовалась в Лондоне, так как затрудняла свободу маневра. Великобритания предпочитала играть на противоречиях держав, пытаясь посредством политики умиротворения обеспечить мир и безопасность на западе. Ни к чему хорошему это не привело.

Немаловажным обстоятельством, подтолкнувшим Блюма к поездке в Лондон, явился раскол его кабинета на сторонников и противников оказания помощи правительству Испании, и в этой ситуации для него чрезвычайно важным было выяснение позиции Великобритании.

27 июля временный поверенный в делах Великобритании в Италии Э. Ингрэм сообщил в Форин оффис, что заседание кабинета Блюма, на котором обсуждались события в Испании, прошло очень бурно и что в нем принял участие президент Франции А. Лебрен, который и обеспечил принятие окончательного решения не оказывать помощи испанскому правительству [12, р. 146].

Что касается Германии и Италии, то Гитлер и Муссолини практически сразу поддержали мятежников, и уже вскоре итало-германская интервенция приобрела широкомасштабный характер.

Причины интервенции Италии и Германии в Испании проистекали из тех задач, которые диктаторы ставили при планировании и реализации своей агрессивной политики. Муссолини рассчитывал создать в Средиземноморье второе фашистское государство и бросить вызов англичанам на море, а французам – в Северной Африке. Гитлер, в свою очередь, полагал, что фашистская Испания будет угрожать французскому тылу и британским морским путям к Суэцкому каналу. Испания также рассматривалась как полигон, где отрабатывались принципы военной доктрины, в частности методы ведения тотальной войны [2, с. 227, 230].

2 августа 1936 г. правительство Л. Блюма обратилось к другим державам с призывом придерживаться принципа невмешательства в испанские дела. Это решение, подсказанное англичанами, далось Блюму нелегко, хотя для него нет никакого оправдания.

Ряд документов из фонда Форин оффис подтверждает версию о решающей роли и влиянии Великобритании в выработке курса на невмешательство в Испании. Так, англичане первыми были осведомлены о решении правительства Л. Блюма. 1 августа ведущий сотрудник Форин оффис Дж. Маунзи был проинформирован об этом временным поверенным в делах Франции в Великобритании Камбоном. Тот заявил, что несмотря на трудности, связанные с составом кабинета Блюма, единственным решением было воздержаться от поставок вооружения и снаряжения в Испанию. Далее он отметил, что французское правительство рассматривает вопрос о возможности созыва международной конференции с целью достижения соглашения о полном отказе от оказания военной помощи воюющим сторонам в Испании. Камбон также заявил (несомненно, по поручению МИД Франции), что необходимо достижение всеобщего соглашения о невмешательстве, и он сделал запрос относительно мнения английского правительства [13, р. 161].

А. Идена проинформировали об этой беседе, и 4 августа было составлено письмо за его подписью Камбону, в котором выражалась озабоченность правительства Его Величества в связи с событиями в Испании и подчеркивалось, что оно будет приветствовать соглашение между державами о невмешательстве. Французам было предложено связаться с официальными представи-

телями Италии, Германии и Португалии с целью зондирования их позиции и подписания соглашения. В том случае, если согласие будет достигнуто, правительство Франции выступит с декларацией (о проведении политики невмешательства), а правительство Великобритании последует этому примеру [13, р. 23]. На следующий день Маунзи проинформировал Форин оффис, что французское посольство сообщило, что по получении нашего ответа вчера оно поручило своим представителям в Риме, Лиссабоне и Берлине связаться с правительствами Италии, Португалии и Германии с целью обеспечить взаимодействие по вопросу поставок вооружений в Испанию. Ответ Германии положительный. Нейрат (министр иностранных дел рейха) предложил подключить СССР к соглашению о невмешательстве. И далее: «Французское правительство считает необходимым, чтобы правительство Его Величества поддержало демарш (Франции. – *А.И.*) в Риме и особенно в Лиссабоне, поскольку считает, что наше (т.е. Великобритании. – *А.И.*) влияние сыграет решающую роль» [14, р. 82]. В тот же день, 5 августа, Форин оффис направил телеграммы в Лиссабон и Рим, заявив о своей полной поддержке французской инициативы, считая ее крайне важной. На следующий день от Э. Ингрэма из Рима поступило сообщение, что Италия выразила согласие присоединиться к предложению Франции о проведении политики невмешательства [14, р. 83, 194]. Сообщение из Лиссабона аналогичного содержания поступило в Форин оффис 7 августа 1936 г. [14, р. 194].

Приведем интересный сюжет, характеризующий зависимость Франции от Великобритании. 7 августа в Париже состоялась встреча английского посла Дж. Кларка с министром иностранных дел Франции И. Дельбосом. Министр заявил, что он был бы крайне признателен за поддержку правительством Его Величества предложения Франции в Берлине (о присоединении к невмешательству), поскольку он понимает, что мы (т.е. англичане) пользуемся большим влиянием, чем французское правительство.

Кларк спросил Дельбоса, уверен ли он, что правительство в Мадриде обладает реальной властью, а не является ширмой, под прикрытием которой действуют крайне экстремистские анархистские элементы, которые на самом деле всем заправляют? Дельбос ответил, что это возможно в Каталонии, но не в Мадриде, где соблюдаются закон и порядок. Кларк выразил надежду, что французское правительство воздержится от заключения сделок с Испанией и сделает для этого все возможное. В послании в Форин оффис английский посол предположил, что экстремисты в правительстве Франции оказывают возрастающее давление на Блюма и он уверен, что сказанное им Дельбосу может усилить позиции умеренных и трезво мыслящих элементов [15, р. 12–14].

И еще одно донесение из Парижа. Дельбос в беседе с Кларком 12 августа настаивал на скорейшем заключении соглашения о невмешательстве и выразил озабоченность позицией Берлина, откуда не поступило пока что ответа. Он был бы очень признателен правительству Его Величества, если бы оно ускорило получение ответа Германии. Кларк ответил ему, что Иден уже проинструктировал посла Его Величества в Берлине Э. Фиппса в этом смысле. Французский министр также подчеркнул срочность решения вопроса о соглашении о невмешательстве из-за внутреннего положения во Франции, где становится все труднее сдерживать давление тех, кто настаивает на оказании помощи республике [16, р. 215–216]. Что касается Германии, то для нее соглашение о невмешательстве представлялось камуфляжем для прикрытия интервенции и средством сдерживания Франции. Министр иностранных дел рейха К. фон Нейрат заявил постоянному заместителю А. Идена Р. Ванситарту (он находился в Берлине) 4 августа, что он прекрасно понимает, если Италия (очевидно, также и Германия) приступит к отправке оружия испанским правым (это, как известно, уже произошло), в выигрыше окажутся испанские левые, поскольку экспорт оружия от левых через Францию, а это наземный маршрут через Пиренеи, гораздо проще и эффективней, нежели другой для какой угодно страны через испанское Марокко [13, р. 229].

Итак, Великобритания поддержала политику невмешательства. Тем самым британские монополии стремились обеспечить неприкосновенность своих инвестиций в Испании. Франко, понимая важность позиции Лондона, подчеркнул в беседе с английским генеральным консулом в Туане Гейром 24 июля 1936 г., что он твердо намерен избегать осложнений с Великобританией [12, р. 69].

Но имелись еще и другие причины, влиявшие на то, что британский истеблишмент предпочитал франкистов республиканцам. Бивор в связи с этим пишет: «Идена (именно он в основном занимался Испанией, поскольку Болдуин болел и был занят другими делами. – *А.И.*) трудно было назвать беспристрастным наблюдателем. Некоторые источники сообщают о его словах французскому министру иностранных дел Дельбосу: “...для Англии предпочтительнее победа мятежников, а не республиканцев”. Он открыто восхищался Кальво Сотело (крайне правый монархист. – *А.И.*), провозгласившим себя фашистом и потом убитым республиканцами, возмущался казнями на республиканской территории и молчал о зверствах националистов» [2, с. 224].

Поддержка Лондоном политики невмешательства воодушевила Блюма и его сторонников. Как сообщил Дж. Кларк (донесение в Лондон от 5 августа 1936 г.), умеренно правые органы печати одобряют позицию Великобритании, которая рассматривается как знак солидарности с Францией. Но левая пресса не проявляет восторга [14, р. 35]. Уже в августе 1936 г. в Форин оффис обсуждался вопрос о возможности признания за Франко права воюющей стороны [16, р. 45–51]. Эту ситуацию в какой-то степени проясняет отчет Дж. Маунзи о встрече с Камбоном в Форин оффис от 4 августа. Французский временный поверенный заявил, что его правительство находится в большом затруднении в связи с активностью немцев и итальянцев в Испании. Франции необходима поддержка английского правительства по вопросу невмешательства в Испании, и ответ Лондона желательно отправить в Париж срочно, без задержки. Солидарность англичан с Блюмом необходима ему, чтобы противостоять тем элементам во Франции, кто намерен поддерживать испанское правительство. И последняя, весьма многозначительная фраза: «Возможно, что сейчас уже слишком поздно, чтобы сделать это» [14, р. 6].

В то же время провозглашенная западными державами политика невмешательства вызвала критику со стороны оппозиции. Лидеры лейбористской партии и Британского конгресса тред-юнионов А. Гринвуд и У. Ситрин на встрече с Иденом 19 августа обвинили правительство в том, что оно оказало нажим на Блюма. Министр иностранных дел отверг это обвинение и заявил, что акция Блюма была верная и смелая, учитывая обстановку во Франции. Он также заметил, что Англия проявила большую активность в Риме, Берлине и Лиссабоне. И все же лидеры оппозиции остались при своем мнении [17, р. 122–124].

И еще один документ из архива Форин оффис – памятная записка О. Сарджента от 12 августа 1936 г. Этот опытный дипломат и активный сторонник политики умиротворения полагал, что в испанском конфликте Великобритании следует оставаться нейтральной, ибо вмешательство чревато расколом Европы на противостоящие идеологические блоки. Он предложил не дожидаться исхода конфликта, а предпринять активные шаги по предупреждению оформления этих блоков. Что касается Италии и Германии, то главным побудительным стимулом к их сотрудничеству является не столько общий страх перед угрозой коммунизма, сколько чувство изолированности в Европе. Именно Великобритании надлежит покончить с этим чувством, прежде всего в Риме, где оно особенно остро и болезненно ощущается. Британский дипломат рекомендовал правительству нормализовать отношения с Германией и Италией, с тем чтобы они вышли из международной изоляции, в которой оказались после ремилитаризации Рейнской области и итало-эфиопской войны [17, р. 118–119]. С Сарджентом согласились А. Кадоган и Дж. Маунзи, которые подчеркнули, что необходимо помочь правительству Блюма, но осторожно, чтобы не произвести обратный эффект. Они полагали, что соглашение о невмешательстве непрочное и может лопнуть в любой момент, но альтернативы ему не усматривали. Что касается Италии, то ее необходимо вывести из изоляции и «продемонстрировать наше дружеское расположение к ней» [17, р. 119–121].

Немаловажным представляется и то, что Лондон неадекватно воспринимал политику испанского правительства Народного фронта. Так, англичане считали (записка Г. Сеймура А. Идену от 1 сентября 1936 г.), что коммунистическая Испания будет означать утрату всех инвестиций Великобритании [18, р. 96]. Учитывался и военно-стратегический аспект. Английские начальники штабов в докладе «Западное Средиземноморье: ситуация, возникшая в связи с гражданской войной в Испании» от 24 августа 1936 г. отметили, что с учетом интервенции Италии необходимо обеспечить интересы Англии в западном Средиземноморье, поскольку там расположен Гибрал-

тар и через этот район проходят английские торговые, морские и воздушные коммуникации. Рекомендации военных правительству свелись к тому, чтобы стремиться к заключению и строгому соблюдению всеобщего соглашения о невмешательстве в Испании с участием всех европейских держав. Если сделать это не удастся, необходимо оказывать нажим на Францию, чтобы она не давала повода для интервенции Италии. Поддержка Францией и Россией испанских левых может подтолкнуть Италию к оказанию помощи Франко [19, p. 239–240].

Эти рекомендации были взяты на вооружение правительством С. Болдуина. В сентябре 1936 г. создается комитет по невмешательству, он располагался в Лондоне и его возглавил англичанин лорд Плимут. Протокол заседания английского кабинета от 25 августа весьма красноречив. Иден: «Мы энергично поддержали Блюма в его инициативе, и наша поддержка в Риме, Берлине и Лиссабоне во многом содействовала успеху... недавно французский посол (Ш. Корбэн. – *А.И.*) предложил, чтобы комитет по невмешательству заседал в Лондоне, и он (Иден. – *А.И.*) согласился» [20, p. 168–169]. В комитет вошли 27 стран, включая Германию и Италию, все они были представлены послами в Великобритании. Но это несколько не мешало Гитлеру и Муссолини оказывать все более массивную помощь Франко, что в конечном счете сыграло решающую роль в победе мятежников и поражении республиканцев в 1939 г. Фашистские диктаторы использовали комитет по невмешательству как ширму для прикрытия интервенции, и примеров этому неисчислимо множество.

Архив Форин оффис содержит неопровержимые доказательства причастности Великобритании к происхождению политики невмешательства и нежелания правительства С. Болдуина помогать республиканцам. Так, 17 августа 1936 г. из английского посольства в Германии (от Б. Ньютона) пришло сообщение о его беседе с Г. Дикхоффом (позднее он был назначен послом в США). Ньютон всячески убеждал Дикхоффа, что Германия должна ускорить присоединение к политике невмешательства, мотивируя это, в частности, тем, что оттяжка грозит усилением коммунистов во Франции. Ссылаясь на мнение министра иностранных дел рейха К. фон Нейрата, английский дипломат сказал Дикхоффу, что интервенция в Испании будет больше благоприятствовать республике, так как через Францию гораздо легче и быстрее осуществлять поставки, поэтому Мадрид попытается не допустить политики невмешательства. А оттяжка со стороны Германии будет только на руку испанским республиканцам [21, p. 113–114]. В тот же день от Ингрэма из Рима пришло сообщение о беседе с итальянским министром иностранных дел Г. Чиано, в ходе которой британский дипломат настойчиво убеждал зятя Муссолини ускорить присоединение Италии к невмешательству [21, p. 128–130].

Легенда о коммунистическом заговоре была ничем иным, как «уткой», запущенной Франко и франкистами с целью оправдания мятежа и дезориентации общественности. Это подтверждают многие факты, в том числе и донесение Г. Чилтона из Мадрида от 14 августа. В нем английский посол изложил оценку ситуации в Испании руководителем дипломатической службы мятежников в Бургосе Х. де Янгуас Мессиа. Тот сделал упор на угрозу большевизма, которую удалось предотвратить. В задачу военных входит не реставрация монархии, а восстановление мира, процветания и безопасности Испании [21, p. 87]. 17 августа английский консул в Мадриде Дж. Огилви-Форбс передал в Лондон, что испанское правительство не обладает властью, а закон и порядок на самом деле отсутствуют. Анархисты, коммунисты и левые социалисты фактически контролируют положение. «Аристократы, правые и центристы подвергаются настоящему террору» [21, p. 110]. Разумеется, члены английского правительства не были настолько наивными, чтобы не понимать всей сложности событий на Пиренейском полуострове, но в силу многих причин и обстоятельств они симпатизировали мятежникам.

Перевес в силах мятежников над республиканцами, массивная помощь международной реакции сделали свое дело: франкисты сумели не только закрепиться на Пиренейском полуострове, но и одержать ряд важных побед. В начале октября 1936 г. в Форин оффис пришли к выводу о том, что шансы мадридского правительства на победу «весьма отдаленные» [22, p. 182].

Такого же мнения придерживались и в военном министерстве Великобритании. В меморандуме, представленном в Форин оффис 1 октября 1936 г., английские военные дали анализ ситуации на фронтах гражданской войны и позиции ведущих держав. Они пришли к выводу, что:

1. Мятежники постепенно берут верх.
2. Они имеют свободный доступ к поставкам из-за рубежа как вооружений, так и денежных средств.
3. Огромную роль в успехе мятежников играет тот фактор, что их авиация намного сильнее и лучше (чем у республиканцев) благодаря поставкам вооружений Италией и Германией.

Германия, Италия и Португалия совершенно точно на стороне мятежников, и нет никаких сомнений в том, что они, особенно две первые, осуществляют поставки оружия, военных материалов и самолетов, что позволяет мятежникам добиваться успеха.

Франция и Россия, на взгляд военных, – две главные державы, поддерживающие правительство. «Трудно сказать, какое количество военных материалов было поставлено, но почти наверняка меньше того, что мятежники получили из-за границы. Помощь России, вероятно, сводилась к предоставлению денежных средств и организации пропаганды в других странах. Видимо, единственное, что сделала Франция для испанского правительства, – ослабила контроль границы» [23, р. 177, 180]. Этот анализ в целом был верным, хотя гражданская война только начиналась и все еще было впереди.

Успехи мятежников Франко поставили перед Великобританией новые проблемы: началась разработка вариантов сближения с диктатором. Министр иностранных дел А. Иден и его постоянный заместитель Р. Ванситтарт в памятных записках от 13 и 15 октября выражали обеспокоенность, как бы не опоздать с признанием мятежников [22, р. 205–210]. Сотрудники Форин оффис (и не только там) считали Франко сторонником либеральной диктатуры [22, р. 188], чему немало способствовал он сам, изображая из себя «традиционалиста», т.е. защитника традиционных испанских ценностей (единая Испания, частная собственность, церковь). К тому же англичане испытывали серьезные опасения по поводу усиления левых элементов в соседней с Испанией Франции. Посол Дж. Кларк извещал А. Идена 8 сентября 1936 г., что существует угроза «советизации» Франции в ходе реализации программы Народного фронта. Он констатировал, что этой угрозе некому противостоять и выразил сожаление в связи с распадом «Огненных крестов» де ля Рока (главная организация французского фашизма), который «упустил подходящий момент» [6, с. 81]. Подобная оценка перспектив ситуации во Франции стимулировала британских консерваторов по выработке общей с правительством Блюма позиции в испанском вопросе.

Что касается признания Франко англичанами, то здесь имелись свои сложности. В Форин оффис мнения разделились. Одни считали (например, Дж. Маунзи, документ датирован 1 октября 1936 г.), что «политически целесообразно признать мятежников воюющей стороной незамедлительно... Наиболее безопасным было бы находиться в контакте и идти в ногу с Францией, Германией, Италией и Португалией в этом общем деле различных стадий признания» [22, р. 224–225]. Ванситтарт согласился с коллегой, отметив, что правительство должно исходить из масштабов успехов Франко и их последствий. Иден поддержал Ванситтарта и подчеркнул, что необходимо действовать согласованно с Францией и, если это возможно, США [22, р. 225].

Но были и такие, кто считал несколько иначе. Так, посол в Мадриде Г. Чилтон в письме Ванситтарту от 1 октября 1936 г. записал: «Нет сомнения в том, что Италия, Германия и Португалия и, возможно, страны Южной Америки, которые ненавидят коммунизм, уже вскоре признают правительство Франко, но я считаю, что правительству Его Величества спешить не стоит» [23, р. 213]. Но это по сути ничего не значит, поскольку, как отмечает Э. Бивор, «посол сэра Генри Чилтон был откровенным поклонником националистов» [2, с. 224].

Отношение США к гражданской войне и интервенции в Испании мало чем отличалось от политики Великобритании и Франции [24; 25, с. 228]. В основу действий администрации был положен Акт о нейтралитете от 31 августа 1935 г. о запрещении поставок оружия воюющим странам, но в нем не оговаривались случаи гражданских войн. В мае 1937 г. был принят новый закон о нейтралитете, которым разрешалась продажа оружия и военного снаряжения воюющим сторонам за наличный расчет и с доставкой на своих судах. Закон ударил по Испанской республике, которая не имела ни валюты (испанское золото было переправлено во Францию, а затем в СССР), ни необходимых судов и топлива. А мятежники на протяжении всей войны получали из США все необходимое.

Что касается позиции СССР, то она была не такой однозначной, как изображалось ранее [26, с. 53–56; 27, с. 318–324]. Значительная часть советской помощи республиканцам осуществлялась за наличный расчет. Первая партия советского оружия прибыла в Картахену 15 октября 1936 г.: 50 танков, 20 броневиков и 108 истребителей, что на какое-то время уравнесило силы на Мадридском фронте. О скорой победе мятежников уже не могло быть и речи [2, с. 159]. Но Сталин дозировал помощь, не желая быть втянутым в конфликт с враждебным, как он считал, капиталистическим миром.

В то же время советские граждане добровольно осуществляли сбор средств в фонд республиканцев, тысячи из них добивались отправки в Испанию на защиту республики. Но ни эта, ни прочая помощь Москвы Мадриду не шла в сравнение с широкомасштабной помощью Франко со стороны фашистских государств. Этот фактор оказал решающее воздействие на события в Испании. Э. Бивор, анализируя ситуацию применительно к началу гражданской войны, приходит к выводу: «Таким образом, война в Испании перестала быть только гражданской... К националистам хлынули иностранные советники, наблюдатели, технические специалисты и военные. За первый месяц восстания Франко получил 48 итальянских и 41 немецкий самолет. Республика получила всего 13 истребителей “Девуатин” и 6 бомбардировщиков “Потэ-54”. Это были старые, плохо вооруженные и даже разукомплектованные самолеты. Французское правительство не могло направлять летчиков, поэтому республике приходилось приглашать дорогостоящих добровольцев» [2, с. 235].

Итало-германская интервенция в Испании сблизил фашистские государства, способствовала образованию блока агрессоров. 25 октября 1936 г. был оформлен политический союз между Берлином и Римом.

Месяц спустя, 25 ноября, в Берлине был подписан Антикоминтерновский пакт Германии с Японией, направленный не только против СССР, но и против западных держав. В Лондоне не сомневались в этом: Р. Ванситтарт и руководитель Северного департамента Форин оффис Л. Кольер (памятные записки от 21 и 25 ноября 1936 г.) считали, что Антикоминтерновский пакт направлен не только и не столько против коммунизма, сколько используется как прикрытие для осуществления агрессивной захватнической политики Германии, Италии и Японии [28, р. 117, 119].

В начале 1937 г. положение Испанской республики осложнилось в связи с расширением итало-германской интервенции. Гитлер и Муссолини заметно увеличили объем помощи франкистам, отправляя в их распоряжение не только оружие и снаряжение, но также регулярные воинские части. Советский полпред в Великобритании И.М. Майский, ссылаясь на информацию, полученную от Ванситтарта (у них были достаточно доверительные отношения), сообщил в Москву такие цифры: на стороне Франко сражаются до 50 тыс. итальянцев и около 15 тыс. немцев [29, л. 6]. На фронтах гражданской войны сложилось примерное равновесие – Республика была уже не в состоянии победить, а Франко еще не мог одержать победу над республиканцами. Но это равновесие не могло быть долгим.

Гражданская война в Испании завершилась поражением Республики и победой мятежников Франко весной 1939 г. Трагедия испанского народа была и трагедией всех прогрессивных, демократических сил. К тому времени блок фашистских агрессоров заметно усилился, а Европа погрузилась в глубокий политический кризис и стояла на пороге Второй мировой войны.

Список источников

1. *Престон П.* Франко. Биография. М.: Центрполиграф, 1999. 702 с.
2. *Бивор Э.* Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 720 с.
3. *Белюсова З.С.* Франция и европейская безопасность 1929–1939. М.: Наука, 1976. 418 с.
4. *Стегарь С.А.* Дипломатия Франции перед Второй мировой войной. М.: Международные отношения, 1980. 278 с.
5. *Пожарская С.П.* Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун Второй мировой войны // Европа между миром и войной 1918–1939. М.: Наука, 1992. 224 с.

6. Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М.: Наука, 1993. 208 с.
7. Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов: международные аспекты // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 31–53.
8. Public Record Office (Национальный архив). FO 371/20520. (Далее – PRO).
9. PRO. FO 371/20521.
10. PRO. FO 371/20522.
11. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 467 с.
12. PRO. FO 371/20524.
13. PRO. FO 371/20526.
14. PRO. FO 371/20527.
15. PRO. FO 371/20528.
16. PRO. FO 371/20529.
17. PRO. FO 371/20534.
18. PRO. FO 371/20537.
19. PRO. FO 371/20535.
20. PRO. FO 371/20573.
21. PRO. FO 371/20532.
22. PRO. FO 371/20540.
23. PRO. FO 371/20541.
24. Пожарская С.П. Испания и США. Внешняя политика и общество 1936–1976. М.: Наука, 1982. 343 с.
25. Война и революция в Испании 1936–1939. М.: Прогресс, 1968. Т. I. 614 с.
26. История Второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1974. Т. 2. 476 с.
27. История внешней политики СССР 1917–1985. М.: Наука, 1986. Т. I. 534 с.
28. PRO. FO 371/20348.
29. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. I.

References

1. Preston P. *Franco. A Biography*. Moscow: Tsentrpoligraph Publ.; 1999. 702 p. (In Russ.).
2. Beevor A. *The Battle for Spain. The Spanish Civil War 1936-1939*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus Publ.; 2018. 720 p. (In Russ.).
3. Belousova Z.S. *France and European Security 1929-1939*. Moscow: Nauka Publ.; 1976. 418 p. (In Russ.).
4. Stegar' S.A. *The diplomacy of France before the Second World War*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1980. 278 p. (In Russ.).
5. Pozharskaya S.P. The Civil War in Spain in the context of international relations on the eve of the Second World War. *Europe between Peace and War 1918-1939*. Moscow: Nauka Publ.; 1992. 224 p. (In Russ.).
6. Ivanov A.G. *Aggressors and appeasers. Hitler, Mussolini and British diplomacy*. Moscow: Nauka Publ.; 1993. 208 p. (In Russ.).
7. Malay V.V. The Civil War in Spain 1936-1939: international aspects. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*. 2016;(3):31-53. (In Russ.).
8. *Public Record Office (National Archives) (PRO)*. FO 371/20520.
9. PRO. FO 371/20521.
10. PRO. FO 371/20522.
11. Tabui Zh. *20 years of diplomatic battle*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature; 1960. 467 p. (In Russ.).
12. PRO. FO 371/20524.
13. PRO. FO 371/20526.
14. PRO. FO 371/20527.
15. PRO. FO 371/20528.
16. PRO. FO 371/20529.
17. PRO. FO 371/20534.
18. PRO. FO 371/20537.

19. PRO. FO 371/20535.
20. PRO. FO 371/20573.
21. PRO. FO 371/20532.
22. PRO. FO 371/20540.
23. PRO. FO 371/20541.
24. Pozharskaya S.P. *Spain and the USA. Foreign Policy and Society 1936-1976*. Moscow: Nauka Publ.; 1982. 343 p. (In Russ.).
25. *War and Revolution in Spain 1936-1939*. Moscow: Progress Publ.; 1968; I. 614 p. (In Russ.).
26. *A history of the Second World War 1939-1945*. Moscow: Voenizdat Publ.; 1974; 2. 476 p. (In Russ.).
27. *A history of the foreign policy of the USSR 1917-1985*. Moscow: Nauka Publ.; 1986; I. 534 p. (In Russ.).
28. PRO. FO 371/20348.
29. *Archives of the Foreign Policy of the Russian Federation*. F. 082. In. 20. F. 86. F. I. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений.

Information about the author

A.G. Ivanov – Doctor of Science (History), Professor, Head of Department of General History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 06.06.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94(438).082
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-59-64

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ В. АНДЕРСА В СССР В 1941–1942 ГОДАХ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Максим Валерьевич Медведев

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, m1max@mail.ru

Аннотация. В начале Второй мировой войны на территории Советского Союза оказались сотни тысяч граждан Польши, большую часть из которых составляли военнослужащие и члены их семей, были и те, кто прибыл в качестве работников промышленной отрасли. Однако большинство поляков попали в северные и восточные регионы СССР принудительно. После начала Великой Отечественной войны по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании из пленных, ссыльных и заключенных польских граждан была сформирована армия во главе с генералом В. Андерсом. Польские вооруженные соединения, входившие в состав данной армии, находились на территории СССР с августа 1941 г. по август 1942 г. В дальнейшем они были выведены в Иран.

Анализируются вопросы советско-польских отношений, а также проблемы формирования, подготовки и эвакуации армии Андерса.

Ключевые слова: армия Андерса, Великая Отечественная война, СССР, Польша, Англия, США, Иран, договоренности

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405/>.

Для цитирования: Медведев М.В. История польской армии В. Андерса в СССР в 1941–1942 годах: особенности формирования и проблемы сотрудничества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 59–64.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE HISTORY OF THE POLISH ARMY OF V. ANDERS IN THE USSR IN 1941-1942: FEATURES OF FORMATION AND PROBLEMS OF COOPERATION

Maxim V. Medvedev

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
m1max@mail.ru

Abstract. At the beginning of World War II, hundreds of thousands of Polish citizens found themselves on the territory of the Soviet Union, most of whom were military personnel and their family members, and there were also those who arrived as industrial workers. However, most Poles were forced into the northern and eastern regions of the USSR. After the outbreak of the Great Patriotic War, by agreement between the Soviet government and the Polish government in exile, an army led by General V. Anders was formed from prisoners, exiles and imprisoned Polish citizens. Polish armed formations, which were part of this army, were on the territory of the USSR from August 1941 to August 1942. In the future, these compounds were withdrawn to Iran. In this article, the author analyzes the issues of Soviet-Polish relations, as well as the problems of formation, preparation and evacuation of Anders' army.

Keywords: Anders' army, the Great Patriotic War, the USSR, Poland, England, USA, IRAN, agreements

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405/>.

For citation: Medvedev M.V. The History of the Polish Army of V. Anders in the USSR in 1941-1942: Features of Formation and Problems of Cooperation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(4):59-64. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В настоящее время происходит переоценка и переосмысление истории Второй мировой войны и ее итогов, усилились дискуссии о роли и действиях советского руководства и его союзников. Одной из проблемных страниц истории этого периода являются советско-польские отношения. Среди различных тем не менее актуальным является вопрос о формировании на территории СССР польской армии под командованием Владислава Андерса в 1941–1942 гг. В послевоенные годы было издано немало работ о союзнических отношениях СССР и Польши в годы Великой Отечественной войны [1–4]. Среди современных отечественных и польских исследований можно выделить работы В.И. Прибылова [5], Н.С. Лебедевой [6], Ю.В. Иванова [7], В. Филиппова и Г. Ларина [8]. Особый интерес вызывают публикации воспоминаний Андерса [9]. Несмотря на множество научных трудов, вопросы формирования, снабжения и эвакуации армии Андерса требуют дополнительного исследования.

После переговоров между правительством СССР и польским правительством в изгнании 30 июля 1941 г. в Лондоне было подписано соглашение о возобновлении дипломатических отношений. В одном из пунктов документа говорилось, что оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии. Важным моментом было и то, что польская армия на территории СССР должна была действовать в оперативном подчинении Верховного командования СССР.

Дополнительно к соглашению был составлен протокол, в котором гарантировалось, что «Советское правительство предоставит амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных» [10, с. 208].

Следующим шагом договоренностей стало военное соглашение между Верховными командованиями СССР и Польши от 14 августа 1941 г., в основу которого легли положения о формировании будущей армии, ее вооружении и урегулировании различных вопросов. На эти действия был рассчитан кредит, выделяемый советским правительством, он подлежал возвращению Польшей после войны.

Также в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. освобождались из тюрем, исправительно-трудовых лагерей, лагерей для военнопленных, спецпоселков и с мест ссылки и высылки польских граждан все военнопленные и осужденные к заключению на разные сроки [8, с. 14]. Таким образом была объявлена амнистия всем польским военнопленным и интернированным, а также прочим лицам, арестованным по военно-политическим соображениям.

Освобожденные из-под ареста польские граждане должны были получить материальную поддержку и возможность на переселение в выбранные ими места кроме приграничных территорий. Находившиеся в ссылке поляки освобождались от статуса спецпоселенцев. Общая численность получивших амнистию польских граждан варьируется в диапазоне 380–390 тыс. чел. [8, с. 15].

Большое количество поляков, попавших на спецпоселение, были направлены в Казахстан и Сибирь. Именно оттуда было больше всего желающих вступить в польские формирования. К 1 августа 1941 г. в лагерях, тюрьмах и ссылке, по данным НКВД, находились: «Бывших военнопленных – 26 160 чел.; осадников и лесников – 132 463 чел.; осужденных и подследственных – 46 597 чел.; беженцев и семей репрессированных – 176 000 чел.; итого – 381 220 чел.» [11, л. 120].

На роль командующего армией был назначен освобожденный из заключения Владислав Андерс с восстановлением его в звании генерала. Владение русским языком и служба в Русской императорской армии послужили одним из поводов назначения Андерса на такую должность. В состав формируемых польских частей продолжали прибывать амнистированные польские военнослужащие, попавшие ранее в советский плен. Вскоре стороны договорились, что армия Андерса будет принимать участие в боях против немецких войск на стороне Красной армии.

Дислокация первых соединений была определена следующим образом: 5-я пехотная дивизия – в Татищевском лагере Саратовской области; 6-я пехотная дивизия – в Тоцком военном лагере Чкаловской области; штаб армии – в Бузулуке, в том же районе в населенном пункте Колтубановский располагался запасной полк. На должность начальника штаба формируемой армии был назначен Л. Окулицкий.

На должность командира 5-й пехотной дивизии был назначен генерал дивизии М. Борута-Спехович, а начальником штаба – подполковник З. Берлинг. 6-й пехотной дивизией командовал М. Токажевский-Карашевич, начальник штаба – майор Домонь. Запасным полком командовал Я. Галадык.

Польские военнопленные содержались в Грязовецком, Суздальском, Южном и Старобельском лагерях НКВД, в которых создавались призывные комиссии, куда входили лица из Красной армии, НКВД и польского командования. Они начали свою работу 23 августа 1941 г. и уже в начале сентября большую часть польских военнослужащих отправили на формирование армии в Тоцк, Татищево и Бузулук. По состоянию на 12 сентября в эти места прибыло 24 828 чел. [8, с. 18].

Как вспоминал Е. Климковский: «...Бузулук, центр организации армии, находящийся между Самарой и Оренбургом, является удачно выбранным местом с точки зрения будущего. Что касается будущего, то Андерс целиком разделяет твои мысли и даже умеет внушить их местным властям, руководящие органы которых как будто возлагали определенные надежды на нашу армию на непредвиденный случай. Он принял лагерь военнопленных в 20 тысяч человек, сверх этого прибыло около 10 тысяч человек, а каждый день увеличивает или предвещает увеличение этих цифр. Тот, кто идет в нашу армию, получает свободу передвижения, их семьи имеют право поселяться вблизи Оренбурга» [1, с. 131].

В начале формирования в армию стали прибывать люди других национальностей, имеющие польское гражданство. Среди них Андерсом с особым вниманием выделяются евреи: «Как я уже отмечал, определенная часть евреев радостно приветствовала советские войска, вступающие на территорию Польши в 1939 году. По этой причине у поляков по рождению осталось чувство неприязни, которое я должен был преодолеть. С другой стороны, ряд еврейских деятелей хотели выделения еврейских формирований в самостоятельные единицы. По этому вопросу обращались ко мне два известных еврейских деятеля из Польши – Альтер и Эрлих. После множества бесед они согласились со мной, что их проект нереален, так как мне пришлось бы тогда создавать отдельные украинские подразделения или белорусские. Я стоял на позиции, что, раз мы производим формирование польской армии, все граждане без различия вероисповедания и национальности должны найти в ней место» [12].

Позже, в марте 1942 г., майор госбезопасности Жуков задал вопрос польскому командованию, почему польские граждане, которые были по национальности белорусами, украинцами и евреями, проживавшие до 29 ноября 1939 г. на территории генерал-губернаторства, не принимаются в польскую армию. На этот вопрос польское командование ответило, что польским гражданам указанных национальностей в приеме в армию не отказывалось, но так как в армию был большой наплыв граждан, проживавших после 1939 г. на территории западных областей Украины и Белоруссии, а польский штаб не располагает учетными данными прибывших в польскую армию граждан, то для этого создавались дивизионные приемные комиссии [13, л. 9].

Обеспечение армии всем необходимым происходило за счет предоставленного правительству Польши в эмиграции кредита в 65 млн рублей. Данный заем следовало погасить в течение 10 лет с момента завершения войны. Осенью польские формирования получили от Англии всесезонное обмундирование, которое поступило через союзные коридоры.

Помимо армии Андерса, у которой не было желания сражаться на стороне СССР, польское правительство в эмиграции в 1941–1942 гг. сформировало широкую структуру своих представительств, общий состав которых исчислялся в 1500 чел. Они предназначались для содействия жителям польской национальности. Такие делегации не были контролируемы советским руководством, однако зачастую они обращались к нему со всевозможными требованиями, при этом выражая негодование. Это происходило в период, когда СССР переживал сложное для себя время.

Осенью 1941 г. на основе полученных данных Андерс и его соратники провели совещание, на котором уже обсуждались планы по уходу армии на большое удаление от фронта: «Немецкие войска все время наступают и добиваются больших успехов. Вследствие этого советский фронт может по всей линии не выдержать, а Москва в любой день может пасть. ... в случае падения советского фронта польские войска могут уйти в Иран, в случае крайней необходимости через Афганистан в Индию» [1, с. 141]. Это свидетельствовало о том, что Андерс изначально скрывал свои намерения и предпринимал меры, чтобы его армия не приняла участие в боевых действиях на советской стороне, а также вел подготовку к ее передислокации.

Кроме того, 4 декабря 1941 г. в СССР прибыл польский премьер В. Сикорский для подписания Декларации о дружбе и взаимопомощи, где в очередной раз утверждал, что польские соединения, сформированные на территории СССР, совместно с частями Красной армии выступят против немецких войск [10, с. 257].

Изначально планировалось сформировать две дивизии, однако Сикорский внес предложение о численности войска в 150 тыс. чел., в итоге было решено подготовить 96 тыс. Во второй половине февраля 1942 г. армия Андерса исчислялась уже в 75 тыс. чел. На протяжении всего этого времени Андерс заявлял, что после подготовки и комплектации первое соединение будет направлено на фронт [7, с. 53]. После формирования первой дивизии, Андерс отказался направлять ее на фронт, отметив, что только после подготовки всей армии поляки смогут направиться на фронт. В марте 1942 г. советская сторона вновь поставила вопрос такого же содержания. Но и в этот раз Андерс выдвинул новые условия, в которых настаивал о переводе армии на территорию одной из республик Средней Азии, аргументируя это потребностью в получении необходимого вооружения и снаряжения от Англии и США [7, с. 53].

С 1 марта 1942 г. советская сторона, наблюдая за действиями польского командования по сдерживанию армии Андерса в тылу, приняла решение об уменьшении нормы выдачи продовольствия польским частям с 96 до 44 тыс. пайков. Необходимо иметь в виду, что в текущий момент боевая ситуация для Красной армии была критически опасна. На южном участке советско-германского фронта противник продолжал натиск на восток. Проблема с воинским довольствием касалась всех родов войск. Тем не менее польские войска в данный период получали необходимое обмундирование, находились на довольствии у Советского Союза, в то время как в стране не хватало продовольствия и иных средств [14, с. 133].

В марте 1942 г. польское командование добилось отправки своих военнослужащих за границу, в связи с чем приблизительно 45 тыс. военных армии Андерса, а также члены их семей оставили рубежи Советского Союза. Стал вопрос о прекращении пополнения и обучения армии боевым навыкам. Уже в июне 1942 г., когда Андерс вернулся из Англии, появились требования о полной переброске армии в Иран. Польский посол в СССР С. Кот также поддержал идею о выводе всей армии в короткие сроки, с оговоркой, что это будет происходить при некоторых условиях. Он считал важным, чтобы советское руководство продолжило набор в польскую армию по всему Советскому Союзу, а также провело эвакуацию мирных польских граждан и детей. В то же время Сикорский не был сторонником вывода всей армии, вероятно, остерегаясь, как он ранее писал Черчиллю, что уже не сможет делать набор в армию на территории СССР [5, с. 36].

Примечательно, что в некоторых западных публикациях того времени ситуацию с переводом армии Андерса в Иран преподносили в таком виде, как если бы данные действия были совершены под влиянием Советского Союза. В сложившихся обстоятельствах советское руководство не выражало особый протест о переводе армии в Иран, однако восприняло данные действия как несоблюдение прошлых договоренностей.

31 июля 1942 г. стороны подписали соглашение, в котором говорилось о невозможности применения польской армии на советско-германском фронте вопреки договоренностям между СССР и Польшей. 9 августа началась эвакуация, которая продлилась до конца месяца. Всего было отправлено более 75 тыс. военнослужащих и более 37 тыс. членов семей и других мирных граждан [10, с. 245]. К тому времени армия Андерса была уже переименована во 2-й польский корпус в составе британской армии и рассредоточилась от Ирака, Тель-Авива вплоть до Египта. Теперь она выполняла охранные функции.

В серии работ отечественных и польских авторов иллюстрируется настроение И.В. Сталина во время разговора 3 декабря 1941 г. с В. Сикорским, который заявил о выводе польской армии [2, S. 118–119]. Сталин тогда сказал: «Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут: да или нет... Обойдемся без вас. Можем всех отдать. Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим. Но что на это люди скажут» [4, с. 63].

Таким образом, после ухода армии Андерса советско-польское соглашение от 14 августа 1941 г. утратило свое значение. Данная ситуация вновь разладила отношения между СССР и польским правительством в эмиграции. В очередной раз советское руководство убедилось в том, что польская власть в Лондоне не имела интереса в заключении прочных связей с Советским Союзом. Главным отличием армии Андерса от других союзнических формирований на стороне СССР было то, что она состояла из командного состава и военнослужащих, ранее пребывавших в плену, в тюремном заключении и ссылке. Данный фактор сыграл немаловажную роль в недружественном отношении поляков к советскому руководству. Планы по выводу армии Андерса за пределы СССР были заложены еще в начале ее формирования. Возможное участие армии в сражениях на советско-германском фронте в 1942 г. вызывало у Андерса опасения, так как большие потери для нее в тот период были бы неминуемы. Тем не менее, отказываясь выступать на помощь союзнику, имея для этого соглашение, нельзя это не оценивать как несоблюдение поляками заключенных договоренностей.

Последующая участь армии Андерса не овеяна боевой славой. Несение охранной службы в рядах английских войск на территории Северной Африки и Италии обошлось небольшими столкновениями с противником. Только однажды при участии армии Андерса успешно закончилось сражение в мае 1944 г. у монастыря Монте-Кассино, после которого открылась дорога на Рим. После ухода из СССР армия стала не такой востребованной, как это преподносилось в польской историографии. Командование армии в лице самого Андерса и его приближенных так и не вернулись в Польшу. Кроме того, вернуться на родину Андерс не позволял и своим подчиненным из низшего и офицерского составов.

Список источников

1. *Климковский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса / пер. с польск. Е. Климковский. М.: Прогресс, 1964. 325 с.
2. *Kowalski W.* Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie 1939–1945. W. 1. Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. 746 s.
3. *Радзиванович В.А.* Под польским орлом. М.: Воениздат, 1959. 87 с.
4. *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: Наука, 1982. 280 с.
5. *Прибылов В.И.* Почему ушла армия Андерса // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 29–37.
6. *Лебедева Н.С.* Армия Андерса в документах российских архивов // Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М.: Звенья, 1997. С. 123–140.
7. *Иванов Ю.В.* Польская армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 – август 1942 года) // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 52–58.
8. *Филиппов В., Ларин Г.* Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг. Рязань: Рязанская обл. тип., 2021. 560 с.
9. *Андерс В.* Без последней главы / пер. с польск. В. Виногоровой; вступ. ст. Н. Лебедевой // Звезда. 2013. № 1. С. 156–200; № 2. С. 110–136; № 3. С. 112–141; № 4. С. 114–161; № 5. С. 116–160.
10. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII: 1939–1943 гг. М.: Наука, 1973. 514 с.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479с. Оп. 1. Д. 61.
12. Без последней главы. Польская армия в СССР. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/1/bez-poslednej-glavy-polskaya-armiya-v-sssr.html> (дата обращения: 15.08.2022).
13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 57.
14. Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974: документы и материалы. М.: Политиздат, 1974. 663 с.

References

1. Klimkovsky E. *I was an aide-de-camp to General Anders*. Trans. from Polish by E. Klimkovsky. Moscow: Progress Publ.; 1964. 325 p. (In Russ.).
2. Kowalski W. *The diplomatic struggle for Poland's place in Europe 1939-1945*. Is. 1. Warsaw: Książka i Wiedza Publ.; 1966. 746 p. (In Polish).
3. Radzivanovich V.A. *Under the Polish eagle*. Moscow: Voenizdat Publ.; 1959. 87 p. (In Russ.).
4. Parsadanova V.S. *Soviet-Polish relations during the Great Patriotic War. 1941-1945*. Moscow: Nauka Publ.; 1982. 280 p. (In Russ.).
5. Pribylov V.I. Why did Anders' army leave. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Magazine*. 1990;(3):29-37. (In Russ.).
6. Lebedeva N.S. Anders' Army in the documents of the Russian archives. *Repressions against Poles and Polish citizens: Historical collections of Memorial*. Moscow: Zveniya Publ.; 1997;(1):123-140. (In Russ.).
7. Ivanov Yu.V. The Polish army of General V. Anders in the USSR (August 1941 - August 1942). *Novaya i noveishaya istoriya = New and Modern History*. 2012;(3):52-58. (In Russ.).
8. Filippov V., Larin G. *Against the common enemy. Soviet soldiers in the Polish Army 1943-1968*. Ryazan: Ryazan Regional Printing House; 2021. 560 p. (In Russ.).
9. Anders V. *Without the last chapter*. Trans. from Polish by V. Vinogorova; intr. by V.N. Lebedeva. *Zvezda = Star*. 2013;(1):156-200, 2013;(2):110-136, 2013;(3):112-141, 2013;(4):114-161, 2013;(5):116-160. (In Russ.).
10. *Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Vol. VII: 1939-1943*. Moscow: Nauka Publ.; 1973. 514 p. (In Russ.).
11. *State Archive of the Russian Federation*. Fund 9479s. In. 1. File 61. (In Russ.).
12. *Without the last chapter. The Polish Army in the USSR*. Available from: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/1/bez-poslednej-glavy-polskaya-armiya-v-sssr.html> [Accessed 15th August 2022]. (In Russ.).
13. *Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation*. Fund 485. In. 768407. File 57. (In Russ.).
14. *The Soviet Union is the People's Poland. 1944-1974: Documents and materials*. Moscow: Politizdat Publ.; 1974. 663 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Медведев – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории.

Information about the author

M.V. Medvedev – Candidate of Science (History), Junior Researcher of the Department of Modern and Contemporary History.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-65-74

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКАЯ ГАЗЕТА «НОВЫЙ ПУТЬ» (БОБРУЙСКОЕ ИЗДАНИЕ) КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Евгений Александрович Паламарчук

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия
epalamar@mail.ru

Аннотация. Рассматривается феномен коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, связанный с пропагандистской деятельностью коллаборационистских периодических изданий. Проанализирован ряд публикаций в издававшейся в период немецкой оккупации бобруйской газете «Новый путь», созданной для воздействия на местное население с целью его мобилизации на активную поддержку немецких оккупационных властей, представлявших в образе освободителей от сталинского режима.

Ключевые слова: коллаборационизм, временно оккупированные советские территории, агитация, пропаганда, газета, население, режим, крестьянство, «остарбайтеры»

Для цитирования: Паламарчук Е. А. Коллаборационистская газета «Новый путь» (бобруйское издание) как инструмент пропагандистского обеспечения оккупационной политики нацистской Германии на территории Белоруссии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 65–74.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

COLLABORATIONIST NEWSPAPER “NOVY PUT” (BOBRUISK EDITION) AS AN INSTRUMENT OF PROPAGANDA SUPPORT FOR THE OCCUPATION POLICY OF NAZI GERMANY ON THE TERRITORY OF BELARUS

Evgeny A. Palamarchuk

Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia
epalamar@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the one of the most significant aspects of the collaboration phenomenon in the Great Patriotic War years which was linked with the propaganda activities of collaborative periodical press. The author analyzed some publications in the collaborative newspaper “Novy Put”, published in Bobruisk during the period of the German occupation. The aim of these publications consisted in the propaganda influence on the native population in order to mobilize them for active support the occupation administration which appeared to be imaged as the saviour from Stalin’s regime.

Keywords: collaborationism, temporarily occupied soviet territories, agitation, propaganda, newspaper, population, regime, peasantry, “ostarbeiters”

For citation: Palamarchuk E.A. Collaborationist Newspaper “Novy Put” (Bobruisk Edition) as an Instrument of Propaganda Support for the Occupation Policy of Nazi Germany on the Territory of Belarus. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):65-74. (In Russ.).

© Паламарчук Е. А., 2022

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Феномен национал-социализма, однажды возникнув, практически сразу оказался в центре внимания исследователей, которое не ослабевает на протяжении десятилетий, минувших с момента краха гитлеровского режима. Напротив, в последние годы четко обозначилась тенденция к повышению рейтинга актуальности дальнейшего детализированного изучения различных аспектов политики Третьего рейха, включая оккупационную. Это явилось следствием сохранения нацистской идеологией, приобретшей приставку «нео», значительного потенциала в Европе, благодатной почвой для которого стала неспособность заигравшихся в мультикультурализм политических лидеров ведущих стран Европейского Союза предложить сколько-нибудь убедительные пути решения обрушившихся на европейцев проблем в миграционной и экономической сферах. Как результат – наблюдающийся в ряде государств рост влияния праворадикальных политических партий и организаций. Кульминацией же указанных процессов стало открытое разыгрывание коллективным Западом во главе с США неонацистской карты посредством провоцирования вооруженного конфликта на Украине и оказания военной помощи украинскому политическому режиму, опирающемуся на бандеровскую идеологию.

Как известно, пестование украинских националистических кругов неонацистского и русофобского толка с целью последующей передачи их представителям государственной власти в стране осуществлялось западными спецслужбами на протяжении длительного периода времени. При этом важная роль отводилась специально создаваемым и финансируемым ими средствам массовой информации. В своей практике последние широко использовали соответствующий опыт коллаборационистских периодических изданий, выпускавшихся при поддержке нацистских властей как в самой Германии [1], так и на временно оккупированных ею советских территориях. В свете сказанного дальнейшее исследование коллаборационистской печати, которую национал-социалисты рассматривали как существенный ресурс в осуществлении своих планов, представляет особый интерес.

Одним из изданий подобного рода, деятельность которого пока не получила должного освещения в научной литературе (в кратком обзоре, опубликованном Г. С. Тихашиным, речь идет о газете с тем же названием, печатавшейся в городе Борисове [2]), являлась издававшаяся в 1942 – 1943 гг. в Бобруйске газета «Новый путь».

Главная задача газеты заключалась в создании у местного населения образа завоевателя-освободителя, с приходом которого белорусов ожидали налаживание хозяйственной жизни и процветание.

Поскольку часть трудоспособного населения временно оккупированных советских территорий предназначалась для принудительного рекрутирования на работы в Германию, а других агитировали добровольно отправиться туда на заработки, в газете регулярно помещались публикации, расписывавшие преимущества жизни в последней и «разоблачавшие» слухи о жестоком обращении, которому в Третьем рейхе подвергались «остарбайтеры», или даже о физической ликвидации последних.

В одной из заметок «неправдоподобность» таких слухов объяснялась тем, что покидавшие Родину белорусы отправлялись «не в советские ... концлагеря..., а в Германию, в страну истинного социализма». Далее перечислялись имена перебравшихся туда рабочих, счастливых предоставленной им возможностью получить работу на немецких промышленных предприятиях, где они окружены заботой как «жертвы советской системы», получают лишь «такую работу, которую в состоянии выполнять без переутомления», и пользуются уважением «за искреннее желание заменять у станков германских рабочих, сражающихся против врагов человечества – большевиков и жидов». Здесь же содержится ссылка на некую 18-летнюю Тамару М., которая под «дружный смех» окружающих сообщает о том, что на Родине распространялся слух согласно которому «в Германии прибывшим из восточных областей рабочим поотрубали руки и поотре-

зали уши». В заключение подчеркивается, что после окончания трудового дня всех ждут «просторные и здоровые помещения для сна», которые «по общему отзыву представляются пределом мечтаний по сравнению с общежитием в советских лагерях» [3].

В другой заметке сообщалось о том, что «восточным рабочим», занятым на немецких предприятиях, разрешалось высказывать свои замечания и пожелания относительно условий их труда, которые, в случае признания их справедливыми, учитывались руководством заводов и фабрик. Объяснялось это тем, что в Германии, ведшей борьбу «не против русского человека, а против большевистской системы», власти стремились к обеспечению «остарбайтерам» комфортных условий труда, ничем не отличавшихся от тех, в которых работали германские «синие воротнички».

Особое внимание обращалось на заманчивые перспективы такой работы. «Если уже в условиях военного времени Германия предоставляет нашим братьям и сестрам условия жизни несравненно лучшие, чем условия жизни на родине, – отмечалось в публикации, – то после войны Германия предоставит каждому добросовестному и трудолюбивому русскому рабочему работу, которой он пожелает заниматься». В доказательство сказанного приводилось письмо родным некоего Владимира, датированное 27 декабря 1942 г. В нем он сообщал, что занят крестьянским трудом, работает у хозяйки вместе с еще тремя русскими, и особенно доволен четырехразовым питанием и выделенной ему «отдельной комнатой со всеми удобствами» [4]. Эту эстафету подхватывает Марта. В своем письме матери, опубликованном в «Новом пути» 28 июля 1943 г., она, сообщая о своем «благоденствии» в Германии, пишет: «Если бы ты посмотрела на нашу жизнь, то ты бы не сравняла (так в оригинале. – *Е. П.*) с жизнью в Бобруйске. Мы отработываем свои 8 часов и свободны. Каждое воскресенье нам выходной, отводятся дни для стирки белья, еженедельно моемся в бане. Выходные дни играем в карты, домино, поем песни. Иногда ходим гулять в город, там мы качаемся на карусели, смотрим цирк. Пасху мы провели хорошо. Мы гуляли два дня. К Пасхе нам дали по туфлям, по платью, по рубашке с трусами».

В редакционных комментариях к письмам подобного рода делался акцент на том, что многих из оказавшихся на работе в Германии впечатляла зажиточная жизнь немецких рабочих и крестьян. При этом читателям внушалась мысль о том, что этот труд следовало рассматривать как долг по отношению к собственной родине с целью освобождения ее от большевизма. «Своиственные русским людям оптимизм, природные силы, а также сознание необходимости их труда в Германии, вместе с созданными германским правительством условиями, – говорилось в одном из таких комментариев, – заставляют их забывать о временных лишениях и они работают ударно, чтобы покончить скорее эту гнусную войну» (приведенная цитата взята из письма Георга Говоровского матери. – *Е. П.*). В качестве же награды за их ударный труд им была обещана «жизнь по-новому, жизнь без рабства и нищеты советского строя» [5].

В процесс агитации местного населения за выезд на работу в Германию активно включились отдельные представители церкви, вставшие на путь коллаборационизма. Так, 28 июля 1943 г. в газете сообщалось о том, что протоиерей Я. (полное имя указано не было), выступая перед группой лиц, отправлявшихся в рейх, заявил, что «работа в Германии временное явление» и по окончании войны «все работающие там смогут вернуться на родину с запасом полезных и нужных знаний», которые в дальнейшем позволят прошедшим школу выучки у немецких рабочих и крестьян наладить «счастливую жизнь на освобожденной от иудео-большевизма родной земле». Однако для этого, продолжал «пастырь», нашему народу необходимо «вложить долю своих сил и труда в общую борьбу европейских народов с угрожающей всему миру властью большевиков». Вклад отъезжающих в Германию, пояснил он далее, заключается в том, чтобы заменить на германских предприятиях «лучших сынов немецкого народа» и таким образом обеспечить германскую армию «всем необходимым для ее победы», приблизив окончание войны [6].

Между тем за парадным фасадом нацистской пропаганды в подавляющем большинстве случаев скрывалась безрадостная действительность. Реальные условия жизни и обеспечения остарбайтеров были далеки от тех, о которых сообщалось в вышеуказанных письмах. В частности, в неделю средняя заработная плата квалифицированного «восточного рабочего» из СССР не превышала 15,05, а неквалифицированного – 8,75 рейхсмарки, тогда как соответствующие показатели для немецких промышленных рабочих достигали 42,35 и 24,50 марки [7, с. 115].

Поскольку вербовочные кампании среди населения оккупированных советских территорий за добровольный выезд на работы в Германию ожидаемого эффекта не дали, для подавляющего большинства оstarбайтеров, в том числе и белорусских, отправка в Третий рейх носила исключительно принудительный характер. «Вклад» Белоруссии в этот процесс составил около 380 000 человек [8, с. 26].

Тот же подход был характерен и для систематически ведшейся, в том числе и газетой «Новый путь», среди местного населения агитации за вступление в коллаборационистские добровольческие военные формирования. 24 июня 1943 г. в ней была опубликована переписка между добровольцем Иваном Кулимовым и его «любимой девушкой» Пашей, жительницей белорусской деревни Покровка. В своем письме Паша, со ссылкой на некую тетку Дарью, сообщала о том, что нагрянувшие в соседнее село партизаны отобрали у крестьян имевшуюся у них скотину, а в одной хате ударили закричавшего от испуга при их появлении ребенка, которого после этого пришлось везти к фельдшеру. По словам той же Дарьи, один из партизан рассказал о тяжелой жизни коллаборационистов-добровольцев: «голодать приходится (только то и ваше, что у партизан отнимете), бани нет, грязь ужасная, отдохнуть даже некогда и в город никогда не пускают. Рассказывают, что вы живете как дикари, и немцы вас бьют почем попало и за людей не считают...». В ответном письме Иван, отругав Пашу за «легковерие» и посоветовав ей не прислушиваться к «болтовне» соседок, нарисовал совершенно иную, идиллическую картину: «Спать ложимся в десять часов вечера, встаем утром в пять часов. Кормят здесь даже лучше, чем дома, вкусно и питательно». После подробного перечисления выдаваемого, включая сигары и конфеты, Иван продолжает: «Еженедельно в баню ходим и белье меняем. Баня городская, хорошая. Насчет немцев, то я их редко вижу. Они в наше дело не вмешиваются. Трех видел, так они вежливые, приятные, спрашивают как у нас жизнь дома». В заключение своего письма его автор сообщает о том, что несколько офицеров и солдат из его воинской части, побывавшие на экскурсии в Германии, были впечатлены тем, «как красиво живут там немцы, рабочие и крестьяне. Русских тоже там видели. Говорят, что они сытые, живут в хороших условиях» [9].

Приведенные письма являются типичными, как бы скалькированными с единого пропагандистского шаблона.

Одним из пропагандистских лейтмотивов печатавшихся в коллаборационистской печати материалов являлась подававшаяся соответствующим образом «информация» о налаживании германской оккупационной администрацией в занятых советских областях мирной жизни и восстановлении городов, подвергшихся разрушению со стороны частей Красной Армии при их отступлении. Газета «Новый путь» не была исключением. Так, в статье некоего А. Борисова под броским заглавием «Жизнь побеждает» говорилось об активизации в Белоруссии, на Украине, других территориях не только производственной деятельности, но и культурной жизни («снова действуют театры, кино, народные дома, библиотеки и музеи»). «Жажда жить по-новому, – пишет он, – побеждает все и всяческие препятствия. Освобожденные области напоминают сейчас больного, перенесшего длительную, тяжелую болезнь, грозившую ему смертью. Больной еще чувствует тяжесть во всем теле. Он еще с трудом ходит. Но его легкие жадно вдыхают свежий летний воздух... И чувство восторга овладевает им от сознания, что он избавился от смертельной опасности, что красавица жизнь победила костлявую старуху – смерть». Завершалась публикация обещанием светлого будущего без большевиков [10].

Многие публиковавшиеся в газете материалы, проводившие грань между цивилизованной Германией и бесчеловечным сталинским режимом, носили ярко выраженный назидательный характер. Типичным примером подобных публикаций служит статья «У горящей избы», автор которой подписался как Л. П-й. Сообщая о том, что в ходе последовавшего за поражением под Москвой отступления немецких сил (в публикации оно скромно именуется «отходом на оборонительные позиции») германское командование откликнулось на просьбу многочисленных крестьян из подмосковных деревень «эвакуировать их в тыл немецких войск», автор публикации поведал трагическую историю семьи Дементьевых, которых упомянутое бегство привело в белорусскую деревню Бардячи. Вместе с главой семьи, крепким еще 69-летним стариком Прохором Петровичем, сюда перебрались его жена и две невестки с четырьмя маленькими детьми. Два

старших сына, Семен и Павел, находились на фронте. Жители села, оценив хозяйственные способности Прохора Петровича, избрали его своим старостой. Однако вскоре в окрестных лесах объявились «вооруженные бандиты-партизаны», в отряде которых «случайно» оказался сын старосты Семен. Именно ему «бандитский атаман» приказал, захватив с собой двенадцать бойцов, сжечь хату старосты вместе со всей семьей. «Постарайтесь, чтобы никто не ушел», – напутствовал он Семена. В это время Прохор Петрович находился по делам в городе и, в полном соответствии с законами пропагандистского жанра, вернулся в деревню в тот самый момент, когда его хата полыхала, а вокруг нее «стояли вооруженные люди, любясь игрой длинных языков страшного пламени...». Исторгнутый им вопль: «Марья!.. Жена!.. Дети!.. Где вы?!.. Неужели?!..» был встречен «злорадным смехом» и издевательским: «Ты угадал, старина, – в огне твое отродье, сейчас и ты там будешь...». Присмотревшись, Прохор Петрович понял, что угроза исходила от его родного сына. За этим последовала сцена, не оставляющая сомнений в знакомстве автора заметки с гоголевским «Тарасом Бульбой». Сын тоже узнал отца. «Фигура убийцы застыла перед огнем, пожирающим его семью, его детей... В следующее мгновение... крыша горящей хаты вдруг рухнула, приняв в свои горячие объятия семь человеческих жизней...». Отец «протянул руку к винтовке сына. Тот покорно отдал ее отцу», отбросившему оружие. «Его руки потянулись к горлу сына. Через минуту бандит лежал бездыханным у ног своего отца» [11].

Одной из основных аудиторий, которым были адресованы публикации газеты, являлось крестьянство. При этом, как и в иных подобных случаях, издатели «Нового пути» стремились сыграть на наиболее чувствительной для крестьян собственнической струне, разорванной Советской властью. «Только теперь многовековая борьба русского крестьянства за землю увенчивается победой», – говорилось в заметке главного редактора газеты М. Боброва, опубликованной 9 июня 1942 г. в рубрике: «Отныне крестьянин – хозяин земли!». Подчеркивая, что русские крестьяне были лишены права собственности на землю задолго до большевизма, в условиях крепостничества, автор инкриминирует большевистскому режиму «возрождение... крепостного права в новых, отвечающих современным условиям, формах». «Если крепостной крестьянин сороковых годов прошлого столетия был рабом по закону и рабом по существу, – разъясняет он, – то при большевиках колхозник был хозяином земли по закону, но все тем же или еще худшим рабом в действительности». Лишь с помощью национал-социалистической Германии, принесшей, по словам Боброва, в русскую деревню освобождение «от кровавых кошмаров большевизма», крестьянин получает возможность стать «полноправным хозяином земли» [12].

В том же выпуске «Нового пути» была напечатана подписанная рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий А. Розенбергом Декларация германского правительства, в которой говорилось, что власти Германии «поощряют и защищают частную собственность», в связи с чем «в занятых восточных областях трудящееся крестьянское население наделяется землей в собственность», что «... обязывает крестьян в будущем напрячь все силы для новой перестройки земледелия в занятых восточных областях и этим внести свою долю в дело окончательного уничтожения большевизма» [13].

Крестьянский вопрос и его пропагандистская эксплуатация рассматривались коллаборационистами и их немецкими кураторами как важнейший инструмент усиления своего влияния на местное население, в связи с чем помимо основного издания был предусмотрен выпуск специального приложения к газете. Оно называлось «Новь» и было рассчитано исключительно на крестьянство. Здесь печатались материалы, уточнявшие отдельные аспекты нацистской аграрной политики на оккупированных территориях.

В частности, сельскому населению сообщалось о том, что в рамках «нового земельного порядка», устанавливавшегося немцами, в качестве первоочередной меры планировалось заменить колхозы «системой общинных хозяйств, сельскохозяйственных товариществ или частных хуторов» и снять установленные Советской властью ограничения на владение скотом (вместо одной коровы будет разрешено держать столько голов скота, сколько владелец сможет прокормить). Помимо этого, давалось обещание придать приусадебному участку, площадь которого могла быть расширена по желанию крестьянина, статус частной собственности. Постепенно общинные дворы предполагалось заменить сельскохозяйственными товариществами, основанными на част-

ной обработке земли. Весь урожай, за исключением строго фиксированной его части, предназначенной для обязательной сдачи оккупационным властям, должен поступать в полное распоряжение земледельца. Наиболее «трудолюбивым и опытным крестьянам, деятельность которых явится гарантией правильного ведения хозяйства», утверждалось в той же заметке, «будет предоставлена возможность получить отдельный хутор», освобождавшийся «от принудительного участия в общем севообороте» [14].

В статье «Что дала германская власть русским крестьянам?» некто Н. Писарев пишет, что, вопреки запугиваниям местного населения, осуществлявшимся сталинской пропагандой, «немцы безвозмездно передали русским крестьянам...» отобранные у них Сталиным земли и лошадей, создали благоприятные условия для эффективного хозяйствования. «Если прежде из-за бескормицы колхозник имел мало скота и для уплаты огромного денежного налога и займа вынужден был продавать все продукты животноводства, – утверждалось в публикации, – то теперь, при изобилии кормов и при низком денежном налоге, крестьянин имеет гораздо больше скота и оставляет у себя все продукты животноводства: и молоко, и масло, и яйца, и мясо». Далее, ссылаясь на «опытного врача», ранее заведовавшего районной больницей, имя которого не называется, Писарев пишет о том, что, если «при колхозном строе главная масса заболеваний колхозников была связана с плохим питанием и истощением», то теперь ситуация кардинальным образом изменилась, поскольку с приходом немцев «питание русских крестьян стало хорошим». Приводится «признание» и столь же безымянного красноармейца, попавшего в плен под Орлом: «Я наблюдал жизнь советских колхозников, рабочих и красноармейцев в Сибири и в Средней России, но такого хорошего питания, какое мы, красноармейцы, увидели в деревнях, где два года была немецкая власть, мы не встречали нигде в Советском Союзе и никогда не видели в колхозах здесь и в мирное время. Нас очень удивило и порадовало, что крестьяне тут так хорошо живут и так хорошо питаются» [15].

Подлинное же отношение нацистских лидеров к славянскому населению СССР, предопределявшее его судьбу в случае победы Германии, нашло отражение в словах рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, считавшего русских «людьми-животными». «Живут ли другие народы в благополучии или подымают от голода, – заявлял он, – интересует меня лишь постольку, поскольку мы в них нуждаемся как в рабах для сохранения нашей культуры...» [16, с. 113].

Как и при подготовке материалов для других коллаборационистских изданий подобного рода, редакция «Нового пути» уделяла много внимания еврейскому вопросу, который освещался в полном соответствии с официальными установками нацистской пропаганды, направленной на то, чтобы подавить в немцах чувство сострадания по отношению к лишенному гражданских прав, а впоследствии и обреченному на уничтожение еврейскому населению [17, л. 26].

Та же линия проводилась и в газете «Новый путь». В одной из опубликованных здесь заметок еврейский вопрос был отнесен к числу «решающих политических вопросов». При этом подчеркивалось, что в целях успешного объединения Европы в «общий хозяйственный блок» во главе с Германией этот вопрос следовало разрешить «с непреклонной твердостью». В качестве европейских стран, ориентировавшихся при проведении антиеврейской политики на нацистский образец, указывались: Франция, в которой было принято законодательство, устанавливавшее для представителей еврейского населения запрет на замещение «общественных должностей», занятие банковской и маклерской деятельностью, ограничивавшее их доступ к свободным профессиям и получению высшего образования; Италия, власти которой лишили евреев права занятости в адвокатуре, нотариате, медицине, аптекарском деле и полностью закрыли для них доступ в оборонную сферу; а также Хорватия, Словакия, Румыния и Болгария [18].

Важная задача газеты при разработке указанной тематики заключалась в популяризации среди читательской аудитории тезиса о том, что за развязыванием Второй мировой войны стоит мировое еврейство, представители которого пустили глубокие корни в отраслях экономики ведущих западных держав [19]. Так, С. Алексеев, автор статьи «Еврейский вопрос», опубликованной в номере от 19 июня 1943 г., цитируя сочувственные высказывания представителей местного населения о евреях («Несчастные, у них ведь нет своей родины», – шамкает какая-нибудь сердобольная старуха; «Они помогают, всегда у них все достанешь», – хвалится молодая хозяйка);

«Совсем не такие уж они... плохие люди»), сетует на склонность соотечественников к состраданию по отношению к евреям, объяснявшуюся, по его утверждению, тем, что они не отдавали себе отчета в масштабе еврейской опасности. С тем чтобы «вразумить» их и побудить последовать призыву сплотиться в противостоянии влиянию еврейских кругов, Алексеев прибегает к цитированию антисемитских высказываний, принадлежащих перу античных авторов – Диодора, Сенеки, Тацита и др. При этом соответствующие ссылки никак не увязываются с историческим контекстом [20].

Подробно освещались случаи проявления антисемитизма в государствах-союзниках СССР. Так, со ссылкой на выходящую в Англии еврейскую газету «Джюдит-Кроникл» сообщалось о том, что рабочие деревообрабатывающей фабрики, располагавшейся в лондонском промышленном округе, написали на стенах своего предприятия: «Англичане, к чему вы ведете дальнейшую борьбу за мировое еврейство? Не Германия является вашим врагом, а евреи» [21].

Для всех коллаборационистских периодических изданий было характерно как печатание публикаций, в которых отдельные реальные события были густо перемешаны с откровенной ложью, так и помещение материалов, сфальсифицированных от начала и до конца. Одним из характерных примеров подобного рода стало опубликованное в газете «Новый путь» 28 июля 1943 г. и адресованное перешедшему на сторону Германии генерал-лейтенанту А. А. Власову письмо, якобы написанное летчиком, Героем Советского Союза А. И. Белогуровым.

«Дорогой генерал! – говорилось в нем. – Я внимательно прочел Ваше обращение к русскому народу, вдумывался в каждую фразу, старался проверить каждое слово и после серьезных размышлений окончательно и твердо убедился в правдивости Ваших выводов, в правильности того пути, на который Вы призываете русских патриотов». К этому «Белогурова» подтолкнули «преступления» большевистских комиссаров, которые «посылали нас бомбить мирные города, где не было никаких военных объектов..., заставляли нас бомбить лагеря (орфография публикации нами сохранена. – Е. П.) русских военнопленных..., издавали строжайшие приказы: в случае порчи машины на территории противника, летчик обязан падать вместе с машиной, а если летчик выпрыгивает с парашютом, то стрелять его из пулемета как «изменника родины». Попав в плен и оказавшись одним из тех, кого «советские правители... считают предателем и изменником родины», «автор» письма «осознал», что Сталину, «грузину по рождению, жиду по окружению и привычкам, авантюристу по характеру, не дорог наш народ, не дорога наша родина». Сообщая о том, что обращение Власова к оказавшимся в германском плену офицерам и солдатам Красной Армии с призывом вступать в ряды Русской Освободительной Армии поставило точку в его нелегких размышлениях о судьбе России, позволив ему «... сделать окончательные выводы», осознав себя «врагом большевизма», «Белогуров» завершает свое письмо словами: «... как дисциплинированный солдат, я в полном Вашем распоряжении, господин генерал, и готов выполнить любое дело, любой боевой приказ во славу Русского народа, во имя и счастье России» [22].

На самом деле Герой Советского Союза Алексей Иванович Белогуров, сбитый над немецкими позициями и попавший в плен 2 сентября 1941 г., а затем бежавший в свое родное село Времевка и создавший там подпольную группу, был схвачен немцами и казнен 3 июля 1942 г. – задолго до публикации «своего» письма в «Новом пути».

Подводя итог нашего исследования, считаем необходимым обратить внимание на следующее. Феномен коллаборационизма, история которого насчитывает много столетий, с особой силой проявился в годы Великой Отечественной и в целом Второй мировой войны, став важнейшим элементом нацистской оккупационной политики, одна из целей которой заключалась в максимальном использовании местных материальных и человеческих ресурсов в германских интересах. Особенно интенсивно коллаборационистская агитация велась нацистами среди горожан и крестьянства временно оккупированных восточных территорий. При этом коллаборационизм охватывал все сферы сотрудничества с врагом: военную, хозяйственную, культурную, религиозную и иную. Главным же пропагандистским инструментом мобилизации местного населения выступали периодические издания, подобные газете «Новый путь».

На наш взгляд, степень пропагандистского воздействия подобных изданий на читательскую аудиторию, которой они были адресованы, не следует как преувеличивать, так и в равной мере

преуменьшать. Конечно же, содержащееся в опубликованном в последнем, сотом, номере бобруйского издания газеты редакционном обращении к читателям заявление о том, что каждый ее номер играл роль «снаряда, посланного в стан врага», а каждый из семи миллионов экземпляров, выпущенных за полтора года выхода газеты в свет, «был картечью, которая разила врага» [23], отдает гипертрофированной патетикой. В то же время хорошо известно, что социальная база коллаборационизма, представлявшего собой многоликий феномен, в годы Великой Отечественной войны формировалась отнюдь не только за счет лиц, недовольных сталинским режимом. Причины, побуждавшие того или иного представителя гражданского населения или попавшего в плен красноармейца встать на путь сотрудничества с врагом, были самыми разными, как и степень этого сотрудничества. Среди оказавшихся в стане коллаборационистов было немало таких, которые руководствовались исключительно чувством самосохранения, рассчитывая уцелеть при любом раскладе сил.

Разумеется, учитывая крайне разрушительный характер войны, советским властям и рядовым современникам не приходило в голову разбираться в подобных нюансах, да и сегодня их оценка носит ярко выраженный дискуссионный характер.

Главное же, на наш взгляд, заключается в том, что коллаборационизм среди советских военнопленных и населения, проживавшего на временно оккупированных территориях СССР, не стал массовым явлением, что представляет собой разительный контраст по сравнению с ситуацией, сложившейся в период Второй мировой войны в ряде европейских стран, к примеру, таких как Франция. По нашему мнению, данное обстоятельство обусловлено как высокой степенью эффективности советской системы патриотического воспитания, так и характером нацистской оккупационной политики, в основе которой лежали известные расовые установки, приведшие к геноциду части славянского населения, евреев, представителей других «неарийских» народов, и которая подразумевала принудительную отправку местных жителей трудоспособного возраста на работы в Германию, фактическое возрождение для населения указанных областей постоянной повинности, обложение его различного рода поборами и проведение иных мер, носивших ярко выраженный дискриминационный характер.

Список источников

1. Паламарчук Е. А. Власовская антисоветская пропаганда среди военнопленных (по материалам газеты «Заря» за 1943 год) // Научная мысль Кавказа. 2021. № 3. С. 17–24.
2. Тихашин Г. С. Газета «Новый путь» как пример оккупационной газеты на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 2. С. 151–154.
3. Работающие и поющие «покойники». Посещение рабочих, прибывших из восточных областей // Новый путь (бобруйское издание). 1942. 18 июля.
4. Работа в Германии // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 1 янв.
5. Они пишут из Германии // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 28 июля.
6. Н. Р. Священник у отъезжающих на работу в Германию // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 28 июля.
7. Паламарчук Е. А. Социальная политика Третьего рейха. Ростов н/Д.: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005. 560 с.
8. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944). Документы и материалы : в 2 кн. Кн. 1 (1941–1942) / сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко. Минск: НАРБ, 1996. 304 с.
9. Орличенко Н. Два письма // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 24 июля.
10. Борисов А. Жизнь побеждает // Новый путь (бобруйское издание). 1942. 18 июля.
11. П-й Л. У горячей избы // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 1 янв.
12. Бобров М. Земля крестьянам // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 9 июня.
13. Декларация Германского правительства // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 9 июня.
14. Положение крестьянина при новом земельном порядке // Новь. 1942. 4 июля.

15. Писарев Н. Что дала германская власть русским крестьянам? // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 11 авг.
16. Hofer W. Der nationalsozialismus. Dokumente 1933–1945. Frankfurt am Main, 1957. 400 S.
17. РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 10.
18. Европа страшится с себя жидовское засилье // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 17 июля.
19. Жидовские пиявки в хозяйственном организме Британской Империи // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 19 июня.
20. Алексеев С. Еврейский вопрос // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 19 июня.
21. Рост антисемитизма в Англии // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 9 июня.
22. Старший лейтенант А. И. Белогуров. Я враг большевизма. Письмо генерал-лейтенанту А. А. Власову летчика старшего лейтенанта А. Белогурова, получившего в свое время звание героя Советского Союза // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 28 июля.
23. К нашим читателям // Новый путь (бобруйское издание). 1943. 29 сент.

References

1. Palamarchuk E. A. Vlasov anti-Soviet propaganda among prisoners of war (based on the materials of the Zarya newspaper for 1943). *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2021;(3):17-24. (In Russ.).
2. Tikhashin G.S. Newspaper “Novy Put” as an example of an occupational newspaper on the territory of Belarus during the Great Patriotic War. *Vestn. Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii = Journal of the Historical Society, St. Petersburg Theological Academy*. 2018;(2):151-154. (In Russ.).
3. Working and singing “dead”. Visiting workers who arrived from the eastern regions. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1942. July 18. (In Russ.).
4. Work in Germany. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. Jan. 1. (In Russ.).
5. They write from Germany. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. July 28. (In Russ.).
6. N. R. Priest for those leaving for work in Germany. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. July 28. (In Russ.).
7. Palamarchuk E. A. *Social policy of the Third Reich*. Rostov-on-Don: North Caucasus Higher School Research Center Press; 2005. 560 p. (In Russ.).
8. *Belarusian ostarbeiters. The deportation of the population of Belarus for forced labor in Germany (1941-1944)*. Documents and materials: in 2 books. Book 1 (1941-1942). Comp. G.D. Knatko, V.I. Adamushko. Minsk: National Archive of the Republic of Belarus Press; 1996. 304 p. (In Russ.).
9. Orlichenko N. Two letters. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. July 24. (In Russ.).
10. Borisov A. Life wins. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1942. July 18. (In Russ.).
11. P-th L. At the burning hut. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. Jan. 1. (In Russ.).
12. Bobrov M. Land for peasants. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. June 9. (In Russ.).
13. Declaration of the German government. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. June 9. (In Russ.).
14. The position of the peasant under the new land order. *Nov' = Virgin Soil*. 1942. July 4. (In Russ.).
15. Pisarev N. What gave the German government to the Russian peasants? *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. Aug. 11. (In Russ.).
16. Hofer W. *Der national socialism. Documente 1933-1945*. Frankfurt am Main, 1957. 400 S.
17. *Russian State Military Archive*. Fund 1363. In. 3. File 10. (In Russ.).
18. Europe shakes off the Jewish dominance. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. July 17. (In Russ.).
19. Jewish leeches in the economic organism of the British Empire. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. June 19. (In Russ.).
20. Alekseev S. Jewish question. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. June 19. (In Russ.).
21. The growth of anti-Semitism in England. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. June 9. (In Russ.).
22. Senior Lieutenant A. I. Belogurov. I am an enemy of Bolshevism. Letter to Lieutenant General A. A. Vlasov, pilot Senior Lieutenant A. Belogurov, who at one time received the title of Hero of the Soviet Union. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. July 28. (In Russ.).
23. To our readers. *Novy Put' = New Way (Bobruisk edition)*. 1943. Sept. 29. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

E. A. Palamarchuk – Doctor of Science (History), Professor.

Статья поступила в редакцию 07.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 07.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 93.94 (470)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-75-81

ФЕНОМЕН МИРНЫХ ГОРЦЕВ В ХОДЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Джамбулат Вахидович Умаров

Академия наук Чеченской Республики, Грозный, Россия, katayama_1969@mail.ru

Аннотация. Анализируется политика русской администрации на Кавказе в отношении мирных горцев, которые добровольно переселялись на равнину и принимали российское подданство. Процесс переселения, мотивы этого решения и их практическая реализация рассматриваются в контексте интеграционных процессов, шедших в регионе. Использованы историографические наработки исследователей и архивные материалы, впервые вовлекающиеся в научный оборот.

Ключевые слова: мирные горцы, расселение, война, интеграция, добровольность, материальная поддержка

Для цитирования: Умаров Дж. В. Феномен мирных горцев в ходе Кавказской войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 75–81.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE PHENOMENON OF PEACEFUL MOUNTAINEERS DURING THE CAUCASIAN WAR

Dzhambulat V. Umarov

Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia, katayama_1969@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the policy of the Russian administration in the Caucasus in relation to peaceful mountaineers who voluntarily moved to the plain and accepted Russian citizenship. The resettlement process itself, the motives for this decision and their practical implementation are considered in the context of the integration processes that took place in the region. The article is based on the historiographical elaboration of researchers and archival materials involved in scientific circulation for the first time.

Keywords: peaceful mountaineers, settlement, war, integration, voluntary, material support

For citation: Umarov Dzh.V. The Phenomenon of Peaceful Mountaineers During the Caucasian War. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):75-81. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Представление о всеобщем и непрекращающемся сопротивлении горцев колонизации Кавказа является упрощенным. Были те, кто изначально принимал русскую власть, и те, кто уставал от войны, теряя своих близких, и те, кто с начала 1840-х гг. отказывался от вооруженного противостояния и принимал статус мирных горцев. Ситуаций было множество...

Что касается мотивации переселения горцев на равнину, то среди исследователей бытуют разные мнения. Например, В.А. Матвеев подобные факты рассматривает как победу более сильной «российской альтернативы», одерживающей верх над «сепаратизмом движения Шамиля». Историк пишет, что «от Шамиля уходили целыми аульскими обществами в поисках защиты и покровительства со стороны России. Ее вооруженные силы в крае воспринимались в качестве гаранта

безопасности» [1, с. 53–60]. Однако А.Т. Урушадзе считает, что чеченцев толкало на выход на равнины их «крайне бедное состояние» и «нужда в пропитании» [2, с. 177]. Поэтому «выход горцев на плоскость объясняется не их желанием включиться в “интеграционный проект” империи, а необходимостью выживания» [2, с. 178]. Эти две крайние точки зрения, каждая из которых имеет свою аргументацию, несколько упрощают ситуацию, сложившуюся на Северном Кавказе в ходе войны.

В исторической литературе также имеются разночтения, связанные с началом формирования такого явления, как обретение «*немирными горцами*» статуса «*мирных горцев*». Упоминается, что «начало 1850-х годов отмечено случаями массового исхода жителей Чечни из высокогорных районов на плоскостные территории, подконтрольные российской администрации» [2, с. 177]. Нам представляется, что процесс исхода начался как минимум десятилетием раньше. По крайней мере, именно в 1840 г. факты выхода горцев к Кавказской линии уже системно фиксировались в документах.

Власти, естественно, были заинтересованы в том, чтобы таких мирных горцев становилось как можно больше. В июне 1840 г. Николай I, по ходатайству начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, «высочайше повелеть соизволил: горцев, *добровольно являющихся* на Черноморской береговой линии, причислять с их семьями в Войско Донское и наряжать на службу по очереди в полки, кроме тех, кои будут назначаемы в Отдельный Кавказский корпус» [2, с. 177].

В последующих документах оговаривались материальные преференции, на которые могли рассчитывать мирные горцы: «16 декабря 1840 г. и 15 мая 1841 г. Высочайше повелено: 1. ... горцы <...> поступающие в Войско Донское водворены быть должны» на земли, выделенные решением Наказного атамана; 2. Для оседлого водворения мирных горцев предполагалось «выдавать в пособие из сумм Государственного Казначейства каждому семейству: а. Безвозвратно: 1. На построение жилищ по 23 р. 50 к.; 2. На покупку хлеба для посевов 20 р.; 3. На заведение плугов с принадлежностями 11 руб.; б. Заимообразно – на покупку волов, разного рода скота и хозяйственных принадлежностей по 125 руб. на 4 года; бессемейным горцам при водворении их на Дону выдавать в пособие от казны по 6 руб. сер. каждому» [3, л. 4]. Это очень важный документ, свидетельствующий, что перешедшие в статус мирных горцев могли рассчитывать на довольно щедрую материальную поддержку властей. И именно этот фактор на протяжении десятилетий служил прочным фундаментом шедших интеграционных процессов.

Однако уже в сентябре 1841 г. в это высочайшее решение потребовалось внести коррективы. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Е.А. Головин¹ ходатайствовал: «1. О распространении означенного Высочайшего повеления и на горцев, *добровольно являющихся* на Кавказской линии и в других местах; 2. О дозволении <...> добровольно являющихся горцев <...> *поселять и в Кавказском крае*, если высылка их в Донское Войско по каким-либо уважительным причинам была бы признана не удобною» [3, л. 1об.]. Это было связано с тем, что местные начальники «беспрестанно поступают к нему представлениями о разрешении селить выходцев из гор *в аулах покорных нам горцев*, и некоторые из них, уподобляясь обстоятельствами дозволили уже таковое водворение в покорных аулах и испрашивают на оное утверждения» [3, л. 2].

Дело в том, что после отправления вышедших к русским на Дон, «число их постепенно уменьшается, и многие из них, узнав, что они не могут оставаться в Черномории, а будут отправлены далее во внутрь России, предпочли за лучшее снова возвратиться в горы; а генерал-адъютант Граббе, что высылка горцев на Дон, остановит их в искательстве нашего покровительства» [3, л. 2]; с учетом того, что «безусловное восприятие поселений на Кавказе добровольно являющихся горцев, есть мера, удаляющая их от нас». Кроме того, такая политика «не согласуется с Высочайшею волею о том, чтобы Главные Начальники <...> *привлекали горцев всеми зависящими от них способами к изъявлению нам добровольной покорности*» [3, л. 2].

¹ Головин Евгений Александрович (1782–1858) – с 30 ноября 1837 г. по 25 октября 1842 г. занимал должность командира Отдельного Кавказского корпуса и Главноуправляющего гражданской частью и пограничных дел в Грузии, Армении и Кавказской области. 1 июля 1839 г. получил чин генерала от инфантерии.

Поскольку в ходе ожесточенных боевых действий горские аулы сравнивались с землей, то наряду с мирными горцами возникла проблема *пленных горцев*. Их статус был совершенно иным и поэтому к ним применяли довольно жесткие меры. Например, в высочайших повелениях (19 апреля и 19 июля 1840 г. и 29 января 1841 г.) был предусмотрен вариант решения судьбы пленных горцев из захваченных аулов, которых предполагалось «выселить вместе с семьями в г. Новочеркасск с их семьями, и поэтому горцев сих распределять в *арестантские роты инженерного ведомства, а детей мужского пола определять в батальоны военных кантонистов, а женского в Московский воспитательный дом*» [3, л. 3].

Это было жесткое решение, поэтому довольно быстро его скорректировали. 10 августа 1842 г. последовало уточнение: «в дополнении Монаршей воли, объявленной в 1840 г., чтобы *всех горцев, взятых в плен, отправлять в Новочеркасск*». Во-первых, детей пленных горцев, «имеющих более 7 лет, распределять согласно последующему об них повелению, а *жен их с прочими малолетними детьми оставлять в Войске Донском и устраивать их там по распоряжению Наказного Атамана*»; во-вторых, «если захвачены будут в плен женщины без мужей, старики и обоюго пола дети горцев, всякого возраста, то всех их отправлять также в Новочеркасск, и из них мальчиков и девочек от 7 и более лет помещать в вышеозначенные заведения, а *прочих оставлять так же в войске Донском и Наказному Атаману давать им там надлежащее устройство*»; в-третьих, «пересылаемых с Кавказа в Новочеркасск горцев, снабжать в пути одеждою, обувью и кормовыми деньгами, по распоряжению местного Начальства, на общем положении о ссыльных арестантах» [3, л. 4].

Возвращаясь к мирным горцам, следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что число вышедших с гор было очень скромным (на 28 октября 1842 г. общее число добровольно явившихся горцев составило до 40 чел.), переписка об их дальнейшей судьбе шла на самом высоком уровне, поскольку все прекрасно понимали, что с этого небольшого числа мирных горцев формируется новый путь выхода из военного противостояния.

Это понимание вылилось в настоятельную просьбу генерала от инфантерии Е.А. Головина селить добровольно вышедших горцев «*в аулах покорных нам горцев в Кавказском крае*», поскольку «высылка горцев на Дон остановит их в искательстве нашего покровительства» [3, л. 2].

Николай I доверял своим военачальникам, и в 1842 г. последовало очередное высочайшее повеление: «Поселение горцев в пределах края разрешать *с крайнюю осмотрительностью* и о *каждом подобном разрешении* доводить до Высочайшего ЕИВ сведения (!!! – авт.)». При таком решении «о поселении выходцев из горцев в покорных нам аулах» местных начальников обязывали «строжайше наблюдать, чтобы поселение это находилось позади наших линий» и поселение производить только «с согласия обществ, и чтобы, наконец, выходцы сии не поколебали спокойствия и покорность в мирных горцах» [3, л. 5].

С учетом высочайшего повеления кавказская администрация должна была регулярно составлять и отправлять в Петербург ведомости добровольно перешедших горцев и принятых в число покорных. Первая такая ведомость была составлена по апрель 1843 г. В ней было три строки: 1. «При каких именно укреплениях и деревнях поселены»; 2. «Число душ, прибывших <...> в исходе февраля с Высочайшего повеления “О разрешении селить горцев на Кавказе”»; 3. «Число душ, водворение коих состоялось по получению Высочайшего повеления». При этом во всех трех строках шла разбивка на мужчин и женщин. В графах перечислялись населенные пункты, предназначенные для расселения.

В первой ведомости было указано 8 населенных пунктов. Впоследствии число деревень и укреплений менялось, среди них, например, упоминались: «при крепости Грозной»; дер. Старо-Сунженская; укрепление Умахан-Юрт; в дер. Куче-Юртовской; дер. Сарачаган-Юрт; дер. Яген-Юртовская; дер. Аксаевская. Всего в первой ведомости было указано 302 мужчины и 214 женщин; во второй – 114 мужчин и 106 женщин. Итого 416 мужчин и 320 женщин [3, л. 8]. В последующих ведомостях число населенных пунктов и количество добровольно перешедших горцев менялось (табл. 1).

Таким образом, с июня 1843 г. по ноябрь 1844 г. число выходцев с гор составило 466 чел., вскоре перешедших в статус мирных горцев и расселенных в различных населенных пунктах Кавказа.

Таблица 1

**Число «добровольно перешедших горцев»
 / The number of “mountaineers moved voluntarily”**

Месяц/год	Число населенных пунктов	Число вышедших с гор		
		М	Ж	Итого
Июнь 1843 г.	4	73	48	121
Июль 1843 г.	7	34	20	54
Август 1843 г.	5	9	2	11
Октябрь 1843 г.	5	22	9	31
Март 1844 г.	3	22	14	36
Апрель 1844 г.	3	8	5	13
Июнь 1844 г.	4	22	15	37
Июль 1844 г.	6	48	30	78
Сентябрь 1844 г.	5	7	4	11
Октябрь 1844 г.	7	28	28	56
Ноябрь 1844 г.	5	11	7	18
Всего	54	284	182	466

В ходе этого переселения случались чрезвычайные ситуации. Например, в ноябре 1844 г. командир Отдельного Кавказского корпуса направил рапорт Военному министру: «1 октября вы бежали из гор в форт Вельяминовский два черкеса племени натухайцев: Бахан-Бороко-уко и Шеуфим-Шоокух-уко. Люди эти уличены соплеменником в сношениях с русскими и в передаче казенных бумаг из одного укрепления в другое. Они были схвачены и проданы туркам в неволю, от коих успели бежать и явились к воинскому начальнику форта Вельяминовского». Далее указывается, что «горцы пострадали от преданности русскому правительству» и просят «разрешения на поселение их, по их желанию, в одном из черкесских аулов» [3, л. 14]. С позволения императора (!- авт.) им позволено поселиться в одном из аулов, «но не иначе как в виде изъятия и с тем, что бы горцы эти состояли под особым надзором Наказного Атамана Черноморского Казачьего войска».

Как происходило превращение немирных в мирные горцы описано в одном из архивных дел [4, л. 1]. В феврале 1843 г. генерал-майор Р.К. Фрейтаг докладывал командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии А.И. Нейдгардту о том, что «в ночи на 21 февраля к нему прибыли старшина Мока вместе с другими товарищами, в числе 75 душ обоего пола с имуществами, и просили дозволения немедленно перейти в Закан-Юрт» и разрешить им там поселиться. Генерал запрашивал командование «могут ли переселенцы иметь на душу пользоваться беспрепятственно своею землею на левом берегу Сунжи, или же земля эта должна отойти в казну, присовокупляя, что сунженские жители непременно хотят последовать примеру Моки и даже алдинцы просили уже о принятии от них покорности и о позволении поселиться ближе к крепости». На эту просьбу генерал-майор Р.К. Фрейтаг уже дал согласие. Генерал сослался на предшественника А.И. Нейдгардта – генерал-лейтенанта В.И. Гурко, который «предписал <...> вышедшим в Закан-Юрт чеченцам не воспрещать пользоваться землею» [4, л. 1].

В свою очередь генерал А.И. Нейдгардт распорядился разрешить вышедшим чеченцам расположиться «на левом берегу реки, не объявляя, однако же им, останется ли таковая во всегдашнем их владении или нет, что же касается до устройства их домов, то генерал Гурко предписал дозволить им устроить на левом берегу только временные помещения. Когда же число вышедших в Закан-Юрт увеличится до 200 семейств или около того, то поселить аул на правом берегу Сунжи, так чтобы он мог быть обстреливаем артиллерией с батареей укрепления» [4, л. 2об.].

Точку в этой переписке поставил лично Николай I: «Сделанное распоряжение о временном водворении на левом берегу Сунжи 75 душ чеченцев обоего пола, возвратившихся в наши пре-

делу впредь до переселения 200 семейств на правый берег <...> дозволить чеченцам и на будущее время селиться небольшими хуторами на левом берегу Сунжи, чтобы впоследствии *слить эти поселения с казачьими станицами, не употребляя никаких насильственных мер для принуждения их к перемене религии*; большие же чеченские селения Его Величество разрешает водворять не иначе как на правом берегу, под выстрелами наших укреплений» [4, л. 3].

Поскольку в 1840-х гг. шли ожесточенные бои с мюридами Шамиля, русское командование делало все возможное, чтобы поток горцев на равнины не иссякал. Постепенно мирные горцы расселялись в селениях, контролируемых русскими войсками. Эти селения подчас находились под прицелами русских пушек. Но так или иначе интеграционные процессы продолжались. Сведения о вышедших с гор собирались, но уже фрагментарно. Например, в одном из документов констатируется, что «с августа 1846 по ноябрь 1847 г. и с сего месяца по май 1849 г. означенные сведения не были сообщаемы» [5, л. 12].

С мая 1849 г. сведения начали вновь собираться регулярно и предоставляться в Военное министерство, а затем они пересылались управляющему Кавказским комитетом В.П. Буткову. Опять упоминались населенные пункты, в которых расселялись мирные горцы: при крепости Грозной в Сунженских деревнях, при укреплении Казык-Кичинском, при укреплении Закан-Юрт и т.д. (табл. 2).

Таблица 2

Добровольно перешедшие на территорию, контролируемую русскими войсками [5, л. 1] / Those who voluntarily moved to the territory controlled by Russian troops [5, p. 1]

Населенный пункт	М	Ж	Всего
<i>Май 1849 г.</i>			
При крепости Грозной в Сунженских деревнях	29	40	69
При укреплении Казык-Кичинская	7	2	9
При укреплении Закан-Юрт	94	115	209
При крепости Воздвиженской	1	0	1
При укреплении Урус-Мартан	454	445	899
Итого	585	602	1187
<i>Май 1850 г.</i>			
При укреплении Уминсн-Юрт	6	5	11
При укреплении Закан-Юрт	7	2	9
При укреплении Урус-Мартан	10	3	13
В Нижесунженских деревнях	88	102	190
В ауле ногайского князя	1	0	1
Итого	112	112	224

В июле 1850 г. в ведомости зафиксирован переход и расселение 237 мужчин и 231 женщины. Всего 468 чел. [5, л. 11]. В октябре 1850 г. – 72 мужчин и 39 женщин. Всего 111 чел. [5, л. 15].

Таким образом, с мая 1849 г. по октябрь 1850 г. по зафиксированным данным «о числе непокорных горцев, добровольно перешедших к нам» можно говорить о 1990 чел. Сверх того, в документах упоминается, что 700 душ обоего пола перешли «в последнюю зимнюю экспедицию 1849/50 г. на левом фланге Кавказской линии, о коих подробных сведений не доставлено». То есть можно вполне уверенно говорить о 2690 перешедших, приобретших статус мирных горцев.

За 1852 г. на левый фланг Кавказской линии «с покорностью и желанием вступить в подданство» вышло 883 мужчины и 858 женщин [2, с. 178].

География расселения мирных горцев была довольно обширна. В документах упоминаются укрепления: Закан-Юрт, Тамкичу, Урус-Мартан, Умахан-Юрт. Деревни и селения: Надсунженские, Старый-Юрт, Газырь, Сарачан, Константиновская (в Малой Кабарде), Каранат, Аймяках, в Кумыкском владении. Аулы: при Нестеровском укреплении, при станице Ассинской, Казачинский, Закубанский Армянский, Эльдарский Ханский, Князя Касаева, Князя Беймурзы Беймурзова, Князя Магомет Гирея Довлетьева, Князя Кати-Гирея Урусова, Князя Султана Казыгирьева, Князя Канмурзы Беймурзова, Князя Кучука Мансурова, Князя Арсынова.

Обретение статуса мирных горцев совершенно не означало начала спокойной жизни. Горцы, поселившиеся под прикрытием русских пушек, немедленно переходили в стан врагов немирных горцев со всеми выходящими последствиями. Пример тому участь чеченцев, живших в ауле Умахан-Юрт.

В начале 1850-х гг. это поселение чеченцев, перешедших в российское подданство, было малочисленным и состояло всего из 24 дворов. По этой причине умахан-юртовцы не могли вести эффективного хозяйствования для обеспечения себя даже самым необходимым. Близость к территории имамата была источником постоянной угрозы нападения со стороны немирных горцев. Находясь в таком крайне опасном положении, умахан-юртовцы просили разрешения российской администрации на переселение во внутренние аулы Кумыкской плоскости. Однако, учитывая стратегически важное местоположение Умахан-Юрта (у паромной переправы через р. Сунжу), а также ценность сведений, доставляемых его жителями о передвижении отрядов Шамиля, имперское командование оставило их на прежнем месте с условием выдачи продуктов питания из Шелкозаводского провиантского магазина [2, с. 178].

Другие поселения чеченцев, бежавших от голода и не прекращавшейся войны, также жили в обстановке постоянных военных тревог. В 1852–1853 гг. особенно страдал аул Исти-су. Российские офицеры признавались в невозможности обеспечить безопасность жителей пограничных поселений: «...войска наши, ежели действиями своими препятствуют неприятелю исполнить его намерения, то не всегда могут защищать поля, предназначенные к обработке и обеспечению выходцев» [2, с. 179].

Следует подчеркнуть, что российская администрация по-прежнему материально поддерживала вышедших горцев. Прежде всего их обеспечивали провиантом. Это была ключевая позиция. Командующий левым флангом Кавказской линии генерал-лейтенант В.М. Козловский в письме к интенданту Отдельного Кавказского корпуса генерал-майору Н.И. Вольфу от 11 июня 1852 г. писал: «...без отпуска им этого довольствия, всякое переселение из гор может прекратиться, ибо действительно переселенцы сии в первое время сами себя содержать не могут...» [2, с. 178]. Выдача провианта была организована со складов Грозненского провиантского магазина.

Таким образом, можно констатировать, что процесс выхода горцев на равнины был связан со множеством факторов: усталость от войны, внутренние раздоры среди горских элит, голод, стремление обрести хоть какую-то стабильность на фоне не прекращавшихся военных действий и проч. Безусловно, важное значение имела материальная поддержка переселяющихся, осуществлявшаяся русской администрацией в контексте интеграционной политики, последовательно и на разных уровнях проводившейся в регионе.

Список источников

1. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д.: Книга, 2006. 256 с.
2. Урушадзе А.Т. «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтальных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник / под ред. В.В. Дегоева. М.: Аспект Пресс, 2017. Т. 10 (42). С. 157–185.
3. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 348.
4. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 466.
5. РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 208.

References

1. Matveev V.A. *Russia and the North Caucasus: historical features of the formation of state unity (second half of the 19th - early 20th century)*. Rostov-on-Don: Kniga Publ.; 2006. 256 p. (In Russ.).
2. Urushadze A.T. “Real Caucasian” and others: the genesis of frontier identities in the Era of the Caucasian War. *Caucasian collection*. Ed. by V.V. Degoev. Moscow: Aspekt Press; 2017;10:157-185. (In Russ.).
3. *Russian State Historical Archive (RSHA)*. Fund 1268. In. 1. File 348. (In Russ.).
4. *RSHA*. Fund 1268. In. 1. File 466. (In Russ.).

5. RSHA. Fund 1268. In. 3. File 208. (In Russ.).

Информация об авторе

Дж.В. Умаров – кандидат политических наук, президент.

Information about the author

Dzh.V. Umarov – Candidate of Science (Political Sciences), President.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-82-90

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1944–1960-е ГОДЫ

Алла Валерьевна Шадрина

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия, bergson@yandex.ru

Аннотация. На основании комплекса делопроизводственных документов фонда Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров по Ростовской области проанализировано положение старообрядческих религиозных организаций на территории Ростовской области в 1944–1960-е гг. В годы оккупации старообрядческие общины, как и другие религиозные организации на территории Ростовской области и СССР, начали открывать церкви и молитвенные дома. Из многообразия старообрядческих согласий, прекративших свое существование в донском регионе в 1930-е гг., возобновили богослужебную жизнь только старообрядцы Белокриницкого согласия и беспоповцы. После учреждения Совета по делам религиозных культов в Ростовской области было зарегистрировано 4 церкви и молитвенных дома сторонников Белокриницкого согласия и 2 молитвенных дома беспоповцев. Благодаря учреждению Донецко-Донской и Кавказской епархии приходы Белокриницкого согласия были подчинены епархиальной власти и беспрепятственно получали духовенство. Как у старообрядцев, приемлющих иерархию, так и у беспоповцев священники военного и послевоенного времени происходили из среды старообрядцев, но не имели специального духовного образования. В отличие от Белокриницкого согласия небольшие по числу прихожан общины беспоповцев локализовались исключительно вокруг отдельных уставщиков. После их смерти приходы распадались и снимались с регистрации. Институционализация согласия, приемлющего Белокриницкую иерархию, стала определяющим фактором развития данного направления старообрядчества и постепенного угасания разных толков беспоповского направления, имевших распространение на Дону в дореволюционный период.

Ключевые слова: Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров, старообрядчество, Белокриницкое согласие, Донецко-Донская и Кавказская епархия, беспоповцы, старообрядческое духовенство, уставщики

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

Для цитирования: Шадрина А.В. Старообрядчество в Ростовской области в 1944–1960-е годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 82–90.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

OLD BELIEF IN ROSTOV OBLAST IN 1944-1960

Alla V. Shadrina

Federal Research Center Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia, bergson@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of a set of clerical records from the fund of the Plenipotentiary Board for Religious Cults at the Rostov Oblast Council of People's Commissars, this article analyzes the state of the Old Believers' religious organizations on the territory of Rostov Oblast in the period from 1944 to 1960. During the years of fascist occupation, the Old Believers' communities, as well as other religious organizations in Rostov

Oblast and in the USSR, began opening churches and meetinghouses. From the various Old Believers' confessions which ceased to exist in the Don region in the 1930s, only the Old Believers of the Belaya Krinita confession and the Bespopovtsy recommenced their divine service. After the Board for Religious Cults had been established in Rostov Oblast, there were registered 4 churches and meetinghouses of the Belaya Krinita confession believers and 2 meetinghouses of the Bespopovtsy. Due to the establishment of the Donetsk-Don and Caucasus Eparchy, the churches of the Belaya Krinita confession became subordinated to the eparchial power and got their priesthood with no obstructions. During the war and in the post-war period, priests of both the Old Believers accepting the hierarchy and the Bespopovtsy had their origins in the Old Believers' community but did not have any special seminary education. Unlike the Belaya Krinita confession, some Bespopovtsian communities with small groups of parishioners became exclusively established round individual canon setters. After they died, their churches became dissociated and lost registration. The confession institutionalization for the Belaya Krinita hierarchy became the governing factor for the development of this specific Old Believers' movement and for gradual decay of various Bespopovtsian confessions which had been widely spread in the Don region in the pre-revolutionary period.

Keywords: Board for Religious Cults at the Council of People's Commissars, Old Believers, Belaya Krinita confession, Donetsk-Don and Caucasus eparchy, Bespopovtsy, Old Believers' priesthood, canon setters

Acknowledgements: the publication was prepared within the framework of the implementation of the State Research Center of the Russian Academy of Sciences, project No. AAAAA20-120122990111-9.

For citation: Shadrina A.V. Old Belief in Rostov Oblast in 1944-1960. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):82-90. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Принятый 26 сентября 1997 г. Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» не только подтвердил изменившийся на постсоветском пространстве концепт государственно-церковных отношений, но и обосновал право на существование в Российской Федерации различных религиозных организаций. Принятие данного законодательного акта стало одной из причин возрождения интереса к такому традиционному направлению в русском христианстве, как старообрядчество. Особенный интерес вызывает его история в Ростовской области – регионе до 1920 г. бывшим вторым по численности сторонников старых обрядов. Если дореволюционный период истории донского старообрядчества сегодня исследован в достаточной степени, то такой аспект, как особенности его возрождения после уничтожения в советский период, остается малоизученным, что позволяет говорить об актуальности поставленной проблемы.

Историография старообрядчества в советский период в Ростовской области сегодня остается изученной в незначительной степени. Это обусловлено интересом исследователей либо к общим вопросам политики государства в отношении религиозных организаций, в которых в том числе затрагивается судьба старообрядческих общин [1–3], либо к крупным соглашениям старообрядчества, получившим распространение в послевоенный период [4–6], либо к истории отдельных толков в регионах [7]. Относительно истории приходов Древлеправославной церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию в донском регионе, представляют интерес исследования О.Ю. Редькиной [8–12], Н.В. Пискунова [13] и К.Р. Мухаметшиной [14], в которых акцентируется внимание на формировании Донецко-Донской и Кавказской епархии Древлеправославной церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию, и ее иерархах.

Источниковую базу настоящего исследования составляет комплекс не введенных в научный оборот регистрационных дел старообрядческих церквей и молитвенных домов, зарегистрированных уполномоченным Советом по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров (с 1946 г. – Совет министров) СССР по Ростовской области в период с 1944 по 1948 г. Поскольку данный вид источников формировался государственным учреждением, их репрезентативность не вызывает сомнения.

Цель настоящей статьи – на основании изучения архивных источников показать, что после закрытия всех старообрядческих храмов и молитвенных домов в донском регионе в 1930-х гг. в годы Великой Отечественной войны в Ростовской области началось возобновление деятельности

старообрядческих согласий как приемлющих священство, так и беспоповцев. Однако институционализация согласия, приемлющего Белокриницкую иерархию (учреждение Донецко-Донской и Кавказской епархии Древлеправославной церкви), стала определяющим фактором развития данного направления старообрядчества, включившего в себя в том числе беглопоповцев, и постепенного угасания разных толков беспоповского направления, имевших распространение на Дону в дореволюционный период.

На юге России старообрядчество имело непростую судьбу. В Области войска Донского его сторонники до установления советской власти (1920 г.) составляли 5 % населения [15, с. III, 82]. В их число входили согласия, признающие священников: беглопоповцы, Белокриницкое (Австрийское) согласие, и беспоповцы, не признающие священников: поморцы, поморцы-брачники, средники [16, с. 806–810]. В результате проведения советской политики в отношении религиозных организаций к 1940 г. все старообрядческие согласия в донском регионе были фактически уничтожены. Это выразилось в закрытии храмов и молитвенных домов, прекращении деятельности епархиальных советов. Миграционные процессы, связанные в том числе с репрессиями, стали причиной рассредоточения населения старообрядческих хуторов, которые локализовались по принципу совместного проживания последователей одного и того же согласия.

Великая Отечественная война стала мощным стимулом для возвращения в повседневную жизнь населения СССР традиционных религиозных ценностей. Как отмечалось в многочисленных исследованиях современных историков, после начала Великой Отечественной войны на территории СССР происходит стихийное возрождение религиозной жизни [3, 17, 18]. В отличие от других регионов в Ростовской области этот процесс начался только в период оккупации. С 8 октября 1941 г. до 30 августа 1943 г. здесь были открыты 240 православных храмов [19, с. 174]. Богослужения возобновились и в старообрядческих общинах, преимущественно собиравшихся в молитвенных домах.

Активное проявление богослужebной жизни различных религиозных организаций поставило вопрос о необходимости изменения государственно-церковных отношений. Были учреждены два государственных органа – Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР, цель которых – регистрация и осуществление контроля деятельности религиозных организаций. С 1944 по 1948 г. после появившейся возможности легализовать свою деятельность в Ростовской области по инициативе групп старообрядцев были открыты и зарегистрированы общины шести церквей и молитвенных домов. Из них к старообрядцам Белокриницкого согласия относились: Покрово-Ильинский кафедральный собор общины старообрядцев г. Ростова-на-Дону [20–24], церковь Успения Пресвятой Богородицы хут. Курган Азовского района [25], Покрово-Никольская община станицы Манычской Багаевского района [26] и Никольский молитвенный дом г. Морозовска [27]. К согласию беспоповцев – молитвенный дом хут. Камышин Константиновского района [28] и молитвенный дом старообрядцев-беспоповцев хут. Кавалерка Егорлыкского района [29].

Поскольку процесс становления Донецко-Донской и Кавказской епархии Древлеправославной церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию, связанную с деятельностью Покрово-Ильинского кафедрального собора общины старообрядцев г. Ростова-на-Дону, в достаточной мере освещен [12, 14], представляют интерес попытки возрождения старообрядчества в других населенных пунктах Ростовской области.

Последователи старых обрядов, приемлющих Белокриницкую иерархию, после ростовского Покрово-Ильинского кафедрального собора активизировались в хут. Курган Азовского района Ростовской области. Успенская церковь, представляющая собой типовое церковное здание, сохранившееся до сегодняшних дней, была открыта старообрядческим верующим населением хутора в период фашистской оккупации [25, л. 75]. 3 декабря 1944 г. община была зарегистрирована уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Ростовской области Н.М. Ендаковым [25, л. 3]. Заявление на регистрацию подписали 22 человека [25, л. 8]. Старообрядческая община этого храма была второй по численности после Покрово-Ильинского собора г. Ростова-на-Дону. В 1954 г. в сведениях, поданных священником И. Хуторским уполномоченному Совета по делам религиозных культов по Ростовской области, было указано, что в храме насчитывается 318 прихожан [25, л. 63].

До 1947 г. священники в Успенскую церковь назначались архиепископом Московским и всея Руси Иринархом (Парфеновым), а с 1947 г. – иерархами Донецко-Донской и Кавказской епархии Древлеправославной церкви. Так, после возобновления богослужений первым священником Успенской церкви архиепископом Иринархом был назначен священник Иван Иванович Силкин [25, л. 5]. И.И. Силкин происходил из донских земель, с XVIII в. заселенных старообрядцами. Он родился в 1903 г. в хут. Каменском Пятиизбянской станицы. Священный сан принял в 1926 г. [25, л. 9 об.], рукоположен в сан священника в 1931 г. [25, л. 17]. Согласно анкете, в 1933 г. был осужден и приговорен к 8 годам исправительно-трудового лагеря. Наказание отбывал в Астраханском ИТЛ, после чего вернулся к выполнению священнических обязанностей в Ростовской области в декабре 1942 г. [25, л. 9]. Вторым священником Успенской церкви был назначен Иван Вавилович Хуторской, 1883 года рождения [25, л. 47]. Этот священник, как он сам свидетельствовал, был рукоположен в священный сан в 1916 г. старообрядческим епископом Донским [25, л. 47].

Старообрядческая церковь хут. Курган не избежала волны закрытий в период «хрущевской оттепели». 15 октября 1959 г. исполком Азовского райсовета депутатов трудящихся принял решение «об удовлетворении ходатайства Азовского района об изъятии церкви старообрядческой общины и передаче ее под начальную школу» [25, л. 75]. Согласно заключению уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Ростовской области Н.М. Ендакова, до начала 1959 г. церковь из-за малых доходов действовала с перерывами, а в апреле 1959 г. служитель культа «также по причине незначительных доходов сбежал, не сдав уполномоченному справки о регистрации» [25, л. 75]. Вероятнее всего, последнее утверждение Н.М. Ендакова носило идеологический характер.

Начиная с 1959 г. верующие-старообрядцы, посещавшие Успенскую церковь в хут. Курган, неоднократно писали письма во все советские инстанции с просьбой вернуть храм [25]. Несмотря на противостояние верующих, в старообрядческой церкви был открыт клуб. Как сообщал Н.М. Ендакову председатель Азовского райисполкома, «изъятое здание бывшей старообрядческой церкви в хуторе Курган переоборудовано под клуб, в котором демонстрируются кинофильмы и выступают кружки художественной самодеятельности» [25, л. 170].

Тем не менее постоянные обращения старообрядцев позволили на 3 года задержать принятие окончательного постановления Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР о снятии с регистрации старообрядческого религиозного общества Белокриницкого согласия хут. Курган [25, л. 166].

После закрытия Успенская церковь больше не открывалась как старообрядческий храм. В 2000-х гг. она была передана Русской православной церкви.

Одним из традиционно заселенных старообрядческим населением районов Ростовской области является ст. Манычская. В дореволюционный период она была крупным центром старообрядчества на Нижнем Дону. В начале XX в. здесь проживали 972 старообрядца, признающих священников, и 554 беспоповца [30, л. 61 об.]. После закрытия всех церквей и молитвенных домов в 1930-е гг. Покрово-Никольский старообрядческий молитвенный дом Белокриницкого согласия ст. Манычской возобновил богослужебную жизнь, вероятнее всего, в оккупационный период. Заявление о регистрации деятельности манычские старообрядцы подали только в 1946 г. В заявлении о регистрации список общины, в котором были указаны все персональные данные, составил 125 человек [26, л. 6–7 об.]. 15 апреля 1946 г. община приобрела отдельный дом для молитвенных собраний, стоимость которого составила 16 000 руб. [26, л. 13]. Кандидатом в священники Покрово-Никольского молитвенного дома был зарегистрирован Терентий Стефанович Севастьянов, проживавший в Ростове-на-Дону [26, л. 15]. В сан священника был рукоположен 7 января 1947 г. [26, л. 71].

Анализ автобиографий старообрядческих священников Никольского молитвенного дома [26] показал, что все они происходили из старообрядческих семей, но не из семей священников. Никто из них не получил специального семинарского образования. Все клирики были рукоположены в священный сан иерархами Донецко-Донской и Кавказской епархии Древлеправославной церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию. Скорее всего, благодаря неукоснительному соблюдению правил служения, оговоренных уполномоченными Советом по делам религиозных

культов по Ростовской области (запрет крещения детей без регистрации и согласия родителей, запрет совершать требы без регистрации в молитвенном доме и др.), Никольский молитвенный дом не был закрыт в годы хрущевской «оттепели». Также, несмотря на политику по отношению к религиозным организациям, внутри общины не были зафиксированы внутренние споры.

Первое ходатайство от старообрядцев Белокриницкого согласия об открытии молитвенного дома в г. Морозовске Ростовской области, несмотря на то что они не прекращали богослужебную жизнь с 1911 г., поступило уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Ростовской области в декабре 1949 г. В обращении старообрядцы сообщали представляющие интерес сведения о том, что старообрядческая община в Морозовске начала свою деятельность с 1911 г. [27, л. 81]. В том же году старообрядцы на свои средства построили деревянную церковь. В 1936 г. по решению Морозовского райисполкома она была разобрана и увезена [27, л. 19]. Однако община старообрядцев не прекратила свое существование и продолжала совершать богослужения «на дому» [27, л. 19]. Заявление морозовских старообрядцев о регистрации было отклонено Ростовским облисполкомом, поскольку они предполагали занять под молитвенный дом бывший жилой флигель 28 кв. м [27, л. 1], не соответствовавший санитарным нормам для молитвенных помещений.

После смерти в 1948 г. священника Д. Ершова, который возглавлял общину на протяжении длительного времени, старообрядцы оказались в сложном положении. Наряду с непрекращающимися попытками Морозовского райисполкома ликвидировать общину, епископ Донецко-Донской и Кавказский Иннокентий (Силкин) отказывался назначать в приход священника, мотивируя свое решение тем, что община не зарегистрирована уполномоченным [27, л. 162]. С этого года «верующие и без постоянного священника не прекращали религиозной деятельности. Они приглашали так называемых уставщиков и священников, которые исполняли религиозные обряды и бесконтрольно руководили религиозной деятельностью этого общества» [27, л. 161]. При этом община продолжала ходатайствовать о регистрации.

Несмотря на «приобретение во временное пользование» молитвенного дома, Совет по делам религиозных культов 21–22 февраля 1950 г. принял решение «об отклонении ходатайства старообрядцев в гор. Морозовске» [27, л. 54]. Получив решение Совета от уполномоченного, старообрядцы не намеревались сдаваться. До 1955 г. они обращались с жалобами в различные советские инстанции [27, л. 74–75, 76–77, 81–83], мотивируя необходимость регистрации общины тем, что их молитвенный дом, который продолжал действовать, посещает 700 человек, а ближайшие старообрядческие церкви находятся только «в г. Ростове-на-Дону и на Маныче», что составляет 400 км от Морозовска и делает невозможным их посещение морозовскими старообрядцами. Только в 1953 г. от старообрядцев поступило 23 жалобы об отказе в регистрации, а в 1954 г. – 18 заявлений [27, л. 162].

В период хрущевских гонений на религиозные организации в 1955 г. морозовские старообрядцы добились желаемого – 7 июля 1955 г. на заседании Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР было принято весьма нехарактерное для данного периода постановление: «Разрешить уполномоченному Совету при Каменском облисполкоме зарегистрировать фактически существующее, имеющее молитвенное здание религиозное общество старообрядцев Белокриницкого согласия в г. Морозовске» [27, л. 188]. В том же году епископ Донецко-Донской и Кавказский Иннокентий (Силкин) назначил настоятелем Никольского молитвенного дома Белокриницкого согласия г. Морозовска протоиерея И.И. Силкина [27, л. 145].

Делопроизводственная документация, вошедшая в регистрационное дело Никольского молитвенного дома г. Морозовска, содержит справку о незарегистрированной группе верующих старообрядцев Белокриницкого согласия в г. Морозовске [27, л. 213]), дающую представление о количестве старообрядческих церквей и молитвенных домов в Ростовской области в советский период. Согласно этому документу, до 1954 г. здесь существовало 16 старообрядческих церквей и молитвенных домов: в Ростове-на-Дону 2 церкви, в Новочеркасске – 2 церкви, по одной церкви – в станицах Орловской, Морозовской, Обливской, Цимлянской, Манычской, в хуторах Курган, Малый Западенский, Морозов, Дурновский, Павлов, Вислов, Кагальник [27, л. 213]. Учитывая, что в делопроизводстве уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Ростовской

области не существует регистрационных дел на перечисленные молитвенные дома, за исключением шести, остальные религиозные общества старообрядцев не были зарегистрированы.

Как видно, церкви и молитвенные дома, принадлежавшие к Белокриницкому согласию, были объединены единым епархиальным управлением и подчинялись единому иерарху, что во многом уравнивало их положение с положением православных церквей Ростовской области. Из четырех зарегистрированных общин в 1954–1964 гг. (период хрущевских гонений) была закрыта только одна Успенская церковь в хут. Курган Азовского района. Остальные три общины продолжили свое существование.

Если положение приходов Древлеправославной церкви Белокриницкого согласия в донском регионе на протяжении последних лет вызывало интерес в среде исследователей, то история беспоповских согласий в советский период не выступала в качестве предмета исследования.

Как и подавляющее большинство религиозных организаций Ростовской области, старообрядцы-беспоповцы вернулись к богослужебной жизни в период оккупации и подали документы для регистрации уполномоченным Советом по делам религиозных культов после окончания Великой Отечественной войны. Михайловский молитвенный дом старообрядцев-беспоповцев хут. Камышин Константиновского района был зарегистрирован уполномоченным Советом по делам религиозных культов 25 мая 1946 г. [28, л. 4]. При регистрации членами исполнительного органа (церковной двадцатки) было заявлено 22 человека [28, л. 6]. Возглавил общину в качестве старообрядческого начетчика житель хутора Агап Андреевич Камышин, 1874 года рождения [28, л. 9], сын старообрядческого начетчика того же хутора [28, л. 34].

Вскоре после регистрации начался распад общины. В ответ на запрос уполномоченного о выплата процентов с доходов 8 ноября 1946 г. начетчик сообщил, что «общее количество членов молящихся по старообрядческой вере всего 5 старух и 3 старика по причине ввиду голода, а поэтому доходу нет никакого, а поэтому денег нет» [28, л. 17]. Как следствие, 18 апреля 1949 г. заключение о необходимости снятия с учета молитвенного дома старообрядцев-беспоповцев принял Ростовский облисполком, а 14 мая 1949 г. постановление о закрытии было принято на заседании Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Причиной снятия с регистрации было обозначено прекращение деятельности общины [28, л. 18].

Община старообрядцев-беспоповцев в хут. Кавалерка начала богослужебную деятельность в 1941 г. [29, л. 15]. Заявление о регистрации Успенской церкви [29, л. 28] старообрядцев-беспоповцев было подано уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров по Ростовской области в декабре 1946 г. [29, л. 2]. Зарегистрирована община была в мае 1947 г. [29, л. 19]. В общину входило 22–23 человека [29, л. 19]. Начетчиком общины был Назар Миронович Дурнев. Он родился в 1892 г. в с. Жуковка Песчанокоспского района Ростовской области. Работал в колхозе, в т.ч. в годы оккупации [29, л. 14 об.]. О своем образовании он писал в анкете: «Что же религиозность воспита старообрядцев беспоповцев. Живя в кругу обществ старовер и обрядов изучил по навыку старших себя стариков, что в данное время работаю наставником в хуторе Кавалерке по своему обряду. Одновременно числюсь членом артели колхоза имени Калинина» [29, л. 14 об.]. Как сообщал уполномоченный Н.М. Ендаков в Совет по делам религиозных культов, «по сообщению Егорлыкского райисполкома настоятель общины Дурнев, в доме которого проводились молитвенные собрания, умер в 1955 г., после чего община постепенно стала распадаться и в настоящее время в ней осталось 7 человек» [29, л. 19]. Община старообрядцев-беспоповцев была снята с регистрации «в связи с распадом» 31 мая 1960 г. [29, л. 18].

Как видно, общины старообрядцев, не объединенные при помощи единого епархиального управления, зависели исключительно от личности начетчика, который совершал богослужения. Как только начетчик умирал, община теряла объединяющее начало и прекращала существование, а снятие с регистрации уже понималось как формальный факт констатации совершившегося прекращения деятельности религиозного общества.

Итак, после закрытия в 1930-х гг. всех старообрядческих церквей и молитвенных домов в донском регионе в годы оккупации началось стихийное возвращение старообрядческих сообществ к богослужебной жизни. После учреждения Совета по делам религиозных культов при

Совете народных комиссаров старообрядческие религиозные общества подали документы на регистрацию. В результате были зарегистрированы четыре церкви и молитвенных дома старообрядцев Белокриницкого согласия, в послевоенный период объединенные в Донецко-Донскую и Кавказскую епархию Древлеправославной церкви, и два молитвенных дома старообрядцев-беспоповцев. Помимо этого, значительное число старообрядческих молитвенных домов Белокриницкого согласия продолжили свою деятельность на территории Ростовской области без регистрации, что исключило возможность проследить историю их деятельности в советский период. Институционализация согласия, приемлющего Белокриницкую иерархию, стала определяющим фактором развития данного направления старообрядчества и постепенного угасания разных толков беспоповского направления, имевших распространение на Дону в дореволюционный период.

Список источников

1. *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. 540 с.
2. *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РАГС, 1995. 222 с.
3. *Одинцов М.И., Кочетова А.С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2014. 317 с.
4. *Чибисов А.В. (игумен Мануил).* Отношение Российского правительства к факту учреждения Белокриницкой иерархии // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 2 (апрель – июнь). С. 114–118.
5. *Чибисов А.В. (игумен Мануил).* Тенденции развития Древлеправославной церкви в СССР (1941–1949 гг.) // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1 (19). С. 39–46.
6. *Чибисов А.В. (игумен Мануил).* Условия существования Древлеправославной церкви в СССР (1950–1988 гг.) // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 3 (июль – сентябрь). С. 258–262.
7. *Приль Л.Н.* Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в конце XIX – 80-х гг. XX века (опыт реконструкции жизнедеятельности) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 233 с.
8. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке : сб. документов и материалов; каталог культовых зданий / сост. О.Ю. Редькина и Т.А. Савина. Волгоград: Издатель, 2002. 536 с.
9. *Редькина О.Ю.* Влияние Великой Отечественной войны на религиозную ситуацию на юге РСФСР: на материалах Нижней Волги и Дона // Народ. Война. Победа : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новороссийск, 2015. С. 118–124.
10. *Редькина О.Ю.* Религиозное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1941–1945 годы // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : в 2 ч. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2015. Ч. 1. С. 105–114.
11. *Редькина О.Ю.* Староверы Нижней Волги и Дона в XIX–XX вв. // Российская история. 2012. № 4. С. 15–27.
12. *Редькина О.Ю., Пискунов Н.В.* Донецко-Донская и Кавказская епархия Древлеправославной церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию, в документах архивов Российской Федерации // Русский архив. 2016. № 12, ч. 2. С. 169–187.
13. *Пискунов Н.В.* Трансформация государственной политики в России XX в. по отношению к старообрядцам и сектантам Нижней Волги и Дона : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2022. 207 с.
14. *Мухаметшина К.Р.* Донское старообрядчество в послевоенное время (1945–1953) // Русская старина. 2016. № 18, ч. 2. С. 147–153.
15. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Область войска Донского. СПб., 1905. 255 с.

16. Шадрина А.В. Состояние старообрядческого раскола в Области Войска Донского в начале XX в. // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XX Междунар. науч. конф. (Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г.). Иваново: Ивановский ун-т, 2021. С. 806–810.

17. Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 624 с.

18. Кринко Е.Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. 2015. № 1 (13). С. 98–112.

19. Табуницикова Л.В. Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60), ч. I. С. 172–174.

20. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 16.

21. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 17.

22. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 18.

23. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 19.

24. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 20.

25. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 3. Д. 31.

26. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 106.

27. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 142.

28. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 3. Д. 29.

29. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 3. Д. 30.

30. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11752. Т. 1.

References

1. Odintsov M. I. *Power and Religion during the War (The State and Religious Organizations in the USSR during the Great Patriotic War 1941-1945)*. Moscow: Russian Association of Religious Researchers Press; 2005. 540 p. (In Russ.).

2. Odintsov M. I. *Religious organizations in the USSR on the eve and during the Great Patriotic War of 1941-1945*. Moscow: Russian Academy of Public Administration Press; 1995. 222 p. (In Russ.).

3. Odintsov M.I., Kochetova A.S. *Confessional policy in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941-1945*. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga; Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2014. 317 p. (In Russ.).

4. Chibisov A.V. (igumen Manuil). The attitude of the Russian government to the fact of the establishment of the Belokrinskaya hierarchy. *Vestn. Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University*. 2011;17(2):114-118. (In Russ.).

5. Chibisov A.V. (igumen Manuil). Trends in the development of the Old Orthodox Church in the USSR (1941-1949). *Vestn. Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Bulletin of the Volgograd State University. History. Regional Studies. International Affairs*. 2011;(1):39-46. (In Russ.).

6. Chibisov A.V. (igumen Manuil). Conditions for the existence of the Old Orthodox Church in the USSR (1950-1988). *Vestn. Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University*. 2011;17(3):258-262. (In Russ.).

7. Pril' L.N. *Old Believer Communities of Priketye and Chulymye in the late 19th - 80s of 20th century (experience of reconstruction of life activity)*. Dissertation. Tomsk, 2002. 233 p. (In Russ.).

8. Red'kina O.Yu., Savina T.A., comp. *The State and Religious Organizations of the Lower Volga and Don in the 20th Century: Collection of Documents and Materials; Catalog of religious buildings*. Volgograd: Izdatel' Publ.; 2002. 536 p. (In Russ.).

9. Red'kina O.Yu. The influence of the Great Patriotic War on the religious situation in the south of the RSFSR: on the materials of the Lower Volga and Don. *Narod. Voyna. Pobeda*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945. Novorossiysk, 2015:118-124. (In Russ.).

10. Red'kina O.Yu. Religious revival in the Lower Volga and Don in 1941-1945. *Military history of Russia: problems, searches, solutions*. Proceedings of Internat. Scien. Conf., devoted to 70th anniversary of World War 2 Victory. Volgograd: Volgograd State University Press; 2015;(1):105-114. (In Russ.).

11. Red'kina O.Yu. Old Believers of the Lower Volga and Don in the 19-20th centuries. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. 2012;(4):15-27. (In Russ.).

12. Red'kina O.Yu., Piskunov N.V. Donetsk-Don and Caucasian diocese of the Old Orthodox Church, accepting the Belokrinitzky hierarchy, in the documents of the archives of the Russian Federation. *Russkii arkhiv = Russian Archive*. 2016;(12-2):169-187. (In Russ.).

13. Piskunov N.V. *Transformation of state policy in Russia in the 20th century. in relation to the Old Believers and sectarians of the Lower Volga and Don*. Dissertation. Stavropol, 2022. 207 p. (In Russ.).

14. Mukhametshina K.R. Don Old Believers in the post-war period (1945-1953). *Russkaya starina = Russian Antiquity*. 2016;(18-2):147-153. (In Russ.).

15. *The first general census of the Russian Empire in 1897. The region of the Don Host Region*. St. Petersburg, 1905. 255 p. (In Russ.).

16. Shadrina A.V. The state of the Old Believer schism in the Don Cossack Region at the beginning of the 20th century. *State, Society, Church in the history of Russia 20th-21st centuries*. Proceedings of XX Intern. Scient. Conf. Ivanovo: Ivanovo University Press; 2021:806-810. (In Russ.).

17. Kovalev B. *Everyday life of the population of Russia during the Nazi occupation*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 2011. 624 p. (In Russ.).

18. Krinko Ye.F. Religious life in the rear and at the front during the Great Patriotic War. *Vestn. Orenburgskogo gos. ped. un-ta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. 2015;(1):98-112. (In Russ.).

19. Tabunshchikova L.V. Quantitative analysis of the opening of Orthodox churches and prayer houses in the occupied territory of the Rostov region during the Great Patriotic War. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*. 2015;(10-I):172-174. (In Russ.).

20. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund R-4173. In. 6. File 16. (In Russ.).

21. *SARR*. Fund R-4173. In. 6. File 17. (In Russ.).

22. *SARR*. Fund R-4173. In. 6. File 18. (In Russ.).

23. *SARR*. Fund R-4173. In. 6. File 19. (In Russ.).

24. *SARR*. Fund R-4173. In. 6. File 20. (In Russ.).

25. *SARR*. Fund R-4173. In. 3. File 31. (In Russ.).

26. *SARR*. Fund R-4173. In. 6. File 106. (In Russ.).

27. *SARR*. Fund R-4173. In. 6. File 142. (In Russ.).

28. *SARR*. Fund R-4173. In. 3. File 29. (In Russ.).

29. *SARR*. Fund R-4173. In. 3. File 30. (In Russ.).

30. *SARR*. Fund 226. In. 3. File 11752. Vol. 1. (In Russ.).

Информация об авторе

A.B. Шадрина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

A.V. Shadrina – Candidate of Science (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 13.11.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

Original article

UDC 338.24

doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-91-97

ANALYSIS OF COUPLING RELATIONSHIP BETWEEN E-COMMERCE AND REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHINA

Zhang Chong

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 1043168992@qq.com,

ORCID: 0000-0002-6065-2786

Abstract. The study uses the entropy method and coupling coordination model to analyze the relationship between e-commerce level and regional economic development. Based on this, the real data on the E-commerce level and regional economic development in China in 2016-2020 are used for empirical analysis. The results show that the comprehensive development index of China's e-commerce and regional economic system is increasing year by year. They have demonstrated a very high coupling degree, and the coupling coordination degree is increasing year by year. At present, two analyzed indicators have entered the primary coupling coordinated stage, and will soon step into the moderate coupling coordinated stage. Therefore, developing e-commerce is of great significance to promoting regional economic development in China.

Keywords: e-commerce level, regional economic development, entropy method, coupling coordination model, sustainable development

For citation: Zhang Chong. Analysis of Coupling Relationship between E-Commerce and Regional Economic Development of China. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):91-97. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Научная статья

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИЕЙ И РЕГИОНАЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ КИТАЯ

Чжан Чун

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 1043168992@qq.com,

ORCID: 0000-0002-6065-2786

Аннотация. В исследовании используется энтропийный метод и модель координации сопряжения для анализа взаимосвязи между уровнем электронной коммерции и региональным экономическим развитием. Исходя из этого, для эмпирического анализа использованы данные об уровне электронной коммерции и региональном экономическом развитии Китая в 2016–2020 гг. Результаты показывают, что комплексный индекс развития электронной коммерции и региональной экономической системы Китая из года в год увеличивается. Данные показатели демонстрируют очень высокую степень связи, при этом степень координации связи увеличивается с каждым годом. В настоящее время оба анализируемых показателя вступили в стадию координации первичной связи и вскоре перейдут в стадию координации умеренной связи. Следовательно, развитие электронной коммерции имеет большое значение для содействия региональному экономическому развитию Китая.

Ключевые слова: уровень электронной коммерции, региональное экономическое развитие, энтропийный метод, координационная модель сопряжения, устойчивое развитие

© Zhang Chong, 2022

Для цитирования: Zhang Chong. Analysis of Coupling Relationship between E-Commerce and Regional Economic Development of China // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 91–97.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Introduction

At present, China's e-commerce industry develops strongly and has become one of the most dynamic industries. The status of e-commerce industry is constantly improving, making more and more contributions to regional economic growth and social development. At the same time, the rapid development of regional economy also gives strong support to the further promotion of e-commerce.

Given the driving role of e-commerce in regional economic development, the academic circle has conducted a lot of valuable exploration on the mechanism between the two. Brookes and Wahhaj (2001) studied the macroeconomic impact of B2B e-commerce on The United States, Japan, The UK and France [1].

Through an empirical analysis of economic and trade data of Multilateral OECD countries, Jaehwa (2012) believed that e-commerce provided strong support for the growth of international trade [2].

Rana and Davoud (2016) believe that e-commerce has a direct impact on residents' consumption and small and medium-sized enterprises, thus indirectly promoting regional economic development [3].

Shen, Zhang and Wang (2018) taking Anhui Province of China as an example, analyze the effect of e-commerce on national economic growth [4].

Zhang and Hao (2016) used cluster analysis and variance analysis to find that e-commerce level is the main factor that causes regional differences in e-commerce development [5].

The researches above provide practical guidance for e-commerce and economic development, but there is no systematic study on the mutual relationship and influence mechanism between e-commerce and regional economic development. Therefore, based on the existing research, this paper introduces the system coupling theory, and calculates the coupling and coordination degree between them by coupling coordination model. Based on this, the coupling relationship between e-commerce level and regional economic development in China is analyzed with panel data from 2016 to 2020, in order to provide theoretical reference for China to explore how e-commerce drives economic development.

Research methods and process

Research methods

System coupling theory is a research method to analyze the interrelation between multiple systems, and this paper uses it to analyze the internal relationship between e-commerce and regional economic development. Coupling degree model analyzes the degree of mutual influence between e-commerce development level and regional economic development, and coupling coordination degree model analyzes the degree of coordinated development between the two. On the basis of analyzing the relationship between them, the evaluation index system is constructed. Then the entropy method is used to calculate the weight of each evaluation index, and the coupling degree and coupling coordination degree of e-commerce and regional economy are calculated according to the coupling model.

Construction of index system

Indicators must be consistent, objective, accessible and systematic [6]. As for the measurement indicators of e-commerce level, the author referred to the indicator system of authoritative scholars Tang (2015) [7]. As for the measurement indicators of regional economic development, the author selected GDP, per capita GDP, and total value of tertiary industry. Accordingly, a rating index system of coupling relationship between e-commerce level and regional economic development is established, as shown in Table 1.

Process of data processing

The first step is to put the original data in the matrix form of $X = (X_{ij})_{m \times n}$, $i=1,2,3... n$; $j=1,2,3... m$, M - refers to the evaluation object, n - refers to the evaluation index, and X_{ij} in the matrix represents the observed value under the jth index of the ith evaluation object.

Table 1 / Таблица 1

Index system of coupling relationship between e-commerce level and regional economic development / Индексная система взаимосвязи между уровнем электронной коммерции и региональным экономическим развитием

Target	Level indicators	The secondary indicators
Coupling coordination of E-commerce level and regional economic	Regional economic development	X11 Regional GDP
	U1	X12 Per capita GDP
	E-commerce level	X13 Total value of tertiary industry
	U2	X21 Number of Internet users
		X22 Mobile phone ownership
		X23 Computer ownership
		X24 Number of Network domain names
		X25 Number of sites
		X26 Delivery volume
		X27 Income of delivery
	X28 Employment scale of e-commerce	
	X29 E-commerce transaction volume	
	X210 Online retail transaction volume	

Evaluation indexes with different properties are standardized according to the following two calculation formulas.

$$Y_{ij} = \frac{X_{ij} - \min X_{ij}}{\max X_{ij} - \min X_{ij}} \text{ Positive efficacy index} \tag{1}$$

$$Y_{ij} = \frac{\max X_{ij} - X_{ij}}{\max X_{ij} - \min X_{ij}} \text{ Negative efficacy indicators}$$

X_{ij} is the original value of the indicator, and Y_{ij} is the standardized value of the indicator.

The second step is to calculate the proportion of the measurement index.

$$H_{ij} = \frac{Y_{ij}}{\sum_{i=1}^m Y_{ij}} \tag{2}$$

The third step is to calculate the information entropy of the measurement index.

$$e_j = -\frac{1}{\ln m} \sum_{i=1}^m H_{ij} * \ln H_{ij} \tag{3}$$

The fourth step is to calculate the difference coefficient of the measurement index.

$$K_i = 1 - e_j \tag{4}$$

The fifth step is to calculate the weight of the measurement index.

$$W = \frac{K_i}{\sum_1^m K_i} \tag{5}$$

The sixth step, use linear weighted method to calculate the comprehensive evaluation index of e-commerce level and regional economy.

$$U_i = \sum_{i=1}^m Y_i * W_i, U_j = \sum_{j=1}^n Y_j * W_j \tag{6}$$

Building the coupling coordination model.

According to the coupling model in physics, the author constructs the coupling model of “e-commerce level + regional economic development”.

$$C = \sqrt{\frac{U_1 * U_2}{(\frac{U_1 + U_2}{2})^2}} = \frac{2\sqrt{U_1 * U_2}}{U_1 + U_2} \tag{7}$$

In the formula, C ∈ [0, 1] . It represents the coupling degree between e-commerce level and regional economic development. The higher the C value is, the higher the coupling degree is.

Coupled coordination model:

$$D = \sqrt{C * T} \tag{8}$$

$$T = \alpha * U_1 + \beta * U_2 \tag{9}$$

D is coupling coordination degree. It represents the degree of harmony and consistency of subsystems of the measured system, reflecting the trend of the system from disorder to order. The evaluation criteria are as shown in Table 2.

There is the comprehensive evaluation index of e-commerce level and regional economic development. α and β are undetermined coefficients. In this article, the system of e-commerce is considered to be equally important as the regional economic system. Therefore, both α and β are assigned a value of 0,5.

Table 2 / Таблица 2

Evaluation criteria for coupling coordination model / Критерии оценки модели координации связи

Value range of D	Degree of coupling coordination
$0,0 \leq D \leq 0,2$	Extreme imbalance
$0,2 < D \leq 0,4$	Moderate imbalance
$0,4 < D \leq 0,6$	Primary coupling coordination
$0,6 < D \leq 0,8$	Moderate coupling coordination
$0,8 < D \leq 1,0$	Good coupling coordination

Research results

This article uses entropy weight method and coupling coordination model to analyze the coupling coordination of e-commerce and regional economic system in China from 2016 to 2020. The data are from The National Bureau of Statistics [8] and the China Internet Network Information Center [9]. Accordingly, the measurement index data of e-commerce level and regional economic development are established, and the normalized data by entropy weight method are shown in Table 3.

Table 3 / Таблица 3

Standardized measurement index data of e-commerce level and regional economic development of China / Данные стандартизированного индекса измерения уровня электронной коммерции и регионального экономического развития Китая

		2016	2017	2018	2019	2020
Regional economic system	X11	0,0001	0,2820	0,5746	0,8917	1,0001
	X12	0,0001	0,2898	0,5919	0,8934	1,0001
	X13	0,0001	0,2457	0,5029	0,8905	1,0001
	X21	0,0001	0,1581	0,3775	0,6688	1,0001
	X22	0,0001	0,3463	0,8792	1,0001	0,9726
	X23	0,8589	1,0001	0,3766	0,2707	0,0001
E-commerce system	X24	0,3345	0,0424	0,0001	1,0001	0,3114
	X25	0,4334	1,0001	0,8890	0,6001	0,0001
	X26	0,0001	0,1687	0,3732	0,6191	1,0001
	X27	0,0001	0,2040	0,4282	0,7310	1,0001
	X28	0,0001	0,2174	0,4171	0,6055	1,0001
	X29	0,0001	0,2755	0,4978	0,7841	1,0001
	X210	0,0001	0,3059	0,5832	0,8294	1,0001

According to Table 3 and formula (5), calculate the weight value of e-commerce level and regional economic development measurement index. Accordingly, the weight table of China's e-commerce level and regional economic development measurement indicators from 2016 to 2020 is established, as shown in Table 4 below.

According to Table 4 and formulas (7) and (8), the relevant data of the coupling degree and coupling coordination degree of E-commerce level and regional economy in China during 2016-2020 are calculated, as shown in Table 5.

Table 4 / Таблица 4

Weight values of e-commerce level and regional economic development indexes in China / Весовые значения уровня электронной коммерции и индексы измерения регионального экономического развития в Китае

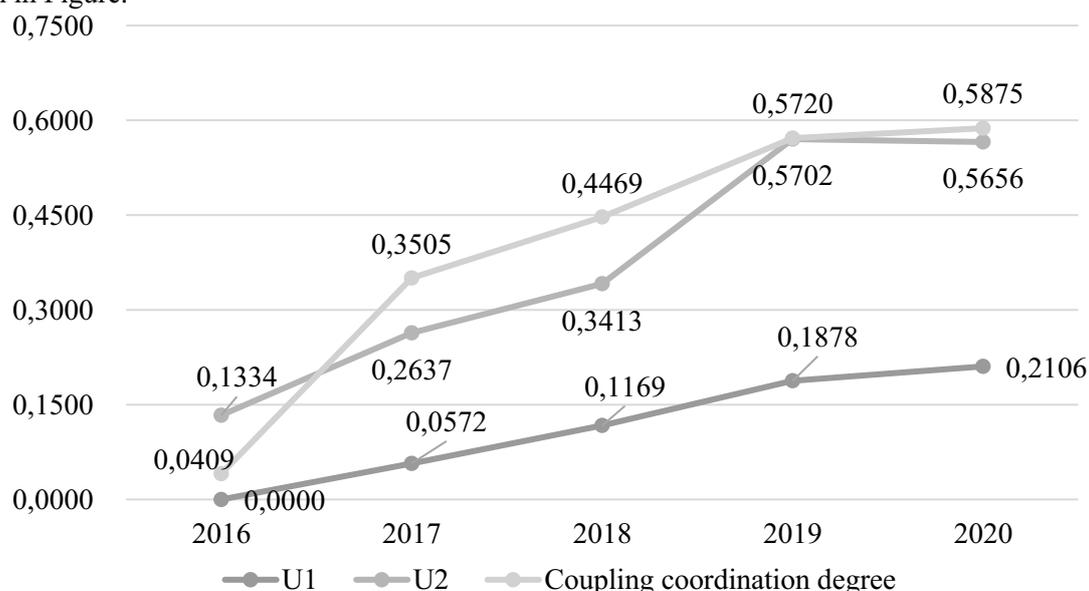
Measurement index	Weight						
X11	0,0688	X21	0,0868	X24	0,1253	X27	0,0789
X12	0,0679	X22	0,0629	X25	0,0594	X28	0,0778
X13	0,0738	X23	0,0765	X26	0,0856	X29	0,0701
						X210	0,0662

Table 5 / Таблица 5

Measurement index of coupling and coordination between E-commerce level and regional economic development in China / Индекс измерения связи и координации между уровнем электронной коммерции и региональным экономическим развитием Китая

Year	U1	U2	Coupling degree	Coupling coordination degree	Coupling coordination evaluation
2016	0,0000	0,1334	0,0251	0,0409	Extreme imbalance
2017	0,0572	0,2637	0,7655	0,3505	Moderate imbalance
2018	0,1169	0,3413	0,8718	0,4469	Primary coupling coordination
2019	0,1878	0,5702	0,8634	0,5720	Primary coupling coordination
2020	0,2106	0,5656	0,8893	0,5875	Primary coupling coordination

In order to directly reflect the coupling and coordination relationship between e-commerce level and regional economic development, this paper draws the coupling and coordination development trend, as shown in Figure.

Coupling and coordination trend of E-commerce level and regional economic development in China. *Source:* compiled by the author / Тенденция взаимосвязи и координации уровня электронной коммерции и регионального экономического развития в Китае. Составлено автором

According to Figure, as time goes by, the coupling coordination degree between China's e-commerce level and regional economy is on the rise, indicating that the both indicators have a dynamic coupling and coordinated development relationship, and the degree of coordinated development is getting higher and higher, and is gradually moving from primary coordination to moderate coordination.

At the same time, the comprehensive development index of China's e-commerce system and regional economic system also shows an increasing trend year by year, indicating that China's e-commerce and economic development in recent years has been in a period of rapid growth. The comprehensive development index of China's e-commerce system is generally higher than that of regional economic system, except in 2016. This shows that China's e-commerce development is relatively rapid, e-commerce to a certain extent to promote the development of regional economy. This is related to the development of China's information technology and the government's policy of vigorously promoting the development of e-commerce.

Conclusion

The article takes e-commerce and regional economic development as the research object, and establishes the index system of China's e-commerce level and regional economic development. The coupling degree and coupling coordination degree are calculated by entropy method and coupling coordination model, and the relationship between them is analyzed by empirical analysis.

The analysis results show that the level of e-commerce and the level of regional economic development in China during the period of 2016-2020 both show an increasing trend, and the coupling degree and coupling coordination degree of the two show an increasing trend. This shows that e-commerce and regional economy in China are mutually promoting.

E-commerce can promote the development of regional economy, and the development of regional economy provides better conditions for e-commerce. However, the coupling coordination degree of the two is currently in the primary stage. It is necessary to vigorously develop e-commerce to promote the development of regional economy in the future.

References

1. Brookes M., Wahhaj Z. The Economic Effects of Business to Business Internet Activity. *National Institute Economic Review*. 2001;175(1):121-127, <https://doi.org/10.1177/002795010117500109>.
2. Jaehwa L. Network effects on international trade. *Economics Letters*. 2012;116(2):199-201.
3. Rana D.A., Davoud N. The Impact of E-commerce and R&D on Economic Development in Some Selected Countries. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2016;(229):354-362.
4. Shen X., Zhang G. B., Wang Q. Q. Analysis of coupling coordination between e-commerce level and regional economic development taking Anhui Province as an example. *Journal of Heilongjiang Institute of Technology*. 2018;18(3):6.
5. Zhang H., Hao T. L. Evaluation of regional E-commerce development level in China based on entropy method. *Journal of Xi'an University of Posts and Telecommunications*. 2016;(9):88-94.
6. Zhang X. X., Wang M. C., Gao Q. Y. Dynamic evolution analysis of the coupling and coordinated development of agricultural e-commerce and logistics. *Jiangsu Agricultural Sciences*. 2019;47(15):63-67.
7. Tang Y. H. Development level and spatial differentiation of E-commerce in China. *Economic Geography*. 2015;(5):9-14.
8. *National Bureau of Statistics. China Statistical Yearbook*. 2017-2021. Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> [Accessed 10th September 2022].
9. *China Internet Network Information Center. The 47th Statistical Report on Internet Development in China*. 2021. Available from: <http://www.cnnic.net.cn/> [Accessed 10th September 2022].

Список источников

1. Brookes M., Wahhaj Z. The Economic Effects of Business to Business Internet Activity // National Institute Economic Review. 2001. Vol. 175(1). P. 121–127. <https://doi.org/10.1177/002795010117500109>.
2. Jaehwa L. Network effects on international trade // Economics Letters. 2012. Vol. 116 (2). P. 199–201.

3. Rana D. A., Davoud N. The Impact of E-commerce and R&D on Economic Development in Some Selected Countries // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2016. № 229. P. 354–362.
4. Shen X., Zhang G. B., Wang Q. Q. Analysis of coupling coordination between e-commerce level and regional economic development taking Anhui Province as an example // J. of Heilongjiang Institute of Technology. 2018. Vol. 18(3). P. 6.
5. Zhang H., Hao T. L. Evaluation of regional E-commerce development level in China based on entropy method // J. of Xi'an University of Posts and Telecommunications. 2016. № 9. P. 88–94.
6. Zhang X. X., Wang M. C., Gao Q. Y. Dynamic evolution analysis of the coupling and coordinated development of agricultural e-commerce and logistics // Jiangsu Agricultural Sciences. 2019. Vol. 47 (15). P. 63–67.
7. Tang Y. H. Development level and spatial differentiation of E-commerce in China // Economic Geography. 2015. № 5. P. 9–14.
8. National Bureau of Statistics. China Statistical Yearbook. 2017–2021. URL: [http:// www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/](http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/) (дата обращения: 10.09.2022).
9. China Internet Network Information Center. The 47th Statistical Report on Internet Development in China. 2021. URL: <http://www.cnnic.net.cn/> (дата обращения: 10.09.2022).

Information about the author

Zhang Chong – Master of Business Administration, Postgraduate Student, Faculty of Management.

Информация об авторе

Чжан Чун – магистр бизнес-администрирования, аспирант, факультет управления.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-98

Екатерина Гавриловна Гежа
(к юбилею коллеги)

Personalities

Ekaterina Gavrilovna Gezha
(for the Anniversary of a Colleague)

Дорогая Екатерина Гавриловна!

Сердечно поздравляем Вас с днем рождения, желаем крепкого здоровья, долгих лет жизни, энергии, счастья и благополучия. Пусть успех и удача сопутствуют Вам во всем!

Екатерина Гавриловна Гежа занимала должность заместителя главного редактора журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» в 2002–2015 гг. Это были без преувеличения годы расцвета российской научной периодики. Наш журнал не стал исключением, большая заслуга в этом процессе принадлежит Е.Г. Геже.

Родилась Екатерина Гавриловна в г. Грозном 18 ноября 1947 г. После окончания в 1974 г. исторического факультета Ростовского государственного университета она была принята на работу в Издательство Ростовского государственного университета, затем переведена в редакционно-издательский отдел Северо-Кавказского научного центра высшей школы, непосредственно в редакцию журнала «Известия СКНЦ ВШ». Здесь Екатерина Гавриловна проработала много лет на различных должностях, пройдя путь от корректора до заместителя главного редактора журнала, вкладывая массу энергии и сил в любимое дело. Одновременно она занималась также вопросами координации издательской деятельности на Северном Кавказе и организацией региональных книжных выставок, а также продвижением публикаций отечественных ученых для издания за рубежом.

Почти сорок лет Екатерина Гавриловна отдала РГУ (ныне Южный федеральный университет) и показала себя великолепным организатором, инициативным и творческим работником, в дальнейшем и руководителем, способным оперативно решать возникающие проблемы, самостоятельно принимать решения. Она неоднократно поощрялась руководством за активное участие в выполнении производственной деятельности, пропаганду достижений науки и техники, имеет почетную грамоту Министерства образования Российской Федерации (2000 г.).

За время работы заместителем главного редактора журнала Екатериной Гавриловной решено немало производственных и технических задач, в том числе связанных с поддержанием его статуса (нахождение в Перечне ВАК и новые требования к изданиям).

Екатерина Гавриловна во многом определяла творческое лицо журнала, бережно работала с авторским контингентом, привлекая молодых ученых из глубинки, поддерживая их первые опыты в науке. Ее чувство языка и литературный вкус оказывали свое благотворное воздействие на работы как молодых, так и уже опытных исследователей. Сколько нужных книг и статей нашли свое место в академическом мире благодаря ее таланту и профессионализму!

Отличное знание научной жизни вуза и научных направлений ведущих специалистов университета позволяли Е.Г. Геже формировать редакционный портфель журнала таким образом, что он вызывал интерес не только у ученых и исследователей Северо-Кавказского региона, но и у читателей всей России, ближнего и дальнего зарубежья. Она также является автором ряда статей, научных публикаций, рецензий на книги.

Екатерина Гавриловна – не только профессионал в издательском деле, но и яркая творческая личность, она обладает неподражаемым чувством юмора, душевностью и добротой. Сотрудники и коллеги всегда могли рассчитывать на сочувствие и понимание с ее стороны, нужный совет, помощь словом и делом, несмотря на постоянную занятость. Тем не менее эти качества не мешали ей быть твердой в решении принципиальных и важных вопросов, касающихся жизни редакции журнала.

И хотя в настоящее время Екатерина Гавриловна проживает с семьей в Москве, мы чувствуем ее незримое присутствие в нашей редакционной жизни, ее надежное плечо по-прежнему поддерживает нас в любых ситуациях!

Коллектив редколлегии и редакции журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион»

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-99-105

**В.Ф. Ларин – видный донской революционер,
председатель Азово-Черноморского крайисполкома Советов¹**

Personalities

**V.F. Larin – prominent Don revolutionary,
Chairman of the Azov-Black Sea Regional Executive Committee of Soviets**

Виталий Филиппович Ларин (1895–1937) родился в семье учителя казачьего происхождения. Казакон он не был, но рос в казачьей среде. Окончил Усть-Медведицкое реальное училище, поступил на горный факультет Донского политехнического института (будущий НПИ им. Орджоникидзе). В 1914 г. вступил в РСДРП(б). Во время Октябрьской революции инженер Ларин был председателем подпольного революционного комитета белоказачьего Новочеркасска. Как делегат Первого съезда Советов Дона был избран членом ЦИК Донской республики. В качестве военного комиссара в Хопёрском округе успешно мобилизовал население против немецких интервентов и белых. Как коренный житель Области Войска Донского, он очень хорошо знал условия края и контрреволюционные боевые возможности казачества. Став членом Хоперского окружного парткома и трибунала, председателем Балашовского отделения Донского бюро ЦК РКП(б), он без колебаний проводил в жизнь требования советской власти в разгар Гражданской войны. У него не было иллюзий о скором и массовом переходе казачества на сторону советской власти. В ответ на белоказачью политику дебольшевизации края и белого террора Ларин вместе с Болдыревым и Рогачевым проводил политику расказачивания. Работая комиссаром в Особом Донском конном корпусе и наблюдая в корпусе под командованием Ф.К. Миронова шатания и колебания по политическим вопросам, он требовал их прекращения и наказания виновников. Считается, что именно такая решительная деятельность Ларина в корпусе Ф.К. Миронова стала одним из поводов для казаков корпуса поднять мятеж против большевизма и самовольно выступить из Саранска на Дон. Скорее всего, Ларин ускорил сознательно вызревание мятежа, что позволило советскому командованию подавить его с меньшими усилиями. Затем Ларин участвовал в формировании уже Кавказской казачьей дивизии на Южном фронте. Он был комиссаром в отряде Красной армии, занявшем Новочеркасск в январе 1920 г. Став здесь чрезвычайным комиссаром по борьбе с контрреволюцией, он возглавил Черкасский (Новочеркасский) окружной комитет партии. Но представляя округ на первой областной партийной конференции, он подверг критике коммунистов, предлагавших в новых условиях продолжать борьбу с казачеством «огнем и мечом».

После окончания Гражданской войны Ларин работал в должности секретаря Донского областного комитета партии, продуктивно занимался восстановлением народного хозяйства. Его направили на Дальний Восток, где избрали делегатом X съезда партии. Вскоре ЦК приняло решение о его переброске, как партийца с геологическим образованием, в Донбасский регион, и Ларин занялся восстановлением шахт, созданием рудоуправлений. Современники считали, что успех в возрождении угольного района во многом был связан с организаторскими способностями и целеустремленностью Ларина на посту управляющего угольным районом [1, с. 65].

После окончания Гражданской войны Ларин работал в должности секретаря Донского областного комитета партии, продуктивно занимался восстановлением народного хозяйства. Его направили на Дальний Восток, где избрали делегатом X съезда партии. Вскоре ЦК приняло решение о его переброске, как партийца с геологическим образованием, в Донбасский регион, и Ларин занялся восстановлением шахт, созданием рудоуправлений. Современники считали, что успех в возрождении угольного района во многом был связан с организаторскими способностями и целеустремленностью Ларина на посту управляющего угольным районом [1, с. 65].

¹ В основу положен очерк из книги: *Кислицын С.А.* Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, и деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х гг. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2022. 511 с.

В архиве сохранилось письмо Ларина к Орджоникидзе от 12 октября 1929 г. по поводу клеветных обвинений в использовании служебного положения в Донбассе в личных целях, присвоении стажа подпольной партийной работы, буржуазном окружении. Приведем отрывок из письма с ответами по большинству пунктов, которые освещают и биографию Ларина, и его семью, и атмосферу в стране и большевистской партии в начале 1920-х гг:

1. *В Донбассе я работал в самое трудное время, в 21–22 гг. Послан туда ЦК. Работал управляющим района при Пятакове. Обстановка и драка, какая была в Донбассе при уходе Пятакова, тебе известна. Чубарь и Максимов относились ко мне недоверчиво, как работавшему с Пятаковым, подозревая меня политическим союзником взглядов Пятакова, чего не было. Я ушел учиться. Тов. Чубарь сделал попытку оставить меня на работе. Никто меня за расхищение не снимал. Если бы хоть какой-нибудь намек на это был, то в той разгоряченной обстановке и драке это наверняка было бы использовано. Бросалось другое обвинение, а именно, что хозяйствовали скверно и мука (тогда в основном зарплата всем без исключения работникам выдавалась натурой – мукой) дала мало угля. После ухода Пятакова пытались это доказать. В ряде районов, в том числе и моем, была проверка на расхищения добычи угля. Но из этого ни черта не вышло, и попытку доказать плохое хозяйствование оставили в покое.*

2. *Мое окружение. Жена – Морозова – член партии с 1920 г. Дочь не миллионера Морозова, а дочь рабочего – старого донецкого шахтера. Старики мои живы – живут в Новочеркасске. Никакого дома они не имеют, живут на пенсии (отец долгое время был народным учителем, потом чиновником донских управлений окружных и областном, потом смотрителем больницы, затем в революционное время на разных канцелярских работах). Никогда отказываться от них не собирался. Сейчас им помогаю ежемесячно и помогал в прошлом из своего заработка. Намек на то, что расхищал хлеб и снабжал родственников, – гнуснейшая клевета. В Донбассе я был холостяком и из скудного мучного заработка отдавал остатки старикам.*

3. *О партийной работе до 1917 года. Сталкивались по работе с Амосовым (ЦК Союза ж/д), наверняка знал и слышал о моей работе через студенческие организации Сырцов. У него можно расспросить [2].*

В 1922–1924 гг. Ларин учился в Коммунистической академии в Москве. Начиная с 1924 г. и в течение десяти лет являлся членом Центральной Контрольной Комиссии РКП(б). В 1928 г. назначен председателем Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии, затем избран вторым секретарем крайкома партии, был делегатом XIV–XVII съездов партии. В этот период вместе с ним на Дону работали видные деятели П.А. Богданов и В.Н. Толмачёв, которые впоследствии подверглись репрессиям за критику политики Сталина. В годы нэпа они занимали в Ростове-на-Дону крупные советские посты.

В.Ф. Ларин поддерживал нэповскую политику, даже когда это было непринято. В своем выступлении на XVI съезде ВКП(б) по докладу Г.К. Орджоникидзе о деятельности Центральной контрольной комиссии (Рабоче-крестьянской инспекции) он сосредоточил основное внимание не на критике бухаринцев, обвиненных тогда в правом уклоне, а на конкретных народно-хозяйственных вопросах. Начал с проблемы упрощения громоздкой системы управления и создания трехзвенной системы вместо четырехзвенной. Второй вопрос, который он поднял, – «чехарда» в колхозном строительстве, борьба с нарождающимся колхозным бюрократизмом. Затем он рассмотрел вопрос об организации рабочего шефства над государственным аппаратом. Поскольку идея отвечает ленинской концепции привлечения рабочих к управлению государством, то, по мнению Ларина, ЦКК должна попытаться ее реализовать [3]. Идеалистические конструкции Ларина остались забытыми, особенно когда относительно самостоятельная ЦКК была ликвидирована Сталиным и заменена Комитетом партийного контроля при ЦК ВКП(б).

В 1932 г. В.Ф. Ларин был избран председателем Северо-Кавказского крайисполкома Советов [4]. На этом руководящем посту он проявлял себя как рассудительный управленец, чуждый экстремизму, тяготеющий к гуманизму в политике. В частности, об этом свидетельствует следующая докладная записка Ларина председателю ВЦИК М.И. Калинину от 23 мая 1933 г.: «Состояние беспризорности в крае, включая все возраста, приняло в настоящий момент угрожающий характер. За счет детей, покидающих станицы, и частично за счет детей низкооплачиваемых групп городского населения число беспризорных быстро возрастает и достигло к

1 мая по краю 16 500 чел. дошкольного, школьного и подросткового возрастов (до 16 лет), до 3 тыс. ясельного и свыше 1 тыс. беспризорных престарелых и калек, нуждающихся в немедленном их определении в учреждения интернатного типа. Существующие детдома переполнены и имеют вместо полагающихся по штату 15 тыс. свыше 17 500 чел. Свыше 30 тыс. детей нуждаются во временной продовольственной помощи... Положение с дальнейшим финансированием развернутых учреждений в настоящий момент настолько тяжелое, что краевой исполнительный комитет, не прекращая работы по мобилизации общественной помощи и средств, вынужден настоятельно просить Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет о немедленном отпуске через Деткомиссию при ВЦИК или из фонда им. Ленина 1500 тыс. руб. и завозе в край для организуемых учреждений 350–400 тыс. м мануфактуры. Председатель СК-крайисполкома Ларин» [5].

С 1934 г. в связи с изменением административного деления Ларин стал председателем вновь образованного Азово-Черноморского крайисполкома, руководившего территориями будущей Ростовской области и Краснодарского края. Он сделал доклад на 1-й краевой Азово-Черноморской конференции ВКП(б) «О задачах колхозов и совхозов в весеннем севе», в котором призывал бороться за качество сева, а не с левым и правым оппортунизмом. На XVII съезде партии он выступил с речью, в которой с технократических позиций проанализировал экономику региона. Он поставил вопрос о перестройке работы сельскохозяйственных научно-исследовательских организаций так, чтобы она была тесно увязана с МТС. Много внимания он уделил развитию животноводства, механизации работ по выращиванию технических культур, повышению урожайности и др. В духе требований Сталина он осветил проблемы колхозного движения, прежде всего на Кубани, где проявилась «классовая борьба в форме саботажа». Но для преодоления последствий этого явления Ларин рекомендовал именно развитие промышленности в крае. Он подчеркивал: «В северной части нашего вновь образованного Азово-Черноморского края, на Донщине, в бывшей вотчине и оплоте белогвардейщины, вырастают крупнейшие пролетарские центры. Ростов из спекулянтского и торгового города превратился в один из крупнейших промышленных центров. Мещанский чеховский Таганрог в корне изменился. Вырастает мощный паровозостроительный завод в Новочеркасске. Выросла каменноугольная база в Шахтинском районе, закладывается солидная база в Каменске» [6].

В период хлебозаготовительного кризиса 1932–1933 гг. Ларин вместе с Шеболдаевым пытался добиться снижения плана хлебопоставок, но был вынужден подчиниться требованиям генсека ЦК ВКП(б). Все планы были выполнены, несмотря на тяжелые последствия для сельского хозяйства края – голод, обострение социальной борьбы и т.д. В 1935 г. Ларина наградили орденом Ленина с формулировкой: «За выдающиеся успехи в области сельского хозяйства и за выполнение государственных планов по сельскому хозяйству».

Открывая в январе 1935 г. I Азово-Черноморский краевой съезд Советов, В.Ф. Ларин сказал: «Ровно 15 лет тому назад Красная армия, разгромив контрреволюционную армию Деникина, с боем заняла Ростов, этот главный оплот ставки южной контрреволюции. В борьбе за освобождение края и Ростова погибли лучшие бесстрашные бойцы и командиры 1-й конной армии, 33-й Кубанской дивизии, многих других частей Красной армии. Погибли бесстрашные бойцы подполья, такие как Мурлычев, Сидорчук, Пустынников, Селезнев. Их имена будут жить в поколениях» [7, с. 97]. Ларин и подумать не мог, что через два года его ждет похожая судьба. Он как коренной дончанин и испытанный политик пользовался огромным авторитетом в Ростове-на-Дону, что было опасно для сталинского режима. Входя в окружение первого секретаря крайкома партии Шеболдаева, Ларин разделял ряд его сомнений. Но Сталин запомнил сомнения Шеболдаева и Ларина.

В 1936 г. в Азово-Черноморском крае начались сталинские репрессии кадрового состава партии. На январском пленуме крайкома партии в 1937 г. обсуждались первые итоги арестов ростовского партактива, в частности отстранение от должности первого секретаря крайкома партии Б.П. Шеболдаева. Еще не арестованный Ларин с горечью сказал, что краевая и Ростовская городская парторганизации, имеющие за плечами немало славных страниц, крайне остро переживают эти неслыханные, из ряда вон выходящие факты: в крупнейших пролетарских ор-

ганизациях, таких как Ростовская и Таганрогская, в ростовских и таганрогских Советах, в комсомоле, на ряде крупнейших предприятий сидели враги. Он задал трагический по сути вопрос: «...почему нами проявлена такая исключительно вопиющая политическая близорукость и слепота? Где мы были? Законный вопрос. Особенно для нас, которые не один год работают в крае, знают обстановку этого края, прошли суровую выучку во время контрреволюционного саботажа». Далее он назвал реальные недостатки ряда работников, которые были репрессированы (Овчинников, Ерофицкий): пьянство, пренебрежение к советской работе, подхалимство и др. Но ни слова не сказал о фактах вредительства, терроризма и шпионажа, которых не было и в помине. Он вспомнил только дело Ронина, который допустил в крайплане просчеты при планировании, оцененные как вредительские [8], и техническую книжку некоего Григорьева, которую называли троцкистской.

Главным недостатком он назвал то, что парторганизация вовремя не перестроилась по новым требованиям Сталина. В работе крайисполкома не было политической остроты: «...мы ограничивались пустяковыми взысканиями. Необходимо продолжать выкорчевывать остатки врагов в Ростове, а также в Сочи и в Туапсе. В Новочеркасске и Шахтах далеко не все просто. ЦК дает краевой организации Евдокимова, которого она хорошо знает по той огромной роли, которую он сыграл в жизни городских организаций по Шахтинскому делу, по той роли, которую он сыграл в жизни парторганизаций во время контрреволюционного саботажа... Нет сомнения, что партийная организация края под руководством Евдокимова обеспечит и выправит те крупнейшие провалы, которые мы, и я в частности, допустили в жизни Азово-Черноморской парторганизации, неплохой в прошлом, имеющей неплохие страницы в своей жизни» [9].

Когда В.Ф. Ларин произносил эту трагическую речь, его судьба была уже решена. Он, как Шеболдаев, как всё его ближнее окружение, должен был пойти в жернова НКВД. 14 апреля 1937 г. был репрессирован заместитель Ларина Иван Трофимович Касилов, член ВКП(б) с 1918 г. На суде он от ранее данных показаний отказался и указал, что подписал ложные показания в силу применения к нему мер физического воздействия и незаконных методов ведения следствия. Касилов умер во внутренней тюрьме Управления НКВД по Ростовской области от паралича сердца 22 октября 1939 г.

Зная о предстоящем аресте Ларина, Евдокимов попросил у Сталина кандидата на должность председателя крайисполкома. 20 мая 1937 г. Сталин ответил: «Кандидата в предисполкомы края не можем и не считаем целесообразным дать. Не надейтесь на то, что Вам дадут готового работника сверху, со стороны. Ищите кандидата у себя в крае и выдвигайте снизу». Ларина арестовали 12 июня 1937 г. как активного участника мифической троцкистско-зиновьевской террористической организации по статье 58-10 Уголовного кодекса СССР. При обыске в его квартире нашли и изъяли два нагана и два браунинга, что было интерпретировано как подготовка к терактам против Сталина.

На допросах после избиений Ларин вынужденно показал, что являлся руководителем белогвардейской казачьей организации, так как был «воспитан в духе казачьих традиций и до последних дней считал казаков неизмеримо выше мужика». Ларин подписал сочиненные следствием показания о том, что подпольная казачья организация существовала с конца 1928 до начала 1929 г., что казаки и «правые» готовили вместе с троцкистами вооруженное казачье-крестьянское восстание в крае. В НКВД было принято считать, что эта антисоветская правотроцкистская группа в Азово-Черноморском крае во главе с Шеболдаевым объединяла не только «правых» и троцкистов, но и «крупнейшие антисоветские казачьи и партизано-повстанческие формирования». На самом деле документы периода Гражданской войны показывают, что Ларин интересы российского пролетариата всегда ставил принципиально выше интересов казачества и активно поддерживал рассказывание.

Для того чтобы четче представить бредовость измышлений следствия, приведем выписку из шифротелеграммы НКВД о реальном состоянии настроений казачьего населения: «Специальной проверкой настроений казачества, произведенной органами НКВД в 48 районах Азово-Черноморского края (как отстающих по с/х кампаниям, с наличием нездоровых политнастроений, так и в более благополучных и передовых по выполнению гособязательств), установлено следующее.

Основная масса колхозного казачества из быв. бедняков и середняков в настоящее время проявляет вполне здоровые производственные настроения, активно участвует в колхозной жизни, борется за крепкий колхоз и за зажиточную жизнь. Жалобы и недовольство этой части казачества обусловлены ненормальностями в работе колхозного руководства низового соваппарата и особенно плохой работой кооперации... В настроениях и деятельности к.-р. элемента из казачества вскрыты следующие характерные процессы: к.-р. кулацкие, реакционные и прочие враждебные элементы казачества на протяжении последних лет, стремясь уйти из-под нашего удара, скрыться от выселения, изолируясь в способах и методах борьбы с соввластью, маскируясь и заматывая следы старых преступлений, концентрируются в новых местах, переселяясь из станиц и хуторов на новостройки, шахты, в совхозы и т. д. Обследованием ряда районов и крупных казачьих станиц и хуторов, игравших в прошлом руководящую роль в борьбе с совластью и коллективизацией, установлено, что основная масса контрреволюционных и враждебных элементов Кубани и Дона скрылась из этих мест» [10]. То есть не было никаких особых предпосылок к казачьим мятежам и восстаниям и тем более – никакой провоцирующей деятельности краевых и областных партийных руководителей. Сами обвинения в том, что большевики организовывали антибольшевистские восстания казачества, были за пределами рассудка.

Ларин, согласно протоколу допроса, был настроен против коллективизации, не мог переносить издевательств над казаками и поэтому намеревался вступить в организацию «правых», т. е. бухаринцев. Новочеркасский профессор Белявский, которого Ларин знал с 1915 г., ему якобы советовал: «Вы и по крови и по духу казак и должны вместе с нами бороться за освобождение вольного Дона», – и Ларин по его совету немедленно вступил в казачью организацию. Членами мифической подпольной казачьей организации Ларин назвал всю верхушку красных казаков времен Гражданской войны, в том числе казачьего комиссара при ВЦИК М. Макарова и его заместителя Ф. Степанова. Туда были записаны и белогвардейские лидеры: член Новочеркасской городской думы Алексей Степанович Дьяконов; член Войскового круга Владимир Евгеньевич Дубовской; министр торговли бывшего белого Донского правительств Бондарев. Членами красно-бело-казачьего троцкистского подполья, по версии следствия, являлись практически все партийные и советские работники края, многие директора заводов и фабрик, представители интеллигенции. «Казачьим центром были получены из-за границы от весьма авторитетных источников сведения, что в 1937 году, в связи с испанскими событиями, неизбежно столкновение СССР с Германией, Италией и Японией. В связи с этим за границей делают ставку на организацию переворота в СССР». И далее: «Главная роль в организации переворота отводится казакам. Намечен следующий план: переворот организовать осенью 1937 года, когда Сталин будет находиться на отдыхе в Сочи. Группа боевиков-террористов обязательно должна убить Сталина и других отдыхающих в Сочи руководителей ВКП(б) и членов правительства. Одновременно казачьи организации поднимают восстание казаков на Дону, Кубани и в других бывших казачьих районах».

Следователи НКВД записали Ларину и другим донским большевикам в показания, что перед ними была поставлена задача вызвать недовольство людей планированием хлебозаготовок и подтолкнуть их к восстанию. Второй пятилетний план для края был составлен чисто вредительски Пивоваровым и Шеболдаевым, а капиталовложения в крае рассчитывал троцкист Мальте. Весь третий пятилетний план для края был не менее вредительски составлен тем же Шеболдаевым, Лариным и Малиновым. А старый большевик, преемник Ленина на посту Председателя СНК, Рыков, требовал от донских подпольщиков восстать не позднее лета 1937 г., чтобы поскорее убить Сталина из-за начавшихся арестов.

Ларин был застрелен в подвале внутренней тюрьмы НКВД сразу же после допроса 19 декабря по личному распоряжению заместителя народного комиссара внутренних дел СССР комкора Фриновского (впоследствии расстрелянного). В 1956 г. дополнительным расследованием было установлено, что дело по обвинению Ларина в придуманных преступлениях было настолько лживым, что он был уничтожен без каких-либо решений судебных или внесудебных органов. Просто взяли и убили. Несмотря на отсутствие юридически оформленных документов, дело было прекращено с полной государственной и партийной реабилитацией.

Жена Ларина, Екатерина Яковлевна Морозова (1898 г. р.), имела высшее образование, работала научным сотрудником в Северо-Кавказском институте экономики сельского хозяйства. Как член семьи изменника родины и за связь с троцкистами Богатыревич и Лавленским была арестована и осуждена на восемь лет. В мае 1956 г. реабилитирована.

В.Ф. Ларин был типичным представителем так называемой партийной фронды – совокупности умеренных деятелей большевистской партии, которые не являлись принципиальной оппозицией и иногда выражали собственное мнение. Такое поведение Сталин именовал двурушничеством и преследовал вплоть до фантастических обвинений в шпионаже, вредительстве. Сам Сталин так сказал о репрессированных им партийных деятелях: «Что, все шпионами были? Конечно нет. Это были кадры, которые не переварили крутого поворота в сторону колхозов... Я говорю о тех рядовых и средних троцкистах и бухаринцах, которые у нас занимали довольно серьезные посты, кто был секретарем обкома, кто – наркомом, кто – заместителем наркома. ... Они считали, что ничего из этого не выйдет, вот на этой базе мы потеряли довольно значительные кадры способных людей» [11, с. 500].

Авторитетный партийный и советский руководитель В.Ф. Ларин внес значительный вклад в развитие Донской земли в 1920–1930-е гг. В Новочеркасске и Ростове-на-Дону установлены на зданиях, где он жил, мемориальные доски в его честь.

Список источников

1. Гегузин И.М. Страницы Ростовской летописи. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1983. 176 с.
2. ЦГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 11661. Л. 11.
3. XVI съезд ВКП(б): стенограф. отчет. М.: Госиздат, 1930. С. 374–375.
4. URL: <http://rslovar.com/content/виталий-ларин-председатель-крайисполкома> (дата обращения: 22.06.2022).
5. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2012. Т. 2. С. 481–482.
6. XVII съезд ВКП(б): стенограф. отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 479.
7. Гаврилова В.Е. Виталий Филиппович Ларин // Люди земли Донской. Ростов н/Д.: Ростовское книжн. изд-во, 1983. 320 с.
8. Ронин Соломон Лазаревич (1896–1936) – член ВКП(б) с 1920 г. Заместитель председателя Азово-Черноморского крайисполкома. Начальник центра учета НКПС СССР.
9. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 365. Л. 27.
10. Спецсообщение УНКВД по Азово-Черноморскому краю о настроении населения казачьих районов края. 17 февраля 1936 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 4. С. 228.
11. Войтиков С.С. Центральный комитет: высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва: РСДРП-РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1890–1964 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 735 с.

References

1. Geguzin I.M. *Pages of the Rostov Chronicle*. Rostov-on-Don: Rostizdat Publ.; 1983. 176 p. (In Russ.).
2. *Russian State Archive of Socio-Political History*. Fund 589. In. 3. File 11661. P. 11. (In Russ.).
3. *XVI Congress of the CPSU(b)*: stenograph. report. Moscow: Gosizdat Publ.; 1930:374-375. (In Russ.).
4. Available from: <http://rslovar.com/content/виталий-ларин-председатель-крайисполкома> [Accessed 22nd June 2022]. (In Russ.).
5. *Famine in the USSR. 1929-1934*. Moscow, 2012;2:481-482. (In Russ.).
6. *XVII Congress of the CPSU (b)*: stenograph. report. Moscow: Partizdat Publ.; 1934:479. (In Russ.).
7. Gavrilova V.E. Vitaly Filippovich Larin. *People of the Don land*. Rostov-on-Don: Rostov Publishing House; 1983. 320 p. (In Russ.).
8. Ronin Solomon Lazarevich (1896-1936) - member of the All-Union Communist Party of Bolsheviks since 1920. Deputy Chairman of the Azov-Black Sea Regional Executive Committee. Head of the accounting center of the People's Commissariat of Railways of the USSR.

9. Center for Documentation of the modern History of the Rostov region. Fund 8. In. 1. File 365. P. 27. (In Russ.).

10. Special report of the UNKVD for the Azov- Black Sea Territory on the mood of the population of the Cossack regions of the region. February 17, 1936. *Soviet village through the eyes of the All-Russian Emergency Commission - United State Political Administration - People's Commissariat of Internal Affairs. 1918-1939: documents and materials: in 4 vols.* Moscow: ROSSPEN Publ.; 2012;4:228. (In Russ.).

11. Voitikov S.S. *Central Committee: the highest party leadership from Lenin and Plekhanov to Khrushchev: RSDLP-RSDLP(b)-CPSU(b)-CPSU. 1890-1964.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2019. 735 p. (In Russ.).

С.А. Кислицын,
доктор исторических наук, Южный федеральный университет

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-106-108

«Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы»: Шолоховские чтения – 2022 (ст. Вешенская, 7–9 сентября 2022 г.)

Анна Владимировна Дмитрива^{1✉}, Татьяна Осиповна Осипова²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹dmitrova@yandex.ru✉

²filippidi48@mail.ru

Для цитирования: Дмитрива А.В., Осипова Т.О. «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы»: Шолоховские чтения – 2022 (ст. Вешенская, 7–9 сентября 2022 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 106–108.

Conference materials

“The study of M.A. Sholokhov's creativity at the present stage: problems, concepts, approaches”: Sholokhov Readings - 2022 (Veshenskaya, September 7-9, 2022)

Anna V. Dmitrova^{1✉}, Tatyana O. Osipova²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹dmitrova@yandex.ru✉

²filippidi48@mail.ru

For citation: Dmitrova A.V., Osipova T.O. “The study of M.A. Sholokhov's creativity at the present stage: problems, concepts, approaches”: Sholokhov Readings - 2022 (Veshenskaya, September 7-9, 2022). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):106-108. (In Russ.).

Шолоховские чтения – 2022 проходили в ст. Вешенской в экскурсионно-выставочном центре музея-заповедника М.А. Шолохова «Народный дом». В них приняли участие ученые из Москвы, Ульяновска, Волгограда, Ростова-на-Дону, Луганска, Тулы, а также из Китая, Литвы, Болгарии, преподаватели ростовских школ, сотрудники Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова.

По сложившейся традиции перед началом работы конференции ее участники возложили цветы к могиле М.А. Шолохова и памятнику писателя на берегу Дона.

Открыла конференцию директор Музея-заповедника М.А. Шолохова О.А. Анистратенко, отметившая, что 2022 год является юбилейным для почитателей и исследователей творчества писателя: 90-летие публикации первой книги романа «Поднятая целина» и 65-летие выхода в свет рассказа «Судьба человека».

На первом пленарном заседании были заслушаны онлайн-доклады сотрудников ИМЛИ им. М. Горького, выполненные в рамках работы по исследовательскому гранту «Нобелевские лауре-

аты Б.Л. Пастернак (1958) и М.А. Шолохов (1965) в европейской кросс-культурной коммуникации. Новые материалы к истории русской литературы 1930–1960-х гг.». Ученые говорили о восприятии присуждения Нобелевской премии М. Шолохову в Италии (М.А. Ариас-Вихель), Швеции (Т.В. Марченко), Франции (Е.Д. Гальцова, С.В. Полонская), Великобритании (Д.С. Московская, рук. гранта), Болгарии (Р.В. Илчева).

Большой интерес участников конференции вызвали доклады, посвященные проблеме «Шолохов и литературный процесс 1920–1930-х годов»: «Писатель и критик. О некоторых аспектах советского литературного процесса 1920–1930-х гг.» (Н.В. Корниенко, Москва), «Журнал “На подъеме” о творчестве М.А. Шолохова. 1920 – 1930-е годы» (Л.П. Разогреева, ст. Вешенская), «Журнал “Красная новь” о произведениях М.А. Шолохова (конец 1920-х – середина 1930-х гг.)» (Е.А. Папкина, Москва), «Шолохов и “Новый мир”: к постановке проблемы» (А.С. Акимова, Москва), «М.А. Шолохов на страницах журнала “Интернациональная литература” (1933–1939 гг.)» (Л.М. Слюсаренко, ст. Вешенская).

В целом ряде выступлений ставилась проблема «Шолохов и русская литература XX в.». Здесь особо следует выделить доклад А.А. Дырдина (Ульяновск) «Михаил Шолохов и Леонид Леонов в восприятии литературной критики и литературной науки», в котором подробно рассматривались воззрения отечественных литературоведов и критиков на сходство и различие в творчестве этих выдающихся прозаиков XX в. О своеобразии решения М.А. Шолоховым и Л.М. Леоновым темы Гражданской войны как психологической катастрофы размышлял В.С. Воронин (Волгоград). Интерес вызвал и доклад Г.Н. Воронцовой (Москва) «Михаил Шолохов и Исаак Бабель: переключки сюжетов и образов», в котором подробно рассматривалась связь между рассказами «Шибалково семя» и «Соль», а также намечалось сходство сюжетов и коллизий «Тихого Дона» и «Конармии». Проблеме поиска пути в условиях Гражданской войны было посвящено выступление Е.В. Лобановой (Тула).

Среди выступлений, посвященных непосредственно романам М.А. Шолохова, следует выделить доклад Е.А. Костина (Вильнюс) «О мифологической основе шолоховского мимесиса», в котором исследователь обратился к мифологическому сознанию как одному из главных инструментов изучения романного творчества писателя. О восприятии «Тихого Дона» в Аргентине говорила Н.А. Дворяшина (Сургут), представившая в своем выступлении статью русской эмигрантки Е. Спиридоновой, сосредоточившей внимание на этических, психологических и патристических мотивах романа. Опыт работы над научным изданием «Поднятой целины» поделился Ю.А. Дворяшин (Сургут), отметивший что это уникальное издание содержит «отрецензированный» в соответствии с авторским замыслом текст романа, обширный комментарий, а также список «чужеродных» правок. Комиксной адаптации «Тихого Дона» художником-эмигрантом первой волны С. Соловьевым посвятила свое выступление А.В. Дмитрова (Ростов-на-Дону).

Большая часть представленных докладов была посвящена теме Великой Отечественной войны в творчестве М.А. Шолохова. О традициях глав романа «Они сражались за родину» в военной прозе 1950-х гг. говорила Т.О. Осипова в докладе «“Они сражались за родину” М.А. Шолохова и “окопная проза”: “Пядь земли” Г.Я. Бакланова». Различным аспектам изучения рассказа «Судьба человека» были посвящены доклады С.А. Васильева (Москва) «В Гражданскую войну был в Красной Армии, в дивизии Киквидзе (О возможной встрече Андрея Соколова и Григория Мелехова)», Т.В. Ушаковой (Ростов-на-Дону) «Особенности изображения героя в “Науке ненависти” и “Судьбе человека” М. Шолохова», Е.Л. Райхлиной (Тула) «Сила духа как выражение русского национального характера в рассказе М.А. Шолохова “Судьба человека”».

Традиционно изучение творчества М.А. Шолохова было представлено исследователями, рассмотревшими особенности языка писателя в лингво-культурологическом аспекте. Своими наблюдениями над ассоциативными связями слов семантического поля «путь/дорога» поделилась Л.Б. Савенкова (Ростов-на-Дону) в докладе «Слово как маркер осмысления реальности в “Поднятой целине”». О специфике использования топонимов в романе «Тихий Дон» говорила Н.О. Григорьева (Ростов-на-Дону). Д.В. Ларкович (Сургут) посвятил свой доклад особенностям передачи чужой речи в повествовательной структуре «Поднятой целины».

Интерес участников вызвали выступления, посвященные публицистическому наследию М.А. Шолохова. В докладах Д.В. Поля (Москва) «“С чего начинается Родина...”: выступления и

письма М. А. Шолохова 1960 – 1970-х гг.», И.Г. Минераловой (Москва) «Общественно-политическое лицо писателя Михаила Александровича Шолохова и творческая индивидуальность», А.Н. Цыцур (ст. Вешенская) «Борьба за умы и сердца: “Ничьей молодежи не может быть” главное внимание уделялось гражданской позиции писателя. Естественным продолжением этого стал круглый стол «Шолохов-гражданин в творчестве и общественной жизни», проведенный в финале конференции.

Участники конференции с интересом приняли доклады специалистов смежных дисциплин: адвоката А.С. Крючкова (Майкоп) «Система права донских казаков», искусствоведа Т.Г. Сухо-руковой (Ростов-на-Дону) «Живой контакт: герои прозы М.А. Шолохова в монументальных панно городской среды Ростова-на-Дону».

Одним из самых запоминающихся событий конференции стала презентация книг ее участников: научного издания «Поднятой целины» (ИМЛИ РАН), «“К Вам с письмом советский читатель...” Письма читателей М.А. Шолохову. 1956 – 1984» (ИМЛИ РАН), сб. «Сергей Корольков: Материалы из собрания Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова» (ГМЗШ), монографии Е.А. Костина «Запад и Россия: феноменология и смысл вражды».

По итогам работы конференции будет опубликован сборник.

Информация об авторах

А.В. Дмитрова – кандидат филологических наук, доцент.

Т.О. Осипова – кандидат филологических наук, доцент

Information about the authors

A.V. Dmitrova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

T.O. Osipova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-109-112

**Международная научно-практическая конференция
«Казачество на службе Отечеству» (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2022 г.)**

Дмитрий Владимирович Сень^{1✉}, Надежда Ивановна Швайба²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹dsen1974@mail.ru✉

²shvaiba@sfedu.ru

Для цитирования: Сень Д.В., Швайба Н.И. Международная научно-практическая конференция «Казачество на службе Отечеству» (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2022 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 109–112.

Conference materials

**International Scientific and Practical Conference “Cossacks in the service
of the Fatherland” (Rostov-on-Don, November 28, 2022)**

Dmitry V. Sen^{1✉}, Nadezhda I. Shvaiba²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹dsen1974@mail.ru✉

²shvaiba@sfedu.ru

For citation: Sen' D.V., Shvaiba N.I. International Scientific and Practical Conference “Cossacks in the service of the Fatherland” (Rostov-on-Don, November 28, 2022). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):109-112. (In Russ.).

28 ноября 2022 г. Южный федеральный университет принимал в своих стенах Международную научно-практическую конференцию «Казачество на службе Отечеству», организованную в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования России.

Казаковедческие исследования относятся к числу традиционных и высокопродуктивных исследовательских направлений в деятельности ЮФУ. Существенная доля таких разработок реализуется усилиями историков-казаковедов ИИМО ЮФУ. Состоявшаяся конференция была посвящена актуальным вопросам, относящимся к различной службе казачества и к истории взаимоотношений казачества и государственной власти, роли и места казачества в российском обществе на протяжении нескольких веков. Научный форум собрал большое количество специалистов по истории и культуре казачества, а также по его современному положению.

Конференция организована совместно с Всероссийским казачьим обществом и проходила на базе Института истории и международных отношений ЮФУ в смешанном формате, включая онлайн-выступления. В программный комитет вошли представители не только Российской Федерации, но также Абхазии, Армении, Сербии, Узбекистана.

Изначально организаторы конференции предложили возможным участникам и слушателям сосредоточиться на рассмотрении следующих крупных и актуальных для казаковедения вопросов: военная история казачества XVI – начала XXI в.; казачество и государственная власть в России: пространство диалога и неконформизма; экономическая и социальная история казачества; этническая и конфессиональная история казачества; история материальной и духовной культуры

казачества; вопросы историографии и источниковедения истории казачества. По итогам предварительной работы в адрес оргкомитета конференции поступило более 60 заявок от ученых из разных научных, общественных и учебных заведений и организаций России. Работа конференции проходила на нескольких площадках, где в ходе пленарного заседания и четырех секций обсуждались:

– Военная история казачества. Казаки во внешней политике России и сопредельных государств (секция № 1).

– Экономическая и социальная история казачества (секция № 2).

– История материальной и духовной культуры казачества (секция № 3).

– Казаковедение: историографические и источниковедческие аспекты (секция № 4).

Стоит отметить, что хронология всех представленных к обсуждению докладов охватила период от середины XVI – до первой четверти XXI в. Среди докладчиков – как доктора наук, признанные в научном мире ученые – Н.А. Мининков, И.О. Тюменцев, В.Я. Мауль, Е.В. Годовова и др., так и начинающие исследователи-казаковеды, в том числе аспиранты ЮФУ. На пленарном заседании собравшиеся заслушали пять докладов:

– Н.А. Мининков (д.и.н., профессор ИИМО ЮФУ) рассмотрел общее и особенное историографических образов казачества в концепциях историков разных научных поколений и традиций;

– И.О. Тюменцев (д.и.н., профессор, зав. лабораторией регионального развития Волгоградского института управления РАНХиГС) представил итоги комплексного изучения казачьих волоков на Волго-Донской Переволоке XVI–XVII вв., включив их в историю традиционных занятий казаков и их участия в народных движениях;

– Д.В. Сень (д.и.н., профессор ИИМО ЮФУ) выступил с аналитическим докладом о состоянии казаковедения на современном этапе применительно к возможностям и перспективам историко-компаративного метода. В частности, он привел конкретные примеры, когда неиспользование указанного метода отражается на эвристическом потенциале коллективных работ по истории разных казачьих сообществ;

– В.А. Бондарев (д.и.н., профессор ДГТУ) и Р.Г. Тикиджьян (к.и.н., доцент ДГТУ) представили совместный доклад «Расказачивание: размышления о продолжающейся дискуссии». Они акцентировали внимание на исследовательских проблемах истории так называемого естественного расказачивания и на амбивалентной политике советской власти по отношению к казакам;

– А.В. Аверьянов (д.и.н., доцент ИИМО ЮФУ) проанализировал различные практики советской политики национального строительства в казачьей среде на Юге России в 1920-е гг.

Заседания секций также проходили в смешанном формате, собрав заинтересованных специалистов из Москвы, Волгограда, Грозного, Ельца, Казани, Краснодара, Нальчика, Нижневартовска, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Таганрога, Оренбурга, Ставрополя, Черкесска и других городов. На секцию № 1 было заявлено 13 докладов. В частности, А.С. Алмазов (к.и.н., доцент ГАУГН) исследовал причины недовольства казаков Запорожского Войска взиманием налогов в царскую казну в 1666–1668 гг.; М.Е. Шалак (к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ) изучил статейный список послов в Турцию И.Д. Милославского и Л. Лазоревского в контексте продолжения «азовской эпопеи» донского казачества; У.Б. Очиров (д.и.н., г.н.с., Калмыцкий научный центр РАН) проанализировал особенности несения службы калмыцкими нойонами в Ставропольском войске в XVIII – начале XIX в.; А.Б. Изюмский (к.и.н., независимый исследователь) проанализировал положение казачьего населения Донской области в период русско-японской войны.

Для участия во второй секции было заявлено 20 докладов. Так, И.А. Ревин (к.и.н., директор Института дополнительного образования ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова) проанализировал жизнь донских казаков на Северском Донце в XVII в.; А.В. Дюкарев (к.и.н., независимый исследователь) представил для рассмотрения разные модели взаимодействия и сосуществования казачества и государственной власти в России; Р.Р. Аминов (к.и.н., с.н.с. отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ) изучил процессы перевода татар-мусульман Оренбургского казачьего войска в первой половине XIX в. в «башкирское сословие»; А.А. Волвенко (к.и.н., доцент Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) РГЭУ

(РИНХ)) системно проанализировал малоизученный учеными проект положения о Кубанском казачьем войске 1863 г.

В рамках третьей секции было заявлено 14 докладов. В частности, Е.А. Алексеенко (Муниципальное казенное учреждение «Ритуал» (г. Таганрог, смотритель) рассказала о захоронениях XIX – начала XX в. представителей казачьих семей донского дворянства, упокоенных на бывшем Христианском кладбище г. Таганрога; Л.В. Табунщикова (к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ) выявила особенности кампании по изъятию церковных ценностей в Таганрогском уезде в 1922 г.; Н.Н. Кравченко (к.и.н., ст. преп. ИИМО ЮФУ) изучила традиционный быт и его изменение на Нижнем Дону в 1960–1980-е гг.; Н.В. Кратова (к.и.н., Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР) проанализировала состояние православия в казачьих станицах Карачаево-Черкесии на современном этапе.

На четвертую секцию было заявлено 17 докладов. В.Я. Мауль (д.и.н., профессор филиала ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» в г. Нижневартовске) исследовал эвристические перспективы компаративного анализа феномена самозванцев на примере Е.И. Пугачева и португальских Лжесебастьянов; О.Н. Шевцова (к.ф.н., доцент ИФЖМКК ЮФУ) проанализировала язык исторических трудов донских авторов Е.Н. Кательникова и В.Д. Сухорукова; С.А. Иванюк (к.и.н., зам. директора по научно-музейной и образовательной деятельности, Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва») привел новые источники, в т.ч. из зарубежных архивов, об участии донского казачества в военных кампаниях Северной войны; А.Л. Бойко (к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ, с.н.с., Новочеркасский музей истории донского казачества) представил основные вехи жизненного и научного пути З.А. Виткова (1910–2006 гг.) – видного археолога, исследователя истории городков донских казаков.

По итогам всех заслушанных докладов и творческой дискуссии участники и слушатели конференции приняли резолюцию, суть которой выражена в следующих семи пунктах:

1. Признать результативными и общественно значимыми итоги конференции, состоявшейся 28 ноября с.г. на базе Института истории и международных отношений Южного федерального университета. Подобные казакведческие конференции должны стать одним из научно-образовательных символов Ростовской области и Южного федерального университета.

2. Констатировать высокий уровень казакведческих исследований, реализуемых в нескольких структурных подразделениях ЮФУ, осуществляемых в соответствии с миссией ЮФУ и в интересах российского общества и российской исторической науки.

3. В интересах консолидации всех специалистов, занимающихся историей, культурой, современным положением казачеств России, просить руководство ЮФУ сделать подобную конференцию регулярной, с периодичностью проведения (на базе ИИМО) не менее 1 раза в 2 года.

4. Отметить перспективность и научно-общественную значимость продолжающегося научно-просветительского проекта «Донской казакведческий научный семинар», реализуемого на базе Института истории и международных отношений ЮФУ.

5. Обеспечить широкое информирование научной общественности, властных структур об основных итогах конференции в целях популяризации идей и направлений казакведения на современном этапе развития общества, учебной сферы и исторической науки.

6. Совместно с учеными-казакведами ЮФУ активизировать работу по проведению лекций, семинаров, курсов повышения квалификации по истории, культуре, современному положению российского казачества, особенно в учительской и преподавательской среде, а также в интересах учащейся молодежи, включая казачьи образовательные учреждения.

7. Итоговую резолюцию конференции и научный сборник (в электронном или печатном виде) материалов конференции направить в органы государственной власти, рабочие группы, комиссии и комитеты по делам казачества федерального и регионального уровней, а также в музеи, архивы и библиотеки Юга России, в Электронную библиотеку казачества на платформе НЭБ.

Кроме того, по итогам работы конференции запланировано издание сборника ее материалов, который предполагается разместить в РИНЦ.

Информация об авторах

Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений.

Н.И. Швайба – кандидат исторических наук, преподаватель, Специализированный учебно-научный центр.

Information about the authors

D.V. Sen – Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations.

N.I. Shvaiba – Candidate of Science (History), Lecturer, Specialized Educational and Scientific Center.

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-113-116

Итоги проведения V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса: российский и зарубежный опыт» (г. Ростов-на-Дону, 7–8 апреля 2022 г.)

Роман Игоревич Сухов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
ris@sfedu.ru

Для цитирования: Сухов Р.И. Итоги проведения V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса: российский и зарубежный опыт» (Ростов-на-Дону, 7–8 апреля 2022 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 113–116.

Conference materials

Results of the V International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists “Modern problems and technologies in the sphere of tourism, hotel business, service: Russian and foreign experience” (Rostov-on-Don, April 7-8, 2022)

Roman I. Sukhov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ris@sfedu.ru

For citation: Sukhov R.I. Results of the V International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists “Modern problems and technologies in the sphere of tourism, hotel business, service: Russian and foreign experience” (Rostov-on-Don, April 7-8, 2022). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):113-116. (In Russ.).

Традиционной площадкой для обсуждения вопросов, связанных с развитием индустрии гостеприимства, является Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, которая прошла в Южном федеральном университете в апреле 2022 г. В конференции участвовали студенты из ростовских вузов, а также в дистанционном формате преподаватели и студенты из научных центров России и зарубежных стран.

В общей сложности в сборнике научных трудов конференции было опубликовано 118 статей. Большую часть публикаций представили бакалавры (60 %) и магистры (32 %), среди участников также были аспиранты и преподаватели вузов, учащиеся школ, занимающиеся изучением вопросов туристской проблематики.

В работе секций конференции приняли участие более 150 студентов и преподавателей, в том числе из зарубежных вузов.

Конференция проходила в гибридном формате: в конференц-залах Южного федерального университета, в Выставочно-просветительском отделе «Шолохов-Центра» (г. Ростов-на-Дону) и в дистанционном формате для участников из других городов России и зарубежных стран.

Доклады и публикации были представлены на русском и английском языках. В редколлегию для публикации статей поступили заявки из 15 российских и 4 зарубежных вузов: Международного научно-образовательного центра Национальной академии наук Республики Армения (г. Ереван), Ереванского государственного университета (г. Ереван), Российско-Армянского университета (г. Ереван), Азербайджанского университета туризма и менеджмента (г. Баку), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ), Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ), Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград), Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва), Тюменского государственного университета (г. Тюмень), Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (г. Москва), Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), Липецкого государственного технического университета (г. Липецк), Северо-Западного института управления, филиала РАНХиГС (г. Санкт-Петербург), Кубанского государственного университета (г. Краснодар), Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск), Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), Южно-Российского гуманитарного института (г. Ростов-на-Дону), Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). В качестве гостей конференции с докладами выступили учащиеся школы № 94 (г. Ростов-на-Дону) и гимназии № 12 (г. Ростов-на-Дону).

В первый день конференции было проведено пленарное заседание и осуществлена работа шести секций.

Доклады участников секции «Туристско-рекреационные ресурсы регионов России и мира» были посвящены вопросам исследования природных и историко-культурных ресурсов, возможностям развития природоориентированных видов туризма в России и в мире. Победителями стали: Сивакова Татьяна Евгеньевна и Сенина Алина Владимировна (обе – бакалавры, Высшая школа бизнеса ЮФУ), доклад «Особенности территориальной дифференциации туристских ресурсов в Ростовской области». Призеры: Степанова Анастасия Дмитриевна, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Конструктор городских легенд как проект развития историко-культурного туризма в Майкопе (Республика Адыгея)», Али Рахаф, магистр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Особенности организации деятельности туристских компаний в ОАЭ», Дьяволова Елизавета Дмитриевна, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Туристско-рекреационное проектирование экологического туризма в Республике Крым», Тимохина Яна Сергеевна, магистр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Современные проблемы развития детско-юношеского туризма в Российской Федерации».

На объединенном заседании секций «Информационные технологии в индустрии гостеприимства» и «Экономика туризма: глобальные и национальные тренды» были рассмотрены вопросы информатизации и автоматизации процессов в туристском бизнесе, тенденций развития туризма в России и за рубежом, маркетинга и менеджмента в индустрии гостеприимства, а также экономические аспекты деятельности туристских предприятий: туроператоров, турагентов, гостиниц. Победителями стали Корсикова Диана Юрьевна и Кравцова Лилия Алексеевна (обе – бакалавры, Высшая школа бизнеса ЮФУ), доклад «Анализ рынка предприятий общественного питания г. Ростова-на-Дону, ориентированного на молодежный сегмент». Призеры: Козлов Данила Тарасович, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Влияние пандемии COVID-19 на международный туризм и мировую экономику»; Соболев Илья Владиславович, магистр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Роль авиации в туризме в России после непреодолимых обстоятельств»; Владимиров Максим Юрьевич, магистр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Влияние внедрения концепции «Smart city» на развитие «Smart tourism» в современной России. Проблемы и перспективы».

Работа секции «Экскурсионный бизнес и музейное дело» осуществлялась на площадке Выставочно-просветительского отдела «Шолохов-Центра» под председательством его заведующего П.А. Шолохова. В основном в секции были представлены проекты творческих групп студентов, посвященные разработке экскурсий по промышленным предприятиям Ростовской области и аспектам деятельности экскурсоводов. Победителем был признан доклад «Дизайн-мышле-

ние как инструмент формирования туристских программ в промышленном туризме», представленный Касьяновой Марией Анатольевной, бакалавром Высшей школы бизнеса ЮФУ. Призовые места были отданы исследованиям: «Состояние и особенности развития промышленного туризма на примере сыроварни “Де Волан”, Ростовская область», Корсикова Диана Юрьевна, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ; «Методика проведения производственных экскурсий на винодельческих предприятиях», Мнацаканова Лолита Вадимовна и Мустафаев Рустам Тимурович (оба – бакалавры, Высшая школа бизнеса ЮФУ); «Состояние и особенности развития промышленного туризма на примере предприятия “Био-хутор Петровский”», Михеенко Константин Алексеевич, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ; «Состояние и особенности развития промышленного туризма на примере АО “Семикаракорская керамика”», Кравцова Лилия Алексеевна и Бондаренко Елизавета Эдуардовна (обе – бакалавры, Высшая школа бизнеса ЮФУ; «Состояние и особенности развития промышленного туризма (на примере винодельни “Вина Бани”, Ростовская область)», Вовк Алина Вагановна и Абдулаева Карина Хаджимуратовна (обе – бакалавры, Высшая школа бизнеса ЮФУ).

Работа секции «Предприятия индустрии гостеприимства в современных условиях» была посвящена вопросам функционирования объектов общественного питания и коллективных средств размещения. Обсуждались вопросы качества предоставляемых услуг, проблемы маркетинга и управления предприятиями, особенности процессов выхода индустрии из ограничительных условий работы, обусловленных пандемией COVID-19. Победителями стали Мнацаканова Лолита Вадимовна и Мустафаев Рустам Тимурович (оба – бакалавры, Высшая школа бизнеса ЮФУ), доклад «Оценка нативных приложений для продвижения услуг предприятий питания в российской практике». Призеры: Попова Виктория Владимировна, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Оценка использования существующей системы продвижения гостиницы “Борисоглебск”»; Личко Антон Витальевич, бакалавр, Политехнический институт (филиал) ДГТУ, г. Таганрог, доклад «Влияние пандемии COVID-19 на деятельность предприятий общественного питания»; Тарасова Ангелина Максимовна, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Обзор CRM-систем на предприятиях питания».

Доклады секции «Развитие индустрии сервиса: проблемы, тенденции и перспективы» были посвящены самым разнообразным аспектам исследовательской деятельности в сфере сервиса: подготовке кадров, продвижению и реализации услуг, инновационным технологиям и управленческим решениям. Диплом 1-й степени был присуждён Донченко Анастасии Сергеевне, бакалавру Высшей школы бизнеса ЮФУ, доклад «Особенности внедрения agile-методологии в event-индустрии». Призеры: Гордиенко Антон Валерьевич, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Логотип гостиницы как элемент позиционирования бренда»; Пащенко Оксана Александровна, специалист по УМР 1-й категории, ЮФУ, документ «Специфика обслуживания и организации клиентского сервиса»; Замковая Ирина Романовна, бакалавр, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Актуальные проблемы и перспективы развития услуг гостеприимства в Российской Федерации»; Королев Павел Александрович, бакалавр, Южно-Российский гуманитарный институт, Ростов-на-Дону, доклад «CRM-системы как инструмент повышения клиентской лояльности».

Во второй день конференции была проведена защита проектных работ студентов бакалавриата направления подготовки 43.03.02 «Туризм», представлены разработанные туристские маршруты, экскурсионные программы, результаты исследования деятельности туристских предприятий, концепции развития туристских центров.

По мнению оргкомитета и участников конференции, основная её цель и задачи были выполнены.

Также были обсуждены актуальные вопросы и практики. Мероприятия конференции способствовали развитию научного потенциала студентов и молодых ученых; позволили интегрировать деятельность преподавателей вузов в научно-исследовательскую деятельность студентов; сформировать информационное пространство для эффективного профессионального взаимодействия студентов, аспирантов, молодых ученых и практиков по направлениям работы конференции; со-

действовать развитию творческого потенциала, созданию организационно-педагогических условий для инноваций, исследовательской и проектной деятельности, для проявления инициативы, научно-методических интересов.

Информация об авторе

Р.И. Сухов – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, Высшая школа бизнеса.

Information about the author

R.I. Sukhov – Candidate of Science (Geography), Associate Professor, Head of the Department of Tourism, Graduate School of Business.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-4-117-121

**Юбилей университета и проблемы высшего образования на Юге России.
Карамурзов Б.С., Мамсиров Х.Б. КБГУ – 90: основание, становление, развитие
Кабардино-Балкарского государственного университета (основные вехи).
М.: Российский новый университет, 2022. 502 с.**

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр

Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, andrey_venk@rambler.ru

Для цитирования: Венков А.В. Юбилей университета и проблемы высшего образования на Юге России. Карамурзов Б.С., Мамсиров Х.Б. КБГУ – 90: основание, становление, развитие Кабардино-Балкарского государственного университета (основные вехи). М.: Российский новый университет, 2022. 502 с. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 117–121.

Book Review

**Anniversary of the University and problems of higher education in the South of Russia.
Karamurzov B.S., Mamsirov H.B. KBSU - 90: foundation, formation, development
of the Kabardino-Balkarian State University (main milestones). Moscow: Russian New
University Press; 2022. 502 p.**

Andrey V. Venkov

Federal Research Center the Southern Scientific Centre, Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, andrey_venk@rambler.ru

For citation: Venkov A.V. Anniversary of the University and problems of higher education in the South of Russia. Karamurzov B.S., Mamsirov H.B. KBSU - 90: foundation, formation, development of the Kabardino-Balkarian State University (main milestones). Moscow: Russian New University Press; 2022. 502 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(4):117-121. (In Russ.).

В 2022 г. в г. Нальчике вышел объемный научный труд, посвященный 90-летию Кабардино-Балкарского государственного университета. Какое значение придают авторы системе высшего образования, видно из эпиграфа: «Образование – великое творение человеческое, одно из немногих, что дают людям равные возможности ... Оно не просто обезоруживает ненависть бедного к богатому, оно делает большее – предотвращает саму бедность ...». Эти слова в 1884 г. произнес основатель системы public schools в США Хорас Манн.

Перед читателем – фундаментальное исследование, состоящее из предисловия, 6 глав, 104 (!) параграфов и послесловия. Прделана тщательная, даже кропотливая работа, напоминающая выверенную подборку документов и материалов, поскольку авторы каждое свое положение подкрепляют

системой доказательств. Это действительно всесторонняя картина истории и современного состояния ведущего вуза Северного Кавказа и одного из ведущих вузов России, хотя авторы считают, что это всего лишь попытка представить в первом приближении хронику пути университета.

Такое исследование давно назрело. В наше непростое время, когда Россия вернула себе подлинный суверенитет, на Северном Кавказе, который, по меткому выражению Ю.А. Жданова, является солнечным сплетением Евразии, вновь встает злободневный вопрос: чем должен быть университет? Какова социальная его роль? Сохраняются ли за ним социальные функции? Университет существует для среднего человека или для элиты? И, наконец, какова миссия университета на Северном Кавказе?

Для авторов труда нет сомнения, что одна из важнейших функций университета – влиять на взаимодействие и взаимопроникновение культур; содействовать интеграции различных культурных групп, заниматься просвещенческой (в самом широком толковании этого понятия) работой.

Становление высшего образования в Кабардино-Балкарии прошло сложный путь вместе со своей республикой, и в этом тернистом пути отразилась история ее народов.

Начинать приходилось с ликвидации неграмотности. Не только Кабардино-Балкария, но и вся страна в то время (после победы революции) не отличалась высоким уровнем грамотности населения. В книге показано, как государство развернуло настоящую борьбу за ликвидацию безграмотности, и авторы уверены: «Вряд ли в истории человечества можно найти пример такого бескомпромиссного подхода к борьбе за ликвидацию безграмотности своего населения».

В первых главах книги отражено, как в Кабардино-Балкарии шло формирование советской системы образования, какую роль сыграл в этом Ленинский учебный городок, как создавалась национальная письменность народов Кабардино-Балкарии, как бескомпромиссно вытеснялось религиозное образование, как наряду с борьбой с безграмотностью зарождалась система профессионального образования, готовилась база для перехода к 7-летке, а затем и к общему среднему образованию. Все эти процессы были неразрывны с процессом формирования новой социально-культурной общности.

Авторы считают, что «руководство КБАО в возникшей ситуации вынуждено было в условиях дефицита специалистов с высшим образованием сделать основную ставку на профессии учителя. Тем самым был и предопределен тип руководителя процесса советизации области. Профессия учителя воспринималась центром как наиболее приемлемая в конкретных социокультурных обстоятельствах Кабардино-Балкарии. В итоге стал создаваться, а затем и развиваться педагогический институт.

Детально показано, как за 25 лет существования пединститута с учётом перерыва деятельности на период оккупации удалось укрепить кадровый потенциал и ресурсную базу для дальнейшего развития вуза, как на его основе в Кабардино-Балкарии появился университет классического типа. С нескрываемой гордостью авторы пишут: «Впервые в истории российского государства (если не считать созданный ещё указом царя университет в Казани) в национальном субъекте был создан университет классического типа. Этот прецедент помог и другим национальным субъектам создать у себя классические университеты. Многие годы Кабардино-Балкарский государственный университет являлся кузницей кадров для субъектов Северного Кавказа».

Целый параграф посвящен первому ректору университета Хатуте Мутувичу Бербекову, чье имя носит университет с 1996 г. Авторы труда воздали должное и другим ректорам: Камбулату Наурузовичу Керефову, Владимиру Калиметовичу Глостанову, Барасби Сулеймановичу Карамурзову, Юрию Камбулатовичу Альтаудову.

Дальнейший текст, посвященный жизни университета в его первые годы, когда он стал лидером системы высшего образования на Северном Кавказе, оснащен большим количеством подлинных документов, что дает подробный срез всех направлений работы университета и делает научно-исследовательский труд похожим на сборник документов и материалов. По каждому разделу деятельности приводятся подлинные отчетные документы.

Подробно показано, как относилось к деятельности КБГУ руководство КБР, как расширялся университет, какие новые направления в нем появлялись, какие новые профессии готовились. Много внимания уделено открытию медицинского факультета.

В эпоху пресловутого «застоя» СССР КБГУ уверенно развивался. Привлекая подлинные документы и материалы, авторы дают характеристику ситуации в сфере образования в этот период в стране и в КБР. Показано, как КБГУ помогал реформировать общеобразовательную и профессиональную школы; чего добился в образовательном и воспитательном процессе; как качественно менялся профессорско-преподавательский состав, как готовились кадры высшей квалификации; как КБГУ взял на себя повышение квалификации руководящих работников Республики и специалистов народного хозяйства. Большое внимание уделено проблемам студенчества, исследована динамика их приема, организация учебного процесса и прохождения практики. Не меньше внимания уделено работе аспирантуры.

В опубликованном труде подробно показаны направления научно-исследовательской работы и достигнутые результаты. Именно в это время, в 1982 г., Кабардино-Балкарский государственный университет был награжден орденом Дружбы народов за заслуги в подготовке квалифицированных специалистов и развитии научных исследований.

Исследовались формирование материальной базы университета, организация быта студентов, повышение академической активности коллектива и уровня знаний, проведение интернациональной деятельности. Важным вкладом в систему патриотического воспитания стала организация кафедры истории КБ АССР.

В первой половине 1990-х гг. ситуация резко ухудшилась. Как считают авторы, «никому не было дела до социальных институтов. К власти рвались демагоги, преследовавшие только личные цели. Система образования оказалась вне поля интересов стоящих у власти людей... Более того, хорошо известен тезис Е.Т. Гайдара: "...России достаточно 100 вузов ..." Финансирование системы образования осуществлялось в самом начале 1990-х по остаточному признаку». Как университет и вся система высшего образования выживали в исключительно тяжелой ситуации, говорится в главе «Система высшего образования России в условиях становления нового государства».

Эта глава посвящена не столько судьбе КБГУ, сколько проблемам высшего образования России в целом. В ней поднимаются непреходящие вопросы о роли образования в жизни современного общества и, соответственно, о миссии университетов, как эта миссия стала трансформироваться в современном мире и каковой стала в современных условиях миссия Российских университетов, особенно в контексте новых вызовов для России.

В главе обращается внимание на процесс и значение дифференциации (профилизации) высших учебных заведений России в XX в. и на университетизацию России в конце XX – начале XXI в. Анализируются проблемы педагогического образования и сравниваются с таковыми в США (в России сейчас 250 тыс. вакантных мест в школах), сравнивается в целом состояние образования в США и в России, а также международная система классификации образования (МСКО) и российская система градации. Рассматриваются государственные образовательные стандарты в системе высшего образования и проблемы подготовки педагогических кадров.

Анализ современной системы высшего образования и тенденций ее развития невозможен без рассмотрения идеи по укрупнению вузов, что влечет за собой угрозы для региональных вузов, без изучения таких проблем, как интернационализация образования, наличие рынка образовательных услуг и борьбы за этот рынок, которая обострилась на рубеже веков.

В главе дается классификация стран по принципу: импорт-экспорт образовательных услуг и оценивается место России в этой системе. Уделено внимание Болонской системе, противостоящей агрессивной экспансии американской системы образования. В России многие формально включились в нее, не удосужившись узнать ее суть, тут же стали перенимать американский опыт.

Новые тенденции, невольно возникшие в связи с глобализацией, тоже не обойдены вниманием авторов. Это проблема массовых открытых онлайн курсов (МООК). Ключевой целью проекта является формирование единой эффективной системы для развития дистанционной формы обучения в РФ. В связи с этим обостряются в целом проблемы онлайн обучения и встающие по цепочке новые проблемы, вызванные появлением онлайн-курсов. Авторами ставится вопрос о социальных последствиях дистанционного обучения и формулируются задачи – что необходимо для сохранения отечественной системы образования на уровне, соответствующем вызовам времени. Одно из предложений – создание российского оператора облачной инфраструктуры.

Его основной задачей станет объединение имеющихся информационных ресурсов аппаратных средств и программных продуктов, технологий, организация доступа к человеческим ресурсам, цифровым заготовкам, к которым пользователь получает удаленный доступ. Что касается классических университетов, то именно там будут не только и не столько учить (обучать) профессии («ремеслу»), а продолжат давать образование – формировать высокоинтеллектуальную творческую личность.

«И, безусловно, основная функция университета – выявление талантов, создание системы по поиску и возвращению талантов». Авторы оптимистично считают, что «роль университетов в жизни глобального сообщества станет ключевой».

Впрочем, как показывает опыт, то, что является и признается высшей ценностью, имеет особенность скапливаться в руках ограниченного круга лиц. Так было с землей, так стало с деньгами. Теперь высшую ценность будет составлять информация. Не ждет ли нас тотальное интеллектуальное обнищание? Как отреагирует на это интеллектуальное сообщество?

Авторы считают, что «более чем двадцатилетний период реформирования системы образования российской системы высшего образования нельзя оценить однозначно». Они указывают на три основных результата реформы российской системы образования:

1. РФ включилась в формирующуюся европейскую систему образования.
2. Интенсивно пошли процессы интернационализации вузов.
3. Произошла глубокая дифференциация вузов.

Однако реформы, проводившиеся под руководством либералов, мягко говоря, прошли по системе высшего образования как цунами, и сегодня большинство университетов находятся в руинах под обломками самой системы. И тут авторы поддерживают мнение известного российского философа В.В. Миронова: «Решения в сфере образования в силу его исключительно системообразующего культурного характера, а значит, влияющего на все стороны жизни общества, не должны принадлежать какой-то монополюсной группе (будь это либералы или консерваторы), а должны осуществляться на основе предварительных экспертных оценок и широкого общественного обсуждения...».

Дав оценку системе высшего образования в России и в мире в целом, авторы обратились к результатам деятельности КБГУ в сложный современный период. Вуз выжил и продолжил свое развитие. На страницах книги представлены данные об учебной и воспитательной работе, о научно-исследовательской («значительную долю внебюджетных источников составили средства, полученные в результате научно-исследовательской деятельности»), инновационной, издательской, финансовой деятельности и по решению социальных вопросов, показана международная активность, названо количество иностранных студентов, обучавшихся в КБГУ в эти годы. То, какие успехи достигнуты, можно судить по тем планам, которые ставил перед собой коллектив университета в 2014 г.: «Занять на международном уровне прочные позиции, которые, в свою очередь, могли обеспечить дальнейшее развитие», для этого предполагалось углубление интеграции в российское и международное образовательное пространство; перевод на более высокий уровень процессов интернационализации, переход университета в разряд предпринимательских (активно занимающихся капитализацией интеллектуального потенциала университета).

Последняя 6-я глава посвящена современной жизни КБГУ им. Х.М. Бербекова. Тревожное настроение не оставляет авторов. Учитывая, что «крах образования – это крах нации», они пытаются не только описать, но и предостеречь, найти верный путь в условиях мощной информационной войны, которая ведется против нашей страны, и в первую очередь атаке подвергается система образования. Опираясь на материалы мониторинга и результаты самообследования, авторы приводят данные об учебной, научно-исследовательской работе преподавателей и учащихся, о международной и внеучебной деятельности.

Готовятся новые издания, запланированы к написанию в последующем нескольких книг под общим названием «История КБГУ», будут переизданы «Хроники пути университета» и осуществлен проект «Летопись КБГУ».

В целом перед нами уникальный по насыщенности материалом и крайне злободневный по поднятым проблемам научный труд, в котором отражена полная борьбы и побед история ведущего вуза Северного Кавказа – Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

Книга эта будет интересна преподавателям вузов и студентам, которые вскоре станут интеллектуальной опорой нашей страны.

Информация об авторе

А.В. Венков – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества.

Information about the author

A.V. Venkov – Doctor of Science (History), Professor, Head of Cossacks Laboratory.

**Указатель материалов, опубликованных в журнале
 «Известия высших учебных заведений.
 Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2022 г.**

**Index of Materials, published in the Journal
 “Bulletin of Higher Educational Institutions.
 North Caucasus Region. Social Science” in 2022**

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Аванесов А.Р. Миф и религиозность современного человека в феноменологии религии Мирчи Элиаде	1
Гончарова Е. Н. Формирование образа женской святости в раннехристианской антропологии.....	4
Егорова О.А. К вопросу о понимании античной диалектики	3
Забирова А.И. История изучения проблемы мультикультурализма в философско-культурном аспекте	3
Иванов В.Н. Проблема актуальности культурфилософского исследования феномена военной культуры... ..	4
Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Республиканские нации и нацистроительство: причинное объяснение и политический проект.....	4
Парунова Ю.Д. Логические методы в правовой аргументации	3
Паршина А.А., Королев В.К., Евграфова О.В. Цифровизация как цивилизационный фактор культуры информационного общества	1
Полякова О.А. «Базовый шаманизм» как синкретическое явление в современной культуре	2
Попченко Е.С. Влияние синергетики на трансформацию методологии исследования общественной организации	4
Пржиленская Ю.Г. Труд и трудовые отношения в горизонте междисциплинарных исследований	2
Семенова В.Г., Петриченко Е.А. Информация: история понятия, его настоящее и будущее	1
Хоконов М.А., Шоранова З.В., Урусов Р.Х. Роль и значение музыкально-песенных компонентов в мифопоэтической картине мира (на материале черкесского нартского эпоса)	1
Чикаева Т.А. Современная мировоззренческая миссия образования	3

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агафонов А.И. Донской военный портрет: атрибуция, содержание, интерпретация	1
Айриян Р.С., Лепков А.В. Конгресс США и вопрос о начале войны против Ирака: курдский фактор в 2002–2003 годах	2
Белюсова М.А., Подольников В.П. Проблемы российско-японских политических отношений 1991–2020 годов	1
Булавинцев Н.В. Протесты мая 1968 года во Франции глазами зарубежных исследователей: конфликт нарративов	3
Венков А.В. Реальная жизнь героя мемуаров и киногероя Попова 13-го (на основании его послужного списка)	2
Волошин Д.А. Крушение Римской империи в метафорах и образных сравнениях.....	4
Гапсаламов А.Р., Васильев В.Л., Бочкарева Т.Н., Ахметшин Э.М. Размышление о первых опытах создания системы управления экономикой (1917 – начало 1920-х годов)	3
Глазунова Е.Е., Мининкова Л.В. «О земледельстве» и о «рабском житии». Экономический мыслитель петровского времени о крестьянстве	2
Горбик К.А. Кредитные учреждения Области войска Донского в пореформенный период	1
Горбик К.А. Основные мероприятия Государственного банка по кредитованию угольной промышленности Области войска Донского.....	4
Гречишкина С.А. Экономика и миграционные процессы в США конца XIX – начала XX века	3
Егорышев В.Н. История возникновения мародёрства и его распространение в армии Наполеона	3
Захарина Е.А. Память о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону в конце 1940-х – начале 1950-х годов	1
Иванов А.Г. К вопросу о происхождении политики невмешательства в Испании в 1936 году (по материалам архива Форин оффис).....	4
Касьянов В.В., Баранов А.В., Яхутль Ю.А. Современные оценки взглядов большевиков на государственно-правовые формы создания Союзного государства – СССР	3

Кодалаева Х.Г. Грузинская «партия войны» и проблемы Южной Осетии в 1920 году	2
Медведев М.В. История польской армии В. Андерса в СССР в 1941–1942 годах: особенности формирования и проблемы сотрудничества	4
Паламарчук Е. А. Коллаборационистская газета «Новый путь» (бобруйское издание) как инструмент пропагандистского обеспечения оккупационной политики нацистской Германии на территории Белоруссии	4
Попенков О.Н., Буркут С.И. К вопросу об исторических корнях исламского терроризма на Ближнем Востоке	3
Телепень С.В. Высший командный состав римской армии (период принципата): к вопросу о <i>virii militares</i>	2
Узнародов Д.И. Этнические меньшинства Крыма в XX – начале XXI века: специфика демографических трансформаций	2
Умаров Дж. В. Феномен мирных горцев в ходе Кавказской войны	4
Федорова Н.В., Мекушкин А.А., Авдеев А.В. Церковно-приходские школы в 60–80-е годы XIX века: динамика численности в связи с изменениями политики в сфере начального народного образования (на примере Донской и Новочеркасской епархии)	1
Федорова Н.В., Мекушкин А.А., Пронина А.М., Пыхтин Д.И. Развитие воскресных школ Русской православной церкви в годы патриаршества Алексия II (Ридигера) (на материалах Ростовской области)	2
Царина М.А. Изучение исторической памяти в современной системе гуманитарного знания	2
Царина М.А. Мемориальная память в лицах: героини-фронтовки Большой Ялты	1
Шадрина А.В. Старообрядчество в Ростовской области в 1944–1960-е годы	4
Щекатунов О.В., Малыхин К.Г. Большевицкая модернизация России и индустриальный кадровый потенциал на Дону в 1920-е годы	3

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Морозова П.А. Перспективы сотрудничества российских компаний с китайскими аутсорсинговыми партнерами в текстильной промышленности	1
Музаев М.З. Динамика показателей пенсионного обеспечения: анализ российских микроданных	2
Узнародов И.М. Энергетический кризис в Европе и перспективы низкоуглеродной экономики	2
Фомина И.Б., Табаков А.Н. Парадигма устойчивого развития в условиях перехода к циркулярной экономике	1
Deng Yue. Public Private Partnership as a Tool to Improve Environmental Protection at the Local Management Level of China: Experience, Problems, Areas for Improvements	2
Libin N., Lazareva E.I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals	2
Lazareva E.I., Xiaowen Z. Digital Transformation as the Source of Economic Development in China	2
Wang Xiaohan. Chinese-Russian Energy Governance in the Context of Carbon Neutrality: Current Situation, Problems and Promotion Paths	2
Zhang Chong. Analysis of Coupling Relationship between E-Commerce and Regional Economic Development of China	4

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Геннадий Владимирович Драч (к 80-летию ученого)	1
Жаде З.А., Романенко М.А. «Искатели утопии»: к юбилею профессора Т. С. Паниотовой	3
Кислицын С.А., Трут В.П. Учёный и педагог с большой буквы (к 75-летию А.И. Агафонова)	2

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Екатерина Гавриловна Гежа (к юбилею коллеги)	4
Кислицын С.А. В.Ф. Ларин – видный донской революционер, председатель Азово-Черноморского крайисполкома Советов	4
Кислицын С.А. Выдающийся донской историк профессор А.В. Лубский (1947–2020)	3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дмитрова А.В., Осипова Т.О. «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы»: Шолоховские чтения – 2022 (ст. Вешенская, 7–9 сентября 2022 г.)	4
Сень Д.В., Швайба Н.И. Международная научно-практическая конференция «Казачество на службе Отечеству» (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2022 г.)	4
Сухов Р.И. Итоги проведения V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса: российский и зарубежный опыт» (Ростов-на-Дону, 7–8 апреля 2022 г.)	4

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Венков А.В.** Юбилей университета и проблемы высшего образования на Юге России. *Карамурзов Б.С., Мамсиров Х.Б.* КБГУ – 90: основание, становление, развитие Кабардино-Балкарского государственного университета (основные вехи). М.: Российский новый университет, 2022. 502 с. 4
- Денисов В.В., Крючков А.Б.** К незабываемым событиям под Вязьмой (Трагедия и героизм советских воинов в октябре 1941 года: под грифом «Сов. секретно» / авт.-сост. В.К. Бураков. Краснодар: Рекламный дом Кубани, 2021. 292 с.) 3
- Дзидзоев В. Д.** Актуальное научное исследование и его объективная оценка (*Какагасанов Г.И.* Массовые политические репрессии 20–40-х и нач. 50-х гг. XX в. в Дагестане и их последствия. Историко-документальное исследование. Махачкала: Алеф, 2020. 234 с.) 1
- Дзидзоев В.Д.** Государство сильно сознательностью граждан, коллективным терпением и поддержкой соседей (*Чибиров Л.А.* Южная Осетия. Становление государства : в 3 т. Владикавказ; Цхинвал: Абетае, 2019, 2021, 2022) 3
- Ищенко А.С.** У истоков консерватизма в России (*Гриценко К.А.* Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2021. 182 с.) 3
- Тарба И.Д.** – *Муха В.Н.* Идентификационные матрицы четырех поколений русских в современной России. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2021. 208 с. 2
- Терентьева М.С.** – *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* История Донского края в XX – начале XXI в. : учеб. пособие для средних общеобразовательных учреждений (10-й класс). Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2020. 222 с.) 2
- Узнародов И.М.** Политические институты Турции и модернизация турецкого общества (*Вартаньян Э.Г.* Социально-политическая система Турецкой Республики: история и современность. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2021. 225 с.) 3

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 26.12.22. Выход в свет 28.12.22.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 13,68. Уч.-изд. л. 15,09. Тираж 250 экз. Заказ № 8827

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print December 26, 2022. Publication December 28, 2022.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.68. Publ. sign. 15.09. Edition 250 copies. Order number 8827

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bldg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках**.
4. Полное название организации **на русском и английском языках**.
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru.
Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2022-4.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2022. № 4